

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

2' 2025

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2025. Том 17. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2025. Volume 17. No. 2

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2025. Том 17. № 2

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2

EDN: VITVCK

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

На обложке использовано изображение с онлайн ресурса Dreamstime
<https://www.dreamstime.com/portrait-smiling-elderly-women-swing-collage-abstract-background-design-senior-color-image314091098>

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2025
© Interaction. Interview. Interpretation, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

- СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru
- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

- [Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru
- [Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- [Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии.....	11
<i>Оксана Парфенова, Ирина Петухова</i>	
Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов.....	11
Полевые исследования.....	35
<i>Лариса Шпаковская, Анна Темкина, Анна Роткирх, Майя Лави-Аджай</i>	
«Сексуальная жизнь в мои 54 года стала ярче, интересней и разнообразней»: трансформативные моменты субъектности в ходе жизненного пути	35
<i>Elena Bogdanova</i>	
Self-Respect in the Life Course Narratives of the Soviet Silent Generation: An Analytical Scheme.....	57
<i>Жанна Чернова, Александра Литвинова</i>	
«Трудный возраст»: как женщины среднего класса (пере)определяют культурные нормы зрелости.....	71
<i>Юлия Зеликова</i>	
Отношение женщин среднего возраста к концепции успешного старения	92
<i>Карина Макарова</i>	
Антивозрастная косметология в старшем возрасте и сценарии старения российских женщин в перспективе жизненного пути	111

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Discussions	11
<i>Oksana Parfenova, Irina Petukhova</i>	
Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: A Review of Key Theoretical Approaches	11
Field Research	35
<i>Larisa Shpakovskaya, Anna Temkina, Anna Rotkirch, Maya Lavie-Ajayi</i>	
"Sexual Life in My 54 Years Has Become Brighter, More Interesting and More Diverse": Transformative Moments of Subjectivity in the Life Course	35
<i>Elena Bogdanova</i>	
Self-Respect in the Life Course Narratives of the Soviet Silent Generation: An Analytical Scheme	57
<i>Zhanna Chernova, Alexandra Litvinova</i>	
The Difficult Age: Exploring Media Representations of Women's Midlife Experiences	71
<i>Julia Zelikova</i>	
Attitudes of Middle-Aged Women to the Concept of Successful Aging	92
<i>Karina Makarova</i>	
"Anti-age" Cosmetology in Older Age and Aging Scenarios of Russian Women in the Perspective of the Life Course	111

Письмо редактора

Этот тематический номер развивает область интерпретативных социологических исследований жизненного пути (life course), сосредоточенных на изучении субъективных миров¹. В определенном смысле появление подхода жизненного пути — это реакция на современные социальные трансформации, в которых структурирование общества по привычным социологическим характеристикам пола, возраста, класса, утрачивает четкость и предсказуемость. В фокусе внимания авторов трансформации, которые российские информанты — преимущественно женщины — проходят в осмыслении старшего возраста, в способах позиционировать себя относительно прошлого, настоящего и будущего.

Методология, объединяющая life course и интерпретативный подход, предлагает отказаться от стандартизированной хронологии биографии как смены институционализированных паттернов определенных этапов жизни, однако соглашается с тем, что жизнь человека структурируют социальные изменения, которые он подвергает рефлексии². Множественность контекстов и обстоятельств изменений современного общества открывает широчайшее пространство для социологического осмысления того, что представляет собой жизненный путь человека, что его формирует и трансформирует, и как возможно его изучать.

Подготовка номера является попыткой осмыслить старение российского общества. По мере развития этого процесса, интересы исследователей закономерно выходят за пределы возрастных групп, связанных с активным фертильным возрастом. Период активной жизни в старшем возрасте удлиняется, люди старшего возраста перестают быть невидимыми в обществе. Подход жизненного пути позволяет уйти от стереотипных нормативных представлений о старении и раскрывает этот феномен по-новому, обнаруживая пространства для разнообразных сценариев проживания старшего возраста, агентного осмысления жизненного опыта и отношений с обществом. Россия вступает в эпоху старения чуть позже, чем страны Западной Европы, США, Япония. Между тем, общественные изменения, связанные с этим процессом, интенсивно проявляются. В связи с этим, развитие подхода жизненного пути в контексте российского общества кажется важным и своевременным.

Замысел номера состоит в том, чтобы, с одной стороны, показать различные аспекты проживания и осмысления старшего возраста в перспективе life course, обнаружить устойчивые паттерны воспроизводства и наблюдаемые

¹ Elder, Glen H. (1992) "Models of the Life Course." *Contemporary Sociology*. Vol. 21. No. 5 P. 632–35. <https://doi.org/10.2307/2075543>. Accessed 15 June 2025; Elder, Glen H. (1992) "Models of the Life Course." *Contemporary Sociology*. Vol. 21. No. 5 P. 632–35. <https://doi.org/10.2307/2075543>. Accessed 15 June 2025; Holstein J. A., Gubrium J. F. (2005) *Interpretive Practice and Social Action*. In: *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: Sage. P. 483–506.

² Hendricks J. (2012) "Considering Life Course Concepts." *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 67B. Iss. 2. P. 226–231. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr147>.

изменения нормативных возрастных границ. С другой стороны — подвергнуть сомнению паттерны таких изменений и привязку норм к определенному возрасту. В текстах номера уделяется важное внимание методологии анализа эмпирических данных, адаптации существующих инструментов и обсуждению инновационных элементов анализа. Представленные исследования опираются на качественные данные (интервью, результаты наблюдения и анализа документов), полученные в российском контексте (российские информанты или мигранты с российским бэкграундом). В связи с этим ожидается также вклад номера в понимание культурных и поколенческих особенностей жизненного пути людей старшего поколения, социализировавшихся в условиях позднесоветского общества и прошедшего через серьезные структурные трансформации конца XX — первой четверти XXI в.

Редактор номера
Елена Богданова

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.1

EDN: BLGCNZ

Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов

Ссылка для цитирования:

Парфенова О. А., Петухова И. С. Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 11–34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1> EDN: BLGCNZ

For citation:

Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2025) Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: A Review of Key Theoretical Approaches. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 11–34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1>

Парфенова Оксана Анатольевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: oparfenova@socinst.ru

Петухова Ирина Сергеевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: irini-ptz@yandex.ru

Статья представляет комплексный обзор эволюции теоретических подходов к изучению старения в социальных науках, раскрывая их взаимосвязь с изменениями социальной политики в отношении людей старшего возраста. Цель работы — рассмотреть, как различные теоретические концепции формируют основания для размывания жестких возрастных границ и нормативности старения и как достижения социальных наук отражаются в практических мерах социальной политики. Авторы проводят анализ ключевых концепций и подходов (успешного/активного старения, критической и культурной геронтологии,

перспективы жизненного пути и старения на месте), демонстрирующих переход от биодетерминизма к пониманию старения как социально конструируемого процесса, и выявляют их роли в формировании современных политик долголетия. В статье показано, что смена парадигм в исследованиях старения (от медицинской модели к социально-культурной) отражает глобальные вызовы второго демографического перехода. Авторы приходят к выводу, что современные теории старения и меры социальной политики в отношении людей старшего возраста в определенной степени синхронизированы. Размывание жестких возрастных границ по-своему выгодно государствам, заинтересованным в продлении экономически активного периода жизни людей старшего возраста. Отдельные концепции старения используются для подтверждения и оправдания мер социальной политики. Внимание практиков к достижениям социальных наук в области старения требует ответственного, критического подхода исследователей к изучению инклюзивного старения, вновь возникающих неравенств и прав пожилых на автономию.

Ключевые слова: социология старения; успешное старение; активное долголетие; критическая геронтология; культурная геронтология; старение на месте; концепция жизненного пути; постпандемийная реальность

Увеличение доли пожилых людей в структуре общества стало своего рода вызовом XX века не только для социальной науки, но и для практиков, вынужденных спешно адаптировать социальную политику под изменяющийся состав населения. Старение обществ названо ООН одним из важнейших глобальных вызовов для социальной политики на ближайшие 20–30 лет, поскольку этот процесс так или иначе затрагивает всех¹. Власти государств заинтересованы в том, чтобы снижать расходы на поддержку стареющего населения и как можно дольше удерживать пожилых в роли «взрослых» — работающих и потребляющих экономически активных субъектов. Множество публикаций посвящено необходимости пересмотра принципов пенсионного и трудового законодательства, систем страхования, социального и медицинского обслуживания, а также учета различий между поколениями с их уникальными потребностями и возможностями. Также подвергаются анализу уже предпринятые меры социальной политики и их последствия [Uhlenberg, 1992; Restrepo, 1994; Lloyd-Sherlock, 2000; Kaplan, Inguanzo, 2017].

Параллельно с поиском социально-политических решений социальные науки вносят свой вклад в изучение того, как в современных обществах изменяются представления о возрасте и старении. Социология старения изначально обращалась к общей социологии в поисках теоретических подходов, долгое время оставаясь практико-ориентированной областью. Однако сами процессы старения населения оказали существенное влияние на пересмотр основных социологических положений, связанных с неравенством,

¹ Government Policies to Address Population Ageing // United Nation. 2020 URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesapd_2020_pf_government_policies_population_ageing.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

культурными паттернами и трансформацией «общества труда» [Kohli, 1988]. Появление длительного периода жизни, не связанного с занятостью на рынке труда, способствовало формированию новой социальной реальности, в которой труд перестал быть единственным источником идентичности и статуса. Старение стало самостоятельным и важным этапом жизни и объектом исследования. В итоге старение как объект изучения социальных исследователей окончательно социологизировалось и стало восприниматься как явление во многом социально конструируемое и зависящее не только и не столько от биологических детерминант, но и от социальных и культурных норм, экономических и политических структур [Powell, Hendricks, 2009].

Сегодня уже очевидно, что старение как явление и как объект исследования выходит за привычные рамки социальной политики, политики занятости или социального обеспечения. Принадлежность же к старшему поколению начинает рассматриваться как особая идентичность, которая трансформируется в различных условиях и становится культурно обусловленной и конструируемой, так как пожилые люди придают этой фазе жизни разные смыслы и ставят перед собой разные задачи [Wanka et al., 2015]. Старение как предмет изучения социальных наук имеет и свои формы институционализации через создание и развитие тематических журналов, регулярное включение тематики старения в программы крупных международных конференций по социальным наукам, появление исследовательских проектов и даже специализированных научно-исследовательских организаций [Парфенова, 2024].

Объективный процесс второго демографического перехода стал одновременно серьезным вызовом для полисимэйкеров и объектом пристального внимания социальных исследователей. Это обусловило взаимное влияние социальных наук и политических программ адаптации к процессам старения. Многие политические меры по продлению экономической и социальной активности населения не просто согласуются с теориями социальной геронтологии об успешном/здоровом и впоследствии активном долголетии, но и базируются на подходах геронтологов и социологов. Практическая проблема отодвигания границы недееспособности на более поздний срок обнаруживает тесные связи с социологическим осмыслением того, что для современного человека означает возраст и старение как этап жизни. Цель данного обзора — рассмотреть, как социологические теоретические концепции формируют основания для размывания жестких возрастных границ и нормативности старения и как достижения социальных наук отражаются в практических мерах социальной политики в отношении людей старшего возраста.

Успешное старение: происхождение концепции и ее дрейф в сторону активного долголетия и основания для политических мер

Одним из первых вопросов о критериях успешного старения (successful ageing) сформулировал Роберт Хавигхерст в одноименной работе в 1961 году. Хавигхерст рассматривает две противоположные теории успешного

старения — теорию активности (activity theory), предполагающую сохранение активностей и установок среднего возраста так долго, как это возможно, и теорию разъединения (disengagement theory), предполагающую отстранение от активной жизни с наступлением возраста, делая выбор в пользу теории активности [Havighurst, 1961]. Впоследствии западные геронтологи придерживаются в своих работах именно теории активности. Позже заметный вклад в развитие концепции успешного старения вносят Джон Роуи и Роберт Кан в своей знаменитой статье, посвященной обычному и успешному старению. Они поднимают вопрос о гетерогенности пожилых как группы и формулируют важный вывод о том, что внешние факторы, влияющие на здоровье, зависят от самих людей: питание, привычки, образ жизни во многом определяют их состояние здоровья в старости и способны отсрочить, а иногда и предотвратить заболевания и наступление нежелательных возрастных изменений [Rowe, Kahn, 1987]. В данном случае старение уже рассматривается как вполне программируемый процесс, на который можно влиять.

Впоследствии авторы конкретизировали модель успешного старения, включив в нее предотвращение инвалидности, поддержание физических и когнитивных функций и участие в социальной и продуктивной активности [Rowe, Kahn, 1997]. Работы Роуи и Кана способствовали серьезным сдвигам в исследованиях старения: в медицинской науке произошел переход от парадигмы лечения болезней к их предотвращению. Их концепция успешного старения породила и множество последующих исследований, посвященных переходу от обычного старения, при котором не учитывается возможность влиять на внешние факторы, и старение воспринимается как биологическая данность, к успешному, когда и политические меры, и действия самого субъекта во многом влияют на внешние условия, в которых происходит старение. Однако такой подход породил волну критики, в частности, за то, что авторы уделяют слишком большое внимание индивидуальным факторам и личной ответственности за успешное старение, но недостаточно учитывают структурные ограничения, в том числе неравенства, расу, гендер, доступ к ресурсам и т.п. [Bülow, Söderqvist, 2014; Martinson, Berridge, 2015; Stowe, Cooney, 2015].

В более широком смысле возникновение концепции успешного старения связано с политическим управлением жизнью и смертью на индивидуальном и популяционном уровнях, а также с доминирующими дискурсами неолиберальной политики, которые подчеркивают индивидуальную ответственность [Bülow, Söderqvist, 2014]. С 1970-х годов под влиянием экономических кризисов и неолиберальной идеологии начался пересмотр роли государства в обеспечении старости. Государства меняют политики параллельно со сменой идеологий и начинают рассматривать пожилых не как бремя, а как ресурс [Walker, Foster, 2013]. Это приводит к трансформации концепции в политическом поле из успешного в активное старение (active aging), или, как принято в русскоязычном дискурсе, активное долголетие².

² В академическом же поле попытки переопределить успешное старение, его критерии и влияющие факторы не прекращаются [Estebarsari et al., 2020].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла термин «активное старение» в конце 1990-х годов и сыграла важную роль в его быстром распространении [Walker, 2002]. Активное долголетие становится важным политическим инструментом и стимулирует разработку политики в области старения в тех странах, где эта концепция поддерживается на государственном уровне. Индекс активного долголетия (ИАД) является одним из ключевых инструментов, используемых властями для измерения активности пожилых людей, для оценок старения и выработки мер. И саму концепцию активного долголетия, и непосредственно ИАД активно критикуют за их нормативизм и предписывание активности, моделирующие подход, не учитывающий культурные и социальные контексты, а также различающиеся ресурсы и предпочтения пожилых [см., например, Van Dyk, 2014; De São José et al., 2017]. Исследования показывают, что существует сложная взаимосвязь между типом активности, удовлетворенностью жизнью и субъективным опытом пожилых людей. В частности, опыт одиночества и уединения не всегда воспринимается как негативный, а может включать в себя конструктивные практики, такие как размышления, отдых и занятия, представляющие личный интерес [Versey, 2015; Елютина, Трофимова, 2017]. Удовлетворенность жизнью, в свою очередь, детерминирована множеством взаимосвязанных факторов, включая индивидуальные представления о благополучии, возможности выбора различных видов деятельности, состоянии здоровья и финансовой обеспеченности, которые могут варьироваться в зависимости от возрастной когорты [Formosa, 2019].

Проблема взаимосвязи между активностью и зависимостью отдельно подчеркивается исследователями, которые пишут о том, что концепция активного долголетия должна распространяться и на тех пожилых людей, которые в силу возраста или состояния здоровья являются зависимыми от посторонней помощи [Boudiny, 2013].

В настоящем же виде концепция имеет своего рода капиталистическое обрамление и ориентирована на активность во всех ее проявлениях, игнорируя существующие неравенства [Van Dyk, 2014]. Таким образом, необходим более нюансированный подход к пониманию взаимосвязи между активностью, субъективным благополучием и опытом пожилых людей, учитывающий контекстуальные и личные особенности. Подходы критической и культурной геронтологии предлагают более глубокий анализ социальных, культурных и политических контекстов старения, выходя за рамки нормативных и позитивистских моделей активного долголетия.

От критической геронтологии — к культурной

Термин «геронтология» предложил еще в XIX веке русский врач и ученый Илья Мечников для обозначения изучения возрастных изменений не только биологических, но и поведенческих и социальных наук [Mulley, 2012]. Однако широкое распространение он получил в 1960-е годы благодаря Кларку Тиббитсу, начавшему активно использовать этот термин для того, чтобы учитывать

влияние социальных факторов и сил на старение. К этим силам он относил роли и статус пожилых, то, как старики воспринимаются в обществе и в какой степени их поведение определяется нормативными ожиданиями общества [Tibbits, 1960; Cox, Newtonson, 1993]. Таким образом, социальная геронтология воплощает в себе мультидисциплинарный подход не только в практической медико-социальной работе с пожилыми, но и в изучении старения.

В ответ на развитие социальной геронтологии в 1970-х и 1980-х годах возникло критическое направление, стремящееся к более глубокому анализу социальных и политических аспектов старения. Одним из основоположников критической геронтологии является Кэрол Истес, американский социолог, чьи работы с 1970-х годов активно критиковали доминирующие теории старения. Истес призвала учитывать политические и экономические факторы, формирующие опыт пожилых людей. В своей работе «The Aging Enterprise» [Estes, 1979] Истес утверждала, что старение необходимо рассматривать в контексте социального неравенства, властных отношений и влияния государственной политики. Эта публикация, а также последующие многолетние исследования Истес оказали значительное влияние на развитие критической геронтологии и подходов к изучению старения. Истес и ее коллеги одними из первых выявили взаимосвязь между феминизацией бедности и уязвимостью пожилых женщин, продемонстрировав, как гендерное неравенство усугубляется в контексте старения [Estes, 1984]. Отличительной чертой подхода Истес является его междисциплинарность, интегрирующая социологию, политическую экономику, феминистскую теорию и критический анализ политики в отношении старения. Тем не менее дебаты о теоретическом фундаменте геронтологии не прекратились.

В середине 1990-х годов ученые приходят к выводу, что несмотря на использование таких популярных теоретических перспектив, как социальный конструктивизм, феминизм, критическая теория и т.п., усилия по развитию теоретического изучения старения недостаточны, и эмпирические данные слабо объясняются. Необходимы более сложные теоретические модели, которые будут учитывать взаимосвязь между личными ресурсами, социальными структурами и культурными контекстами, а также влияние глобальных процессов на старение [Bengtson, Burgess, Parrott, 1997]. Дискуссии продолжались. Ввиду того, что возраст как таковой не является чем-то естественным и фиксированным, для его анализа социологи используют такие понятия, как статус, роль, норма [Laz, 1998]. В зависимости от величины возраст предполагает определенный набор статусов и ролей и, как следствие, общественных ожиданий. Таким образом, возраст можно рассматривать как постоянный перформанс, характеризующийся тем, насколько носитель возраста соответствует или не соответствует общественным ожиданиям. Однако попытки концептуализировать возраст, поставив его в один ряд с расой и гендером, и рассматривать как полностью социальный конструкт [Laz, 1998] поначалу не увенчались успехом. Ограничения социального конструирования в случае с возрастом (в отличие от расы и гендера) наиболее заметны как раз на примере детей и пожилых. Тем не менее дискуссии привели к трансформации взгляда на возраст, который стал рассматриваться как процесс и результат

одновременно — ситуационный и создающийся во взаимодействии. Такой взгляд нашел отражение в целом ряде дисциплин (социологии, геронтологии, антропологии, гендерных исследованиях и т.д.) и способствовал появлению культурной геронтологии [Лаз, 2019].

На сегодняшний день культурная геронтология относительно новое и популярное направление. Она пересекается с критической геронтологией, имеющей гораздо более долгую историю, в стремлении деконструировать определение и понимание возраста. Однако, в отличие от критической геронтологии, которая укоренена в политических и экономических структурах, формирующих возрастной опыт невыгодным образом, культурная геронтология устремлена в сферу культуры [Twigg, Martin, 2015]. В фокусе культурной геронтологии находятся нормы, ценности, практики и моральные установки, касающиеся пожилого возраста [Edmondson, 2013]. В более широком смысле возникновение культурной геронтологии связано с так называемым культурным поворотом в социальных науках, подразумевающим особое внимание к теоретико-методологическим и историко-социальным аспектам [Nash, 2021]. Применительно к изучению возраста и старения это позволило отойти от хронологического/медицинского определения возраста и рассматривать его как нечто текучее и культурно конституируемое, а сам опыт старения как изменяющийся, разнообразный, менее интегрированный в социальные структуры и более подверженный культурному влиянию [Blakie, 1999; Gilleard, Higgs, 2000; Twigg, Martin, 2015]. Сегодня возраст рассматривается сквозь призму интерсекциональности, которая изучает социальные явления через пересечения множественности идентичностей и позиций, разрушающих старые и создающих новые доминирующие интерпретации позднего этапа жизни [Gilleard, Higgs, 2015]. Кроме того, возраст рассматривается как стратифицирующая система наряду с гендером и расой. Возраст определяет доступ к ресурсам и возможностям [Johfre, Saperstein, 2023]. Сдвиг представлений о возрасте как о константе в сторону его сконструированности и перформативности органично переплетается с развитием подхода жизненного пути (life course approach), подвергающего анализу все этапы жизни и меняющего понимание границ возрастных переходов.

Старение в контексте перспективы жизненного пути (life course approach)

Подход жизненного пути (life course approach) позволяет анализировать динамическую сторону жизни [Андрееenkova, 2024], события которой взаимосвязаны с изменяющимся историческим и социальным контекстом [Андрееenkova, Медведева, 2024]. Личная биография рассматривается как динамичный процесс, множественный и фрагментированный в эпоху постмодерна [Elder, 1995b; Kohli, 2007; Blossfeld, 2015; Ежов, 2005; Тыканова, Хохлова, 2016]. С одной стороны, социальные структурные факторы влияют на биографии индивидов, определяя схожесть ряда событий и этапов и даже времени их наступления,

например, законодательно установленный возраст выхода на пенсию. С другой — социальные отношения, в которые включены индивиды, личные решения и выборы определяют нелинейность и несхожесть личных биографий [Stowe, Cooney, 2015]. То есть события в личной биографии и время их наступления, временные рамки жизни, границы и этапы, наполнение этапов жизни диверсифицируются под воздействием демографических, экономических и социальных изменений [Marini, 1984; Henretta, 2003].

Глен Элдер-младший сформулировал принципы парадигмы жизненного пути: 1) осуществление индивидуальных выборов в рамках исторического и институционального контекста; 2) значение времени наступления событий в жизни; 3) развитие и взросление человека, происходящее в течение всей жизни, недискретность жизни; 4) взаимосвязь с жизнями других людей [Elder, 1995a]. Последние два принципа обеспечивают связи между социальными изменениями и индивидуальным развитием. Самостоятельность (личные решения и выборы) накладывается на структурные ограничения. Ричард Сеттерстен назвал это «самостоятельностью в рамках структуры» [Settersten, 2003]. Личные выборы, формирующие дальнейшие жизненные обстоятельства, возникают не только вследствие индивидуальных ожиданий, которые человек имеет в определенном возрасте, но и под влиянием общественных, экономических и культурных ожиданий, а также исторического времени и места, в котором они происходят [Giele, Elder, 1998]. Таким образом, индивидуальный жизненный путь — это совокупность выстроенных в особом порядке и взаимосвязанных событий и периодов, где одно событие является причиной или следствием другого, что образует единое целое, встроенное в макропроцессы [Андреенкова, Медведева, 2024].

Значимое дискретное событие на жизненном пути человека, ведущее к изменению социального положения, устройства его жизни, социальной идентичности и ролевой причастности, принято называть статусным переходом [Hutchison, 2010]. Статусные переходы могут сочетаться с возрастом, то есть некоторые события могут быть привязаны к возрасту, например, достижение совершеннолетия или возраста выхода на пенсию, тогда как другие события — не привязаны. Постепенное «отвязывание» событий от возраста создает перспективу нелинейности жизненного пути. Совокупность статусных переходов образует статусный пассаж — этап жизни, характеризующийся переходами сразу в нескольких сферах, что ведет к значительной перестройке жизни человека [Hutchison, 2010]. Разнообразный опыт, полученный на протяжении жизни, может привести в дальнейшем к разным результатам и к их различным интерпретациям как на индивидуальном, так и на культурном уровнях [Stowe, Cooney, 2015]. Например, полученное в молодости образование может по-разному влиять на взрослую жизнь или старость и по-разному оцениваться индивидом и обществом. Механизмы и процессы, описывающие влияние опыта предшествующих этапов на жизнь в более позднем возрасте, представлены в трех различных моделях жизненного пути [Berkman, 2009; Berkman et al., 2011; Hendricks, 2012]. Согласно первой модели, события или ситуации, происходящие на первых этапах жизненного пути, могут напрямую

влиять на события взрослой жизни, особенно тогда, когда они происходят в очень чувствительный или критический период развития [Berkman, 2009]. Для второй модели характерен анализ того, как жизненные ситуации ведут к накоплению рисков, которые затем обуславливают содержание поздних этапов [Berkman et al., 2011]. Наконец, согласно третьей модели, условия и события на ранних этапах жизненного пути могут косвенно влиять на содержание поздних этапов, формируя промежуточные жизненные ситуации, которые уже затем влияют на результаты в более позднем возрасте [Hendricks, 2012]. Таким образом, перспектива жизненного пути предлагает более сбалансированный взгляд на личную биографию и ее этапы, включая старение и «признавая существенную преемственность в процессах и закономерностях развития с течением времени, а также учитывая самостоятельность и изменения в контексте структурных ограничений» [Settersten, 2003; Stowe, Cooney, 2015].

Перспектива жизненного пути обеспечивает теоретическую основу для изучения возрастной идентичности, поскольку фокусируется на том, как каждое биографическое событие встроено в контекст жизненных траекторий человека [Elder, 1994; Marshall, Muller, 2003]. Мы рассматриваем возрастную идентичность как «субъективное восприятие индивидом своей собственной ситуации, складывающееся в результате его разнообразного социального опыта» [Goffman, 2009]. Возрастная идентичность индивида и приписываемые ей общественные ожидания меняются на протяжении жизненного пути. Важным свойством идентичности является категоризация себя как человека, играющего определённую социальную роль, и присвоение значений и ожиданий, связанных с этой ролью и ее исполнением [Stets, Burke, 2003]. Возраст в этом смысле является значимым параметром при соотнесении себя с той или иной социальной ролью.

Крисс Гиллард анализирует возрастную идентичность (чувствуемый и осознаваемый возраст) как компонент социальной идентичности. Индивидуальный опыт (me-experience — формирование идентичности под влиянием социальных и культурных обстоятельств) и самокатегоризация (self-categorisation — отнесение себя к той или иной группе) — два принципиально разных компонента самоидентификации [Gilleard, 2022]. При этом возраст является социально опосредованной категорией, то есть процесс возрастного самоопределения происходит под влиянием социальных и культурных факторов, общественных ожиданий и взаимодействий [Лаз, 2019; Gilleard, 2022].

Возрастная идентичность текуча и изменчива — возраст меняет свою форму даже в течение относительно коротких промежутков времени [Kotter-Grühn et al., 2015], что отличает возрастную идентичность от других, более стабильных идентичностей (пол, раса или сексуальность). На пересечении возрастной идентичности с другими (пол, раса, профессиональный статус и др.) создаются дискурсивные конструкции, и определенные идентичности выходят на первый план, так что одна идентичность становится для индивида более важной, чем другая [Ainsworth, Hardy, 2007]. Так, возрастная идентичность может выходить на первый план при «возрастных щелчках» — напоминаниях, в каких обстоятельствах нам и другим необходимо «вести себя по возрасту»

[Лаз, 2019]. Осознание возрастной идентичности может меняться в соответствии со временем и жизненным опытом. Переходы на протяжении жизни из одной социально-возрастной группы в другую влекут за собой новую возрастную идентичность в соответствии с правилами и характеристиками новой социальной группы [Montepare, 2009]. Негативное отношение к старению и пожилым способствует тому, что человек будет стремиться к отказу от идентификации себя как пожилого/старого, то есть члена этой социально-возрастной группы [Chonody, Teater, 2016; Елютина, 2023].

Различия в восприятии опыта в одной и той же возрастной группе выражаются как субъективное восприятие возраста, «субъективное восприятие старения», или «субъективное старение» [Diehl et al., 2015]. Обобщающее понятие субъективного старения включает в себя: самовосприятие старения (как люди переживают процесс своего старения); стереотипы о старости (убеждения о типичных характеристиках пожилых людей); возрастную идентичность (определение себя по возрастной группе); осознание изменений, связанных с возрастом (изменения в опыте, которые повышают осведомленность о старении); субъективный возраст (насколько старым человек себя воспринимает) [Kotter-Grühn et al., 2015]. Таким образом, возрастная идентичность — это не объект ранее существовавшей реальности, а опыт индивида в этой реальности [Carr, 2016], то есть содержание этого опыта не нормативно и индивидуально. Существующие границы жизненных этапов условны и носят в большей степени направляющий характер, нежели предписывающий, что дает возможность индивидуального планирования жизненной траектории [Андрееенкова, 2025].

Сильная сторона концепции жизненного пути в изучении старения заключается в рассмотрении старения именно как этапа жизни, а не результата, с которым сам человек/власти/общество имеют дело. Этот этап связан с предшествующими этапами жизни (способ проживания старости закладывается в молодости). Переход к этапу старения утрачивает четкие возрастные границы, субъективируется и индивидуализируется. Тем не менее для выработки политических мер представления о непрерывности жизненного пути, о молодости как подготовке к старости представляются важными.

Накопленные за годы социальные связи и привычные условия жизни существенно влияют на качество жизни человека в пожилом возрасте. Долгосрочные факторы формируют основу для понимания того, как именно, где и с кем предпочтительно стареть. В этом смысле концепция старения на месте (ageing-in-place) согласуется с подходом жизненного пути и мы включаем ее в свой обзор.

Концепция старения на месте (ageing-in-place)

Интерес к концепции старения на месте, или старения по месту жительства, наиболее известной в англоязычной литературе как ageing-in-place, возник в ответ на увеличение возрастной группы пожилых, а также на признание того, что само старение и его условия не нормативны, и стареть предпочтительно

в той среде, которая считается привычной и освоенной человеком. Всемирная организация здравоохранения определяет ageing-in-place как возможность людей жить дома, в выбранном ими месте и сообществе³. Перемещение на новое место жительства часто воспринимается пожилым человеком как драматичный поворотный момент в биографии, переход к финальному этапу жизни. Ageing-in-place позволяет избежать резких перемен и сохранить для человека старшего возраста привычную среду и бытовые условия, социальные связи. Так, ageing-in-place поддерживает непрерывное развитие биографии человека, позволяет сохранять чувство идентичности и принадлежности к месту проживания.

Старение на месте как концепция относительно недавно привлекла внимание российских исследователей, а в зарубежной литературе она изучена довольно подробно. Европейские социологи считают, что проживание в привычной среде желательно для пожилых людей, которые «должны иметь возможность жить независимо при условии, что их состояние здоровья позволяет им это делать, и что в той среде, в которой они проживают, имеется адекватное жилье и социальная поддержка» [Pani-Harreman et al., 2021]. Ключевые элементы успешного старения на месте обобщены в аббревиатуре HIPFACTS: здоровье, информация, практическая помощь, финансы, активность (физическая и умственная), компания (семья, друзья, соседи, домашние животные), транспорт, безопасность [Grimmer et al., 2015].

Привлекательность ключевых идей старения на месте способствовала расширению направлений использования концепции. Синонимами ageing-in-place в западной литературе считаются интегрированное старение (inclusive aging), независимая жизнь (independent living), здоровое старение (healthy aging), жилье для пожилых (senior housing), жизнь дома (aging at home) [Pani-Harreman et al., 2021]. Такие проекты старения стали возможны благодаря постепенному отказу от представлений о старости как о болезни, времени угасания и изоляции. В политических программах и документах отмечается, что интегрированное старение является наиболее благоприятным с точки зрения обеспечения качества жизни пожилых: процент пожилых людей, живущих дома, независимой жизнью, является одним из ключевых показателей эффективности социальной политики в Европе⁴.

В зарубежной и отечественной литературе ageing-in-place противопоставляется старению в учреждениях долговременного ухода [Grimmer et al., 2015; Григорьева, Петухова, 2022]. Таким образом, ageing in place — это позитивный подход к старению с сохранением независимости и индивидуально подобранными видами помощи [Symonds, Kelly, 1998; Zhao et al., 2014] так долго, как это возможно [Horner, Boldy, 2008]. Независимая жизнь способствует поддержанию чувства уверенности в себе, самоуправлению и повышает самооценку [Milligan, 2009].

³ Concept Note: International Technical Meeting “Aging Place” // Quebec. URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2018/12/Concept-note.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

⁴ Global Age Watch Index 2015: Insight report // Help Age International. URL: <https://www.helpage.org/resource/global-agewatch-index-2015-insight-report/> (дата обращения: 14.04.2025).

Исследователи отмечают широту самой концепции *ageing-in-place*, разнотипность ее трактовки с точки зрения географических, исторических и культурных условий. То есть сама концепция не создает каких-то нормативных представлений о том, как, где, в каких условиях стареет человек. На выбор пожилых людей оставаться в своем собственном доме как можно дольше значительное влияние оказывают не только политические меры или режим заботы, действующий в государстве [Kremer, 2006], но и собственные индивидуальные потребности [Machielse, 2016; Vermij, 2016].

Нидерландские авторы обзора, который посвящен анализу существующих определений *ageing-in-place*, выделили пять ключевых тематических направлений использования концепции в исследовательской литературе [Pani-Harreman et al., 2021]. В первом направлении акцент делается на самом понятии «место» и на его связи с процессом старения, что подчеркивает значимость пространства и среды для пожилых людей.

При этом для исследователей характерен целостный взгляд на место, включающий дом, пространство вокруг дома (домашняя среда) и район [Wanka, Moulaert, Drilling, 2018]. То есть важно пребывание человека не только в собственном доме, но и в знакомой среде, к которой люди чувствуют свою принадлежность. Отношения «человек — место» («человек — окружающая среда») создают чувство привязанности к «своему» месту (*sense of place*) [Buffel et al., 2013; Wanka, Moulaert, Drilling, 2018]. Место формирует определенные социальные связи, чувство безопасности и чувство идентичности со средой и ее обитателями [Wiles et al., 2012]. Привязанность к месту аккумулирует в себе социальное, психологическое, экологическое, функциональное, эмоциональное значение места, и эта связь «человек — место» усиливается с течением времени [Butcher, Breheny, 2016]. Чем старше человек и чем дольше он живет на определенном месте, тем сильнее он чувствует связь с этим местом и его жителями.

Второе направление посвящено анализу роли социальных сетей и межличностных отношений и влиянию их на качество жизни людей старшего возраста. Интегрированная старость характеризуется социальной сплоченностью и вовлечением в деятельность местного сообщества [Pani-Harreman et al., 2021], помогающими предотвратить одиночество и социальную изоляцию [Sixsmith, Sixsmith, 2008]. Лена Дальберг, Киеран Уолш и другие исследователи отмечают, что городская и сельская среда могут значительно отличаться наличием и теснотой социальных контактов, а также их потенциалом поддержки [Dahlberg, 2019; Walsh et al., 2020]. С одной стороны, сельская среда характеризуется персонифицированным режимом коммуникации, что ведет к образованию тесных социальных связей и сетей поддержки. С другой — сельские территории могут выступать триггерами социального исключения ввиду ограниченности социальных связей и контактов [Walsh et al., 2020].

В рамках третьего направления исследователи фокусируют внимание на поддержке, обеспечивающей устойчивое проживание пожилого человека в привычной и освоенной среде. В литературе упоминается два вида поддержки: формальная и неформальная. Формальная поддержка включает в себя

инфраструктуру, объекты и услуги, которые доступны: магазины, аптеки, общественный транспорт, медицинские и социальные услуги [Dobner et al., 2016]. Отсутствие такой инфраструктуры — серьезное препятствие для старения на месте. Неформальная поддержка — это помощь членов семьи, соседей, друзей, сообщества в целом. Развитие неформальной поддержки может существенно смягчить инфраструктурные недостатки [Wilkinson-Meyers et al., 2014]. Особенно важна поддержка соседей и сообщества, когда пожилые живут далеко от членов своей семьи [Dobner et al., 2016].

Четвертое направление посвящено изучению того, как различные технологии могут способствовать сохранению автономии и безопасности проживания людей старшего возраста в привычной среде. Мейка Ло и др. называют широкий спектр технологий: трости, ходунки, инвалидные коляски, лестничные подъемники, специальные автомобили, системы безопасности, специальная обувь, биотехнологии, цифровые устройства, вспомогательные устройства и др. [Loe et al., 2010]. В зарубежной литературе отмечается сокращение страха перед технологиями и расширение их использования ввиду ряда преимуществ [Van Hoof et al., 2011]. Технологии обеспечивают контроль и безопасность, позволяют пожилым быть более мобильными и независимыми, поддерживать контакты с членами семьи, своевременно получать необходимые услуги.

Авторы пятого направления обращают внимание на психологические особенности и личные предпочтения пожилых людей, которые влияют на их способность и желание оставаться в привычном окружении. Ключевыми личностными характеристиками успешного старения на месте являются жизнестойкость, способность к адаптации, независимость, физическая и психическая активность, сохраненное здоровье [Grimmer et al., 2015]. По мнению исследователей, такой фактор старения на месте, как личные характеристики пожилых людей, изучен сравнительно слабо [Pani-Harreman et al., 2021], хотя необходимость в подобных исследованиях существует.

Российский контекст старения значительно отличается от западного. На выбор в пользу старения на месте в значительной степени влияют финансовые возможности, состояние интернатных учреждений, семейные имущественные отношения и пр. Дмитрий Rogozin, анализируя ограничения и возможности сельского старения, приходит к выводу, что на селе практически все ограничения и возможности парны: сокращен доступ к трудовой занятости, но увеличен — к работе на приусадебных участках, сельские жители старшего возраста редко путешествуют, но сохраняют физическую активность, болеют, но сохраняют интимность. Образование — единственный важный фактор сохранения интереса к жизни, который ничем не компенсируется для жителей села [Rogozin, 2018].

Анализируя заботу в сельской местности, российские исследователи отмечают, что в селе традиционно сохраняется ресурс общины, где забота о пожилых строится не только на семейных, но и на внесемейных, квазисемейных связях — между родственниками, соседями и односельчанами [Богданова, Галкин, Низамова, 2024]. В то же время в селе формируется новая этика

заботы, которую исследователи называют общинным менеджериализмом. Это означает, что традиционные общинные нормы сочетаются с управляемым, координированным и небезвозмездным характером заботы [Богданова, Галкин, Низамова, 2024]. Этика заботы на селе является не просто традиционной практикой, но «устойчивым коммуникативным проектом»: помощь соседей вписана в систему взаимного обмена и поддержки, что позволяет преодолеть инфраструктурный дефицит и снизить проблемы социальной изоляции [Богданова, Бредникова, 2013].

Елена Богданова рассматривает проблему социальной изоляции пожилых и инвалидов, актуальную для сельских территорий, где отсутствуют условия для реализации прав на образование, труд, мобильность и участие в общественной жизни [Богданова, 2019]. Мы считаем, что стихийное проживание пожилых людей в изолированных, практически заброшенных деревнях России нельзя рассматривать как реализацию принципа старения на месте. Это скорее указывает на сложности организации социального обслуживания на большой территории при наличии удаленных малонаселенных поселений [Григорьева, Петухова, 2022].

Концепция *ageing-in-place* становится достаточно популярной в литературе и практике. Она делает акцент на привязанности людей к своей независимости и предпочтении жить в знакомой, освоенной среде [Machielse, 2016; Vermij, 2016], что способствует поддержанию чувства самостоятельности, самоуправления, самоуважения [Milligan, 2009]. Опора на такие важные для каждого человека ценности объясняет преимущества концепции. Старение дома финансово менее затратно и для государства, и для самого человека [Horner, Boldy, 2008] по сравнению с институциональными формами заботы. Старение на месте положительно влияет на субъективное благополучие человека и способствует позитивному ожиданию будущего [Van Dijk et al., 2015]. Критика концепции заключается в неопределенности и размытости понимания привязанности пожилого человека к месту. Исследователи справедливо опасаются того, что чрезмерно позитивное восприятие концепции может способствовать изоляции пожилых, что особенно нежелательно, если речь идет об отдаленных неблагополучных районах [Dahlberg, 2019; Walsh et al., 2020] и неустойчивом состоянии здоровья людей старшего возраста [Means, 2007].

Старение на месте наряду с активным долголетием — востребованный государством подход, поскольку он позволяет совместить экономию бюджета (в данном случае на содержание пожилых в специализированных домах престарелых) с идеологией комфортной/счастливой жизни. Таким образом, академические дискуссии, идущие параллельно с развитием политик старения (в том числе как ответ на эти политики), способствуют развитию представлений о старении как сложном и многогранном процессе, а о пожилых — как о гетерогенной группе с разнообразными потребностями. Тем не менее пандемия, начавшаяся в 2020 году, внесла определенные коррективы в имеющиеся дискуссии и представления о возрасте, людях старшего возраста и старении на месте.

Постпандемийная реальность: что изменилось

Пандемия оказала существенное влияние на все социальные группы и институты, однако люди старшего возраста оказались в наиболее сложном положении. Можно сказать, что с наступлением пандемии вновь укрепил свои позиции медико-биологический подход к пониманию старения, при котором люди старшего поколения воспринимаются как однородная группа и исключительно сквозь призму (не)здоровья и рисков. При этом проблемы социальной изоляции и роста эйджизма отошли на задний план [Lewis et al., 2023]. Социальная включенность и активность оказались радикально ограничены для людей старшего возраста — в большей степени, чем для других возрастных групп. Тем самым была восстановлена значимость возрастных границ, которые дифференцировали общество по возрастным группам, обладающим разным объемом прав и возможностей [Григорьева, Богданова, 2020]. Биомедицинский подход, который был задействован при выработке социальной политики в отношении старших во время пандемии, способствовал закреплению эйджистских стереотипов о старении как негативном процессе и о пожилых как обузе для экономики и системы здравоохранения [Powell, 2024].

Сегодня пандемия официально закончилась, а COVID перешел в разряд сезонных заболеваний. Однако пандемия отчетливо продемонстрировала устойчивость медико-биологического взгляда на старение. Это проявилось в форме актуализации возрастных границ, появлении и закреплении новых (старых) форм неравенств. В этической плоскости произошел откат в сторону эйджистских стереотипов (см. печально известный тег *Boomer Remoover*)⁵ [Meisner, 2022]. В период пандемии важную роль сыграли социальные исследователи, которые активно изучали, описывали и делали публичными эффекты пандемии для пожилых. Множество публикаций было посвящено негативным последствиям ограничений для пожилых и критике политических мер борьбы с пандемией. Однако в некотором отношении можно наблюдать и сближение поколений посредством резко ускорившейся цифровизации. Так, в обзорах исследований фиксируется негативное влияние изоляции в период карантинных мер на психическое здоровье старшего поколения, но наряду с этим отмечается более активное использование пожилыми людьми технологий дистанционной коммуникации для общения с социальными работниками и с близкими [Kasar, Karaman, 2021]. Наши исследования в российском контексте также показывают, что пандемия значительно ускорила процессы повышения цифровой грамотности среди людей старшего возраста [Galkin et al., 2025]. Несмотря на то, что пандемия усугубила проблему неравенства между представителями разных возрастных групп, старшее поколение искало и находило свои способы совладания со стрессом и резкими социальными

⁵ «Boomer Remover» — это сленговое, часто ироничное или даже провокационное прозвище коронавируса COVID-19, которое появилось в начале 2020 года в социальных сетях, особенно среди подростков и молодежи, подразумевает, что вирус сильнее поражает людей старшего поколения, так называемых бэби-бумеров.

изменениями в период пандемии, проявляя агентность и вырабатывая стратегии адаптации [Galkin, Grigorieva, 2024].

Один из важных эффектов пандемии состоит в том, что она продемонстрировала, как хрупки достижения современной гуманизации в отношении людей старшего возраста и как быстро уязвимые группы могут подвернуться давлению как на дискурсивном, так и на политическом уровнях. Это может служить важным уроком для всех возрастных групп.

Заключение и дискуссия

Социальный конструктивизм усиливает свою значимость в понимании возраста. Жизненный путь становится все более гибким и многогранным, стирая однозначные границы между юностью, взрослостью, зрелостью, старостью. Современные изменения в восприятии времени и опыта позволяют рассматривать этапы жизни не как фиксированные возрастные периоды, а как динамичные фазы развития, которые могут пересекаться и трансформироваться. В свою очередь, геронтологи более традиционно (в медико-биологических категориях) понимают отложенное, или отсроченное, старение (*delaying ageing*) — как продление периода здоровой жизни и отсрочку физиологических изменений, приводящих к болезни и инвалидности [Crimmins, 2015]. Инвестиции в медицинские технологии, помогающие отодвинуть старение, в перспективе могут быть более экономически выгодными для государств, чем борьба с отдельно взятыми заболеваниями [Goldman et al., 2013]. Однако, современные изменения в жизненных траекториях после 60 лет — расширение возможностей для продолжения трудовой деятельности, использование новых технологий и активное социальное вовлечение — свидетельствуют о трансформации поздних этапов жизни. Этот процесс отражает двунаправленное взаимодействие: старшее поколение стремится сохранить активность и качество жизни, а общество заинтересовано в продлении периода экономической и социальной активности. Откладывание старения становится важным элементом формирования современной жизненной траектории и социальной нормы [Григорьева, Парфенова, Галкин, 2023].

Наиболее популярные теоретические подходы к изучению старения и возраста, которые мы рассмотрели в этом обзоре, так или иначе закрепляют размывание возрастных границ и поддерживают многообразие сценариев старения, постепенно двигаясь к утверждению гетерогенности пожилых как социальной группы и настаивая на включении этих идей в современную политическую повестку. Опыт пандемии показал уязвимость теоретических концепций. В кризисной ситуации мгновенно вступают в силу медико-биологические, позитивистские представления о возрасте. Для выработки политических мер в отношении старения важной должна стать (и отчасти уже стала) идея непрерывности жизненного пути и того, что старость не существует отдельно от предшествующих этапов жизни, а подготовлена и обусловлена ими. Для социальных исследований в российском контексте

важно ответственно, внимательно и критически изучать процессы старения, обращать пристальное внимание на политику в отношении людей старшего возраста и изучать ее эффекты.

Литература / References

Андреевкова А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1> EDN: ADRPHA

Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika* [The Journal Sociological Science and Social Practice]. Vol. 12. No. 1. P. 6–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>

Андреевкова А. В. Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 3–28. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>

Andreenkova A. V. (2025) Normative Age Perceptions of Major Life Phases. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1. P. 3–28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>

Андреевкова А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.11> EDN: KQHANN

Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. (2024) Dynamics of the Event Structure of the Life Course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.11>

Богданова Е., Бредникова О. (ред.) Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни. СПб: Алетейя, 2013.

Bogdanova E., Brednikova O. (eds.) (2013) *Vdali ot gorodov. Zhizn postsovetsoj derevni* [Far from the Cities. Life of the Post-Soviet Village]. SPb.: Aleteya. (In Russ.)

Богданова Е. Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2019. С. 277–310.

Bogdanova E. (2019) Rezhim zaboty o pozhihlyh malomobilnyh lyudyah v periferijnyh poseleniyah: uspekhi i neudachi v preodolenii social'nogo isklyucheniya [Care Regime for Elderly People with Limited Mobility in Peripheral Settlements: Successes and Failures in Overcoming Social Exclusion]. *Kriticheskaya sociologiya zaboty: perekrestki socialnogo neravenstva* [Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality]. SPb.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. P. 277–310. (In Russ.)

Богданова Е., Галкин К., Низамова А. Этики соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 3. С. 285–313. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-285-313> EDN: FIPAIC

Bogdanova E., Galkin K., Nizamova A. (2024) Ethics of Neighborly Care for the Elderly in a Russian Village: Towards Community Managerialism. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review]. Vol. 23. No. 3. P. 285–313. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-285-313>

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211> EDN: WMGFWL

Grigoryeva I., Bogdanova E. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian

Review of Social Research]. Vol. 12. No. 2. P. 187–211. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 25. № 1. С. 258–262. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10> EDN: MZWTKJ

Grigoryeva I.A., Parfenova O.A., Galkin K.A. (2023) Conference “Extended Adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-COVID and Uncertainty”. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 1. P. 258–262. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>

Григорьева И. А., Петухова И. С. Теоретический подход «старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35. № 5. С. 662–667. DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001> EDN: YUIPVP

Grigoryeva I.A., Petukhova I.S. (2022) Theoretical Approach “Aging-in-Place” and the Possibility of its Popularization in Russia. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. Vol. 35. No. 5. P. 662–667. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001>

Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 22–33. EDN: OWJPBD

Ezhov O.N. (2005) The Paradigm of the Life Path in Foreign Sociology. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 8. No. 3. P. 22–33 (In Russ.)

Елютина М. Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 231–248. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10> EDN: XKLWTG

Elyutina M.E. (2023) The Conceptual Metaphor of Old Age. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 23. No. 2. P. 231–248. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>

Елютина М. Э., Трофимова О. А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50> EDN: YJKOJN

Elyutina M.E., Trofimova O.A. (2017) Lonely Living Arrangements and Coping with Loneliness in Old Age. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15. No. 1. P. 37–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50>

Лаз Ш. Веди себя по возрасту! // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 146–179. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-146-179> EDN: ZDDDBB

Laz C. (2019) Act Your Age. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 31. No. 1. P. 146–179. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-146-179>

Парфенова О. А. Старение как объект исследования в социальных науках // Петербургская социология сегодня. 2024. № 24. С. 30–44. DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-24.2fb8-3j57> EDN: LZICTG

Parfenova O.A. (2024) Aging as an Object of Research in Social Sciences. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. No. 24. P. 30–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-24.2fb8-3j57>

Рогозин Д. М. Ограничения и возможности сельского старения // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2. С. 86–101. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-2-86-101> EDN: XWQYAP

Rogozin D.M. (2018) Challenges and Prospects of Rural Aging. *Krestyanovedenie* [The Journal of Peasant Studies]. Vol. 3. No. 2. P. 86–101. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-2-86-101>

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. № 3. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301> EDN: YNKQJR

Tykanova E.V., Hohlova A.M. (2016) Key Concepts and Approaches in Sociological Life Course Studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. No. 3. P. 4–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>

Ainsworth S., Hardy C. (2007) The Construction of the Older Worker: Privilege, Paradox and Policy. *Discourse & Communication*. Vol. 1. No. 3 P. 267–285. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307079205>

Bengtson V.L., Burgess E.O., Parrott T.M. (1997) Theory, Explanation, and a Third Generation of Theoretical Development in Social Gerontology. *The Journals of Gerontology*. Vol. 52. No. 2. P. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/52B.2.572>

Berkman L.F. (2009) Social Epidemiology: Social Determinants of Health in the United States: Are We Losing Ground? *Annual Review of Public Health*. Vol. 30. P. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.031308.100310>

Berkman L.F., Ertel K.A., Glymour M.M. (2011) Aging and Social Intervention: Life Course Perspectives. In: Binstock R.H., George L.K. (eds.) *Handbook of Aging and the Social Sciences*. New York: Academic Press. P. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-380880-6.00024-1>

Blakie A. (1999) *Ageing and Popular Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.

Blossfeld H.-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S. (2015) *Gender, Education and Employment. An International Comparison of School-to-Work Transitions*. Northampton: Edward Elgar Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.4337/9781784715038>

Boudiny K. (2013) “Active Ageing”: From Empty Rhetoric to Effective Policy Tool. *Ageing & Society*. Vol. 33. No. 6. P. 1077–1098. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0144686X1200030X>

Buffel T., Phillipson C., Scharf T. (2013) Experiences of Neighbourhood Exclusion and Inclusion among Older People Living in Deprived Inner-city Areas in Belgium and England. *Ageing & Society*. Vol. 33. No. 1. P. 89–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0144686X12000542>

Bülöw M.H., Söderqvist T. (2014) Successful Ageing: A Historical Overview and Critical Analysis of a Successful Concept. *Journal of Aging Studies*. Vol. 31. P. 139–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2014.08.009>

Butcher E., Breheny M. (2016) Dependence on Place: A Source of Autonomy in Later Life for Older Maori. *Journal of Aging Studies*. Vol. 37. P. 48–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2016.02.004>

Carr D. (2016) The Stories of Our Lives: Aging and Narrative. In: *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging*. London: Palgrave Macmillan. P. 171–185. DOI: http://dx.doi.org/10.1057/978-1-137-39356-2_11

Chonody J.M., Teater B. (2016) Why Do I Dread Looking Old?: A Test of Social Identity Theory, Terror Management Theory, and the Double Standard of Aging. *Journal of Women & Aging*. Vol. 28. No. 2. P. 112–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08952841.2014.950533>

Cox H., Newton R. (1993) History of Social Gerontology. *Sociological Practice*. Vol. 11. No. 1. P. 16–32.

Crimmins E.M. (2015) Lifespan and Healthspan: Past, Present, and Promise. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 6. P. 901–911. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/geront/gnv130>

Dahlberg L. (2019) Ageing in a Changing Place: A Qualitative Study of Neighbourhood Exclusion. *Ageing and Society*. No. 40. P. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0144686X1900045X>

De São José J.M., Timonen V., Filipe Amado C.A., Pereira Santos S. (2017) A Critique of the Active Ageing Index. *Journal of Aging Studies*. Vol. 40. P. 49–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2017.01.001>

Diehl M., Wahl H.-W., Brothers A., Miche M. (2015) Subjective Aging and Awareness of Aging: Toward a New Understanding of the Aging Self. In: *Subjective Aging and Awareness of Aging. Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. Vol. 35. No. 1. P. 1–28. New York: Springer Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.1891/0198-8794.35.1>

Dobner S., Musterd S., Fortuijn J. (2016) “Ageing in Place”: Experiences of Older Adults in Amsterdam and Portland. *GeoJournal*. Vol. 81. P. 197–209. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10708-014-9613-3>

- Edmondson R. (2013) Cultural Gerontology: Valuing Older People. In: *Old Age in Europe*. Dordrecht: Springer. P. 113–130. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-007-6134-6_8
- Elder G.H. Jr. (1994) Time, Human Agency and Social Change: Perspective on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2786971>
- Elder G.H. Jr. (1995a) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*. Vol. 1. P. 165–190.
- Elder G.H. Jr. (1995b) The Life Course Paradigm: Social Change and Individual Development. In: *Examining Lives in Perspective*. Washington DC: American Psychological Association. P. 101–139.
- Estebarsari F., Dastoorpoor M., Khalifehkandi Z. R., Nouri A., Mostafaei D., Hosseini M., Esmaeili R., Aghababaeian H. (2020) The Concept of Successful Aging: A Review Article. *Current Aging Science*. Vol. 13. No. 1. P. 4–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.2174/1874609812666191023130117>
- Estes C. L. (1979) *The Aging Enterprise*. San Francisco: Jossey-Bass. P. 98–102.
- Estes C. L., Gerard L., Clarke A. (1984) Women and the Economics of Aging. *International Journal of Health Services*. Vol. 14. No. 1. P. 55–68.
- Formosa M. (2019) Active Ageing in the Fourth Age: The Experiences and Perspectives of Older Persons in Long-term Care. *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 78–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/gssfj-2019-0008>
- Galkin K., Parfenova O., Petukhova I. (2025) Older People during the COVID-19 Pandemic in Rural and Urban Areas: Digital Technologies, Medical Care and Adaptation. *Working with Older People*. Vol. ahead-of-print. No. ahead-of-print. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/WWOP-12-2024-0085>
- Galkin K., Grigorieva I. (2024) Inequalities in the Pandemic and Post Pandemic Times of Older People. Case of Russia. *Working with Older People*. Vol. 28. No. 4. P. 463–476. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/WWOP-01-2024-0005>
- Giele J. Z., Elder G. H. (eds.) (1998) *Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. Thousand Oaks: Sage. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781483348919>
- Gilleard C. (2022) Age, Subjectivity and the Concept of Subjective Age: A Critique. *Journal of Aging Studies*. Vol. 60. P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2022.101001>
- Gilleard C., Higgs P. (2000) *Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body*. London: Prentice Hall.
- Gilleard C., Higgs P. (2015) The Cultural Turn in Gerontology. *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge. P. 29–37.
- Goffman E. (2009) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York: Simon and Schuster.
- Goldman D. P., Cutler D., Rowe J. W., Michaud P. C., Sullivan J., Peneva D., Olshansky S. J. (2013) Substantial Health and Economic Returns from Delayed Aging May Warrant a New Focus for Medical Research. *Health Affairs*. Vol. 32. No. 10. P. 1698–1705. DOI: <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2013.0052>
- Grimmer K., Kay D., Foot J., Pastakia K. (2015) Consumer Views about Aging-in-Place. *Clinical Interventions in Aging*. Vol. 2015. P. 1803–1811. DOI: <https://doi.org/10.2147/CIA.S90672>
- Havighurst R. J. (1961) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 1. No. 1. P. 8–13.
- Hendricks J. (2012) Considering Life Course Concepts. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 2. P. 226–231. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr147>
- Henretta J. (2003) The Life-Course Perspective on Work and Retirement. In: R. Settersten (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward New Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood. P. 85–105.
- Horner B., Boldy D. P. (2008). The Benefit and Burden of “Ageing-in-Place” in an Aged Care Community. *Australian Health Review*. Vol. 32. No. 2. P. 356–365. DOI: <https://doi.org/10.1071/AH080356>
- Hutchison E. D. (2010) A Life Course Perspective. *Dimensions of Human Behavior: The Changing Life Course*. Vol. 4. P. 1–38.
- Johfre S., Saperstein A. (2023) The Social Construction of Age: Concepts and Measurement. *Annual Review of Sociology*. Vol. 49. No. 1. P. 339–358. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-031021-121020>

- Kaplan M.A., Inguanzo M.M. (2017) The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. *Journal of Social Work in the Global Community*. Vol. 2. No. 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.5590/JSWGC.2017.02.1.01>
- Kasar K.S., Karaman E. (2021) Life in Lockdown: Social Isolation, Loneliness and Quality of Life in the Elderly during the COVID-19 Pandemic: A Scoping Review. *Geriatric Nursing*. Vol. 42. No. 5. P. 1222–1229. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2021.03.010>
- Kohli M. (1988) Ageing as a Challenge for Sociological Theory. *Ageing and Society*. Vol. 8. No. 4. P. 367–394. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X00007169>
- Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead. *Research in Human Development*. Vol. 4. No. 3–4. P. 253–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/15427600701663122>
- Kotter-Grühn D., Kornadt A.E., Stephan Y. (2015) Looking Beyond Chronological Age: Current Knowledge and Future Directions in the Study of Subjective Age. *Gerontology*. Vol. 62. No. 1. P. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.1159/000438671>
- Kremer M. (2006) The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared. *Social Politics*. Vol. 13. No. 2. P. 261–285. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxj009>
- Laz C. (1998) Act Your Age. *Sociological Forum*. Vol. 13. No. 1. P. 85–113. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1022160015408>
- Lewis C., Phillipson C., Yarker S., Lang L. (2023) A Sociological Analysis of the Impact of COVID-19 on Older People. In: *COVID-19, Inequality and Older People*. Bristol: Policy Press. P. 9–21. DOI: <https://doi.org/10.51952/9781447367468.ch002>
- Lloyd-Sherlock P. (2000) Population Ageing in Developed and Developing Regions: Implications for Health Policy. *Social Science & Medicine*. Vol. 51. No. 6. P. 887–895. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(00\)00068-X](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(00)00068-X)
- Loe M. (2010) Doing It My Way: Old Women, Technology and Wellbeing. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 3. No. 2. P. 319–334. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2009.01220.x>
- Machielse A. (2016) *Afgezonderd of Ingesloten? Over Sociale Kwetsbaarheid van Ouderen*. Rotterdam: Universiteit voor Humanistiek.
- Marini M.M. (1984) Age and Sequencing Norms in the Transition to Adulthood. *Social Forces*. Vol. 63. No. 1. P. 229–244. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/63.1.229>
- Marshall V.W., Mueller M.M. (2003) Theoretical Roots of the Life-course Perspective. *Social Dynamics of the Life Course*. New York: Aldine de Gruyter. P. 3–32.
- Martinson M., Berridge C. (2015) Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 1. P. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu037>
- Means R. (2007) Safe as Houses? Ageing in Place and Vulnerable Older People in the UK. *Social Policy & Administration*. Vol. 41. No. 1. P. 65–85. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2007.00539.x>
- Meisner B.A. (2022) Are You OK, Boomer? Intensification of Ageism and Intergenerational Tensions on Social Media Amid COVID-19. In: *Leisure in the Time of Coronavirus*. New York: Routledge. P. 83–88.
- Milligan C. (2016) *There's No Place Like Home. Place and Care in an Ageing Society*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315551128>
- Montepare J.M. (2009) Subjective Age: Toward a Guiding Lifespan Framework. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 33. No. 1. P. 42–46.
- Mulley G. (2012) A History of Geriatrics and Gerontology. *European Geriatric Medicine*. Vol. 3. No. 4. P. 225–227. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurger.2012.06.007>
- Nash K. (2001) The “Cultural Turn” in Social Theory: Towards a Theory of Cultural Politics. *Sociology*. Vol. 35. No. 1. P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0038038501000050>
- Pani-Harremman K.E., Bours G.J., Zander I., Kempen G.I., van Duren J.M. (2021) Definitions, Key Themes and Aspects of “Ageing in Place”: A Scoping Review. *Ageing & Society*. Vol. 41. No. 9. P. 2026–2059. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X20000094>

Powell J.L. (2024) Pandemics, Welfare, and Aging. In: Aging, Aging Populations and Welfare. In: *International Perspectives on Aging*. Vol. 40. Cham: Springer. P. 45–59. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-56399-7_4

Powell J.L., Hendricks J. (2009) The Sociological Construction of Ageing: Lessons for Theorising. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 29. No. ½. P. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.1108/01443330910934745>

Restrepo H.E., Rozental M. (1994) The Social Impact of Aging Populations: Some Major Issues. *Social Science & Medicine*. Vol. 39. No. 9. P. 1323–1338.

Rowe J.W., Kahn R.L. (1987) Human Aging: Usual and Successful. *Science*. Vol. 237. No. 4811. P. 143–149. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.3299702>

Rowe J.W., Kahn R.L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 37. No. 4. P. 433–440.

Settersten R.A. (2003) Propositions and Controversies in Life-Course Scholarship. In: Settersten R.A. (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward New Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood Publishing. P. 15–45.

Sixsmith A., Sixsmith J. (2008) Ageing in Place in the United Kingdom. *Ageing International*. Vol. 32. P. 219–235. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12126-008-9019-y>

Stets J.E., Burke P.J. (2003) A Sociological Approach to Self and Identity. *Handbook of Self and Identity*. New York: Guilford Press. P. 128–152.

Stowe J.D., Cooney T.M. (2015) Examining Rowe and Kahn's Concept of Successful Aging: Importance of Taking a Life Course Perspective. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 1. P. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu055>

Symonds A., Kelly A. (eds.) (1998) *The Social Construction of Community Care*. Basingstoke: Macmillan.

Tibbitts C. (ed.) (1960) *Handbook of Social Gerontology: Societal Aspects of Aging*. Chicago: University of Chicago Press.

Twigg J., Martin W. (2015) The Field of Cultural Gerontology. *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge. P. 1–16.

Uhlenberg P. (1992) Population Aging and Social Policy. *Annual Review of Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 449–474. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.002313>

Van Dijk H. (2015) *Neighborhoods for Ageing in Place*. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam.

Van Dyk S. (2014) The Appraisal of Difference: Critical Gerontology and the Active-Ageing-Paradigm. *Journal of Aging Studies*. Vol. 31. P. 93–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2014.08.008>

Van Hoof J., Kort H.S., Rutten P.G., Duijnste M.S.H. (2011) Ageing-in-Place with the Use of Ambient Intelligence Technology: Perspectives of Older Users. *International Journal of Medical Informatics*. Vol. 80. No. 5. P. 310–331. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2011.02.010>

Vermij L. (2016) *Kleine Gebaren*. Hague: Sociaal Cultureel Plan Bureau.

Versey S.H. (2015) Activity Theory. In: Whitbourne S.K. (ed.) *The Encyclopedia of Adulthood and Aging*. Hoboken: John Wiley & Sons. P. 1–8.

Walker A. (2002) A Strategy for Active Ageing. *International Social Security Review*. Vol. 55. No. 1. P. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-246X.00118>

Walker A., Foster L. (2013) Active Ageing: Rhetoric, Theory and Practice. In: *The Making of Ageing Policy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 27–52.

Walsh K., O'Shea E., Scharf T. (2020) Rural Old-age Social Exclusion: A Conceptual Framework on Mediators of Exclusion across the Lifecourse. *Ageing & Society*. Vol. 40. No. 11. P. 2311–2337. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19000606>

Wanka A., Kolland F., Psihoda S. (2015) Job Strain and Coping among Ageing Baby Boomers. *Zeitschrift Für Gerontologie Und Geriatrie*. Vol. 48. No. 6. P. 511–516. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00391-015-0929-5>

Wanka A., Moulaert T., Drilling M. (2018) From Environmental Stress to Spatial Expulsion-Rethinking Concepts of Socio-Spatial Exclusion in Later Life. *International Journal of Ageing and Later Life*. Vol. 12. No. 2. P. 25–51. DOI: <https://doi.org/10.3384/ijal.1652-8670.18402>

Wiles J.L., Leibing A., Guberman N., Reeve J., Allen R.E. (2012) The Meaning of "Aging in Place" to Older People. *The Gerontologist*. Vol. 52. No. 3. P. 357–366. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnr098>

Wilkinson-Meyers L., Brown P., McLean C., Kerse N. (2014) Met and Unmet Need for Personal Assistance among Community-Dwelling New Zealanders 75 Years and Over. *Health & Social Care in the Community*. Vol. 22. No. 3. P. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.1111/hsc.12087>

Zhao Y., Thomas S.L., Guthridge S.L., Wakerman J. (2014) Better Health Outcomes at Lower Costs: The Benefits of Primary Care Utilisation for Chronic Disease Management in Remote Indigenous Communities in Australia's Northern Territory. *BMC Health Services Research*. Vol. 14. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1186/1472-6963-14-463>

Сведения об авторах:

Парфенова Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** oparfenova@socinst.ru. **РИНЦ Author ID:** 821051; **ORCID ID:** 0000-0001-6187-7947; **ResearcherID:** JXL-5006-2024.

Петухова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** irini-ptz@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 748740; **ORCID ID:** 0000-0002-5218-6658; **ResearcherID:** AAB-6880-2022.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2024

Принята к публикации: 04.03.2025

БАК: 5.4.1

Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: A Review of Key Theoretical Approaches

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.1

Oksana A. Parfenova Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: oparfenova@socinst.ru

Irina S. Petukhova Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: irini-ptz@yandex.ru

The article provides a comprehensive overview of the evolution of theoretical approaches to the study of aging in the social sciences, revealing their relationship with changes in social policy regarding older people. The aim of the work is to consider how various theoretical concepts form the basis for blurring strict age boundaries and the normativity of aging, and how the achievements of the social sciences are reflected in practical measures of social policy. The authors analyze the key concepts (successful/active aging, critical and cultural gerontology,

the concept of the life course and aging in place) demonstrating the transition from biological determinism to understanding aging as a socially constructed process and identifying their roles in shaping modern longevity policies. The article shows that the paradigm shifts in aging studies (from the medical model to the socio-cultural one) reflects the global challenges of the second demographic transition. The authors conclude that modern theories of aging and social policy measures regarding older people are synchronized to a certain extent. The blurring of rigid age boundaries is in its own way beneficial to states interested in extending the economically active lifespan of older people. Certain concepts of ageing are used to confirm and justify social policy measures. The emphasis on practitioners' attention to the achievements of social sciences in the field of ageing requires a responsible, attentive and critical approach by researchers to the study of inclusive ageing, emerging inequalities and the rights of the elderly to autonomy.

Keywords: sociology of aging; successful aging; active aging; critical gerontology; cultural gerontology; aging in place; life course perspective; post-pandemic reality

Authors Bio:

Oksana A. Parfenova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** oparfenova@socinst.ru. **RSCI Author ID:** 821051; **ORCID ID:** 0000-0001-6187-7947; **ResearcherID:** JXL-5006-2024.

Irina S. Petukhova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** irini-ptz@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 748740; **ORCID ID:** 0000-0002-5218-6658; **ResearcherID:** AAB-6880-2022.

Received: 14.12.2024

Accepted: 04.03.2025

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.2

EDN: ECXKCO

«Сексуальная жизнь в мои 54 года стала ярче, интересней и разнообразней»: трансформативные моменты субъектности в ходе жизненного пути

Ссылка для цитирования:

Шпаковская Л. Л., Темкина А. А., Роткирх А., Лави-Аджай М. «Сексуальная жизнь в мои 54 года стала ярче, интересней и разнообразней»: трансформативные моменты субъектности в ходе жизненного пути // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 35–56. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.2> EDN: ECXKCO

For citation:

Shpakovskaya L. L., Temkina A. A., Rotkirch A., Lavie-Ajayi M. (2025) "Sexual Life in My 54 Years Has Become Brighter, More Interesting and More Diverse": Transformative Moments of Subjectivity in the Life Course. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 35–56. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.2>

Шпаковская Лариса Леонидовна

Университет Хельсинки,
Хельсинки, Финляндия

E-mail: slarisalarisa@gmail.com

Темкина Анна Андриановна

Университет Бен-Гуриона,
Тель-Авив, Израиль

E-mail: atemkina@gmail.com

Роткирх Анна

Институт Народонаселения,
Хельсинки, Финляндия

E-mail: anna.rotkirch@vaestoliitto.fi

Лави-Аджай Майя

Университет Бен-Гуриона,
Тель-Авив, Израиль

E-mail: laviema@bgu.ac.il

Статья посвящена исследованию трансформативных моментов сексуальной субъектности женщин пострепродуктивного возраста, использующих дейтинговые платформы для поиска партнеров. В фокусе внимания — то, как ключевые события жизненного пути влияют на изменение сексуальной субъектности, выражение желания и переживание удовольствия. Под трансформативными моментами понимаются телесно воплощенные события, радикально изменяющие сексуальную жизнь. Сексуальная субъектность трактуется как способ нарративизации себя в качестве сексуального субъекта — через значения, приписываемые сексу и сексуальности, а также через мысли, чувства и рассказы о себе.

Эмпирическая база исследования включает 45 интервью с русскоязычными женщинами в возрасте 51+, проживающими в Финляндии, Израиле и России. Все участницы родились в СССР в 1960-е годы и принадлежат к поколению, чья сексуальная социализация и культура трансформировались как в России, так и в странах, куда эмигрировали информантки. Три случая, отобранные для подробного анализа, позволяют проследить трансформации сексуальной субъектности в различных культурных и социальных контекстах.

Были выделены три аффирмативные модели сексуальной субъектности: раскрепощение сексуального желания, осознание собственной сексуальной привлекательности, переосмысление телесности и исследование сексуальности. Анализ сосредоточен на изменениях сексуальной жизни, восприятия и репрезентации тела, а также на тех событиях, которые инициировали трансформации сексуальной субъектности — разводах, миграции, менопаузе и других жизненных поворотах. Полученные данные показывают, что переживания сексуальности в старшем возрасте варьируются: возрастные изменения, включая менопаузу, интерпретируются не только через утраты, но и воспринимаются как источник нового телесного опыта, осмысленного через накопленные знания, навыки и понимание себя. Сексуальность в старшем возрасте приобретает аффирмативный характер, а телесность может восприниматься позитивно.

Ключевые слова: сексуальная субъектность; женщины старшего возраста; трансформативные моменты; жизненный путь

Благодарности

Авторы благодарят участниц исследования, которые рассказали свои истории, а также своих коллег: Марию Глухову, Екатерину Макарову, Дарью Никитину, Ларису Ременник, Екатерину Токалову, Анну Шадрину, Юлию Шевченко и Елену Здравомыслову.

Введение

Статья посвящена исследованию *трансформативных моментов* в сексуальной субъектности женщин пострепродуктивного возраста, ищущих партнеров через дейтинговые платформы. Мы анализируем, каким образом на протяжении жизненного пути такие моменты влияют на проявление желания и удовольствия. Под трансформативными моментами мы понимаем телесно воплощенные события, радикально изменяющие сексуальную жизнь. Сексуальная субъектность здесь исследуется как процесс нарративизации: то, как женщина ощущает себя, рассказывает о себе как о сексуальном субъекте. Нас интересует изменение сексуальной субъектности в динамике биографии, исследуемое через нарратив о телесно маркированных.

Эмпирическая база включает 45 интервью с женщинами 51+, проживающими в Финляндии, Израиле и России. Все собеседницы родились в СССР в 1960-е годы, принадлежат к одному поколению и стали свидетелями значительных сдвигов в сексуальной культуре рассматриваемых стран. Для анализа были отобраны три биографических случая, позволяющие изучить трансформативные моменты в контекстах различных сексуальных культур. Мы исследуем, как перестраивается сексуальная жизнь, как в нарративах репрезентируются телесные изменения и как на них влияют развод, миграция, менопауза, сдвиги в сексуальных нормах и личный опыт.

Особое внимание уделяется тому, как биографические и структурные преобразования воплощаются в телесно переживаемый опыт — восприятие привлекательности, уверенность, новые эротические практики, способность выражать и осознавать желание, осуществлять выбор. Несмотря на то, что сексуальность женщин после менопаузы часто остается невидимой, как будто люди старшего возраста не являются сексуальными субъектами [Fileborn et al., 2015a; Syme et al., 2019], в последние десятилетия происходят важные перемены: увеличивается продолжительность жизни, улучшается здоровье, распространяется дискурс активного долголетия, растет число разводов, изменяются гендерные и сексуальные нормы, [Katz, Marshall, 2003; Laumann et al., 2006; Hägglund, Rotkirch, 2021; Towler et al., 2021, 2023].

Развитие цифровых технологий, включая дейтинговые приложения, расширяет возможности интимной жизни людей старшего возраста [Bergström, 2022; Gewirtz-Meydan et al., 2023], хотя исследований в этой области пока немного [Gewirtz-Meydan et al., 2023b; Wu, Trottier, 2022].

Сексуальная субъектность женщин старшего возраста и ее изменения остаются малоизученными [Fileborn et al., 2015a], особенно в постсоциалистических и незападных странах [Laumann et al., 2006]. Мы рассматриваем телесный опыт как формирующийся на пересечении материальности стареющего тела, накопленного жизненного опыта и культурных норм сексуальности [Attala, Steel, 2019]. Под сексуальной культурой мы понимаем культурные значения и социальные практики, структурирующие сексуальное поведение в определенных национальных и исторических контекстах [Parker, 2009]. При анализе пересечения возраста и сексуальности мы учитываем специфику советской

традиционной сексуальной культуры и ее изменения, особенно в ситуациях миграции [Gore-Gorszewska, Ševčíková, 2022; Cvajner, 2019].

Исследовательский вопрос статьи: как трансформативные моменты влияют на изменение сексуальной субъектности и выражение желания женщин пострепродуктивного возраста?

В статье представлены:

- теоретические подходы, связывающие телесные трансформации с изменениями субъектности;
- обзор сексуальных культур, в которых находятся участницы исследования;
- описание данных и методов;
- три нарратива, иллюстрирующие изменения субъектности через телесный опыт;
- интерпретация этих изменений в контексте биографических поворотов.
- Работа продолжает предыдущее исследование сексуальной субъектности женщин старшего возраста, в котором были выделены три ключевых категории: желание, забота и безопасность [Temkina et al., 2024].

Трансформативные моменты сексуальной субъектности: теоретическая рамка

Под сексуальной субъектностью мы понимаем то, как женщина ощущает и нарративизирует себя как субъект, какие значения она приписывает сексу и сексуальности; что она думает, чувствует и рассказывает о себе как о сексуальном субъекте [Tolman, 2012; Fileborn et al., 2015a, b; Schalet, 2010]. В постструктуралистской перспективе субъектность рассматривается как эффект дискурсов. Такая субъектность не способна сопротивляться производящим ее нормативным дискурсам, поэтому возможности субъекта к саморефлексии и агентности существенно ограничены.

Учитывая важность дискурсов в конструировании субъекта, мы, вслед за Брайнт, Шофилд и Сандберг, считаем необходимым обратить внимание на материальные аспекты, т.е. на физическое тело, производящее практики, обладающее желанием и агентностью [Bryant, Schofield, 2007; Sandberg, 2013; Jackson, Scott, 2001]. Субъектность в таком случае рассматривается как выражение материального телесного опыта, который создает пространство для активного действия (агентности) и рефлексивности. Сандберг пишет: «Материальное тело следует понимать как обладающее силой и способностью формировать субъектность и социальность, а не просто как податливый сырой материал, принимающий форму в социокультурных дискурсивных режимах» [Sandberg, 2013: 17]. Сексуальная субъектность претерпевает изменения в ходе жизненного пути, будучи связанной с физическими особенностями женского тела [Fileborn et al., 2015a], а также с изменениями сексуальной культуры и гендерных норм [Laumann et al., 2006].

Немногочисленные исследования сексуальной субъектности показывают, что она подвижна и изменчива [Fileborn et al., 2015b]: на нее воздействует множество социальных процессов, в том числе индивидуализация и консюмеризация сексуальности [Gill, Scharff, 2013]. Женщины старших возрастов могут изменять свою субъектность, осуществляя и переживая определенные телесные практики, накапливая опыт, осознавая свои потребности и желания; сексуальная жизнь может оцениваться ими более позитивно, женщины могут становиться более активными и уверенными [Vares et al., 2007]. Тела в старшем возрасте, как пишет Сандберг, также способны производить возбуждение и содержат потенциал удовольствия [Sandberg, 2013: 31]. Конфигурация телесных сексуальных практик и практик, влияющих на желание, осмысливается как центральная в сексуальной субъектности. Такой подход к субъектности позволяет преодолевать бинарность между образом асексуальной женщины, с одной стороны, и образом *sexu oldie*, с другой [Fileborn et al., 2015a; Sandberg, 2013].

Как показывают Брайнт и Шофилд, развитие сексуальной субъектности включает трансформативные моменты, в которых меняется ее осознание и выражение. Мы используем концепт трансформативных моментов для того, чтобы вслед за этими авторами подчеркнуть телесную воплощенность изменения сексуальной субъектности и показать конкретные моменты ее переосмысления. Например, когда женщина осознает, что у нее есть выбор в сексуальных отношениях, а возможность выразить отказ впоследствии позитивно влияет на ее желание, или когда женщина обнаруживает сексуальное удовольствие в процессе осуществления определенных телесных практик. Трансформативные моменты приводят к восприятию себя как сексуального субъекта: «через телесный опыт обнаруживаются новые эротические возможности» [Bryant, Schofield, 2007: 334]. Тело — это динамическая сила, производящая субъектность. Опыт обнаружения и осознания желания и агентности, согласно Брайнт и Шофилду, может приводить к дальнейшему исследованию себя, сексуальному обучению, обретению навыков (*sexual skillings*) и рефлексивности. Такую телесно воплощенную сексуальную субъектность Сандберг называет аффирмативной¹: она агентна и производит удовольствие, однако не сводима в старших возрастах к позитивному или активному старению [Sandberg, 2013; Towler et al., 2023]. Признавая телесно воплощенное и переживаемое отличие людей старшего возраста, их уязвимость и конечность жизни, авторы делают фокус на конкретном опыте желания, удовольствия и обретения контроля [Towler et al., 2023]. Поэтому, как мы показали в предыдущем исследовании, желание уязвимых женщин старшего возраста связывается ими с потребностью в безопасности и заботе [Temkina et al., 2024].

Женщины занимают активную позицию в создании своей жизни и обретении сексуального опыта с учетом возможностей и ограничений в конкретных контекстах [Elder et al., 2003]. Телесные практики интерпретируются с помощью культурных средств (дискурсов) и опосредуются ими; агентность формируется

¹ Аффирмативный — утвердительный, положительный. В психологии аффирмации — это позитивные утверждения, которые используются для самовнушения

во взаимодействии с доступными дискурсами и ресурсами, изменяя социальные образцы и практики женщин старшего возраста. Так возникают вариативные «порождающие» (*generative*) [Bryant, Schofield, 2007] или «становящиеся» (*becoming*) [Sandberg, 2013] проекты создания сексуального субъекта. Через телесный опыт, взаимодействия и рефлексия в таких проектах обнаруживаются новые значения сексуальности. Фокус данной статьи направлен на телесно воплощенные трансформативные моменты, то есть микроконтексты телесного опыта. На такой опыт оказывают воздействие структурные контексты жизненных историй: развод, смерть партнера, менопауза, болезнь, миграция, взросление детей и пр. Структурные контексты делают возможным получение того или иного сексуального опыта; мы это учитываем, однако не рассматриваем данные факторы в деталях. Мы изучаем, прежде всего, телесно переживаемый опыт, который проявляется в поиске партнера, сексуальном взаимодействии, понимании желания и новых эротических практиках.

Довольно мало известно о сексуальности и сексуальной субъектности женщин старшего возраста в постсоциалистических странах [Gore-Gorszewska, Ševčíková, 2022], особенно в бывшем СССР. Телесный опыт оказывается скрыт медикализированными дискурсами о болезнях, физическом и ментальном регрессе [Zelikova, 2019; Рогозин, 2018]. Женщины данного поколения сталкиваются с особыми ограничениями в выражении сексуального желания, поскольку советская сексуальная культура предлагала только один сценарий — постсексуальной бабушки, в котором женщины старших возрастов являлись асексуальными, а их жизнь и субъектность должны были быть организованы вокруг семьи и заботы о внуках [Shadrina, 2022]. Современные исследования, однако, демонстрируют, что женщины старших возрастов обретают новый опыт и замечают изменения сексуальной культуры и появление новых романтических возможностей, например, после миграции из бывшего Советского Союза [Gewinner, 2020; Cvajner, Sciortino, 2021]. Их нарративы становятся нарративами об изменениях.

Социально-культурный контекст трансформации сексуальности

Женщины, с которыми были проведены интервью, родились в СССР между 1950 и 1960 годами; их формативные годы пришлись на 1970–80-е. Этот период характеризуется декларируемым гендерным равенством в публичной сфере, однако в приватной сфере гендерные роли во многом оставались традиционными. Это время исследователи также называют периодом поведенческой сексуальной революции, когда на фоне публичного умолчания сексуальности происходила значительная либерализация интимности в повседневной жизни [Rotkirch, 2000; Temkina, 2008]. В интерпретации сексуальности преобладали пронаталистские и романтические сценарии, сохранялись гендерные стереотипы; репертуар доступных дискурсивных средств был ограничен и не включал гедонистические категории. Женщины позиционировали себя в сексуальных отношениях преимущественно как объекты мужского желания [Temkina, 2008].

В 1990-е годы, после распада СССР, наметились существенные перемены в сфере интимности. Расширились дискурсивные средства ее выражения благодаря глобализации и консьюмеризации. Публично сексуальность стала репрезентироваться более либерально, но в то же время воспринималась и как социальная проблема, связанная с рисками ВИЧ и социальными депривациями. Получают распространение гедонистические сценарии, смягчаются гендерные стандарты, женщины становятся более свободными в выборе партнеров. Одновременно сексуальность коммерциализируется и воспринимается как способ получения определенных благ [Temkina, 2008; Temkina, Zdravomyslova, 2015]. Несмотря на значительные изменения, культурные сценарии для женщин старшего возраста остаются ограниченными, а сексуальность данной возрастной группы продолжает оставаться невидимой [Shadrina, 2022]. Это особенно значимо для тех информанток, которые в настоящее время проживают в России: их истории жизни показывают противоречивые тренды в интерпретации сексуальности старшего возраста в современной сексуальной культуре.

В 1990-е треть наших информанток эмигрировала в Израиль как репатрианты по Закону о возвращении, получив там гражданство. Израильское общество в последние десятилетия переживает культурный глобализационный сдвиг, переходя от коллективизма к индивидуализму [Kaplan, 2016]. Исследователи описывают израильтян как фамилистское общество с консервативной гендерной дифференциацией [Blus-Kadosh et al., 2023], однако сексуальное поведение становится более либеральным и индивидуалистичным, особенно у среднего класса [Kaplan, 2016]. Во время эмиграции в Израиль русскоязычные женщины из СССР часто сталкивались с негативными стереотипами: их воспринимали как «русских» (сексуально доступных женщин, проституток) или как «недостаточно хороших» (часто разведенных) матерей [Shevchenko, Lachover, 2023]. Этот образ противопоставлялся респектабельным израильским женщинам.

Еще одна треть наших информанток в конце 1990-х — начале 2000-х годов эмигрировала из бывшего Советского Союза в Финляндию. Причины переезда в эту страну были связаны с учебой, работой, браком. В соответствии с миграционными правилами, гражданство Финляндии как «возвращающиеся финны» в 1990–2016 годы также получали ингерманландцы [Mähönen et al., 2015]. 13 из 15 женщин, проинтервьюированных в Финляндии, приехали как брачные мигрантки. Межнациональные браки особенно часто заключались в Восточной Финляндии, расположенной вблизи границы с Россией [Krivonos, Diatlova, 2020; Diatlova, 2016]. Финляндия в целом характеризуется как сексуально либеральное и гендерно эгалитарное общество. Оценки в отношении русскоязычных иммигрантов варьируют: часто молодых женщин считают сексуально доступными и культурно отсталыми [Keskinen, 2018]. Одновременно «русским» женщинам в Финляндии приписывают качества, полезные для сферы заботы — как оплачиваемой, так и семейной [Tiaunnen, 2013].

Для данного исследования важно то, что все эти контексты потенциально открывают новые возможности для интерпретации сексуальности женщин

старшего возраста, и в этом мы видим проявление глобальных трендов. Однако женщины из бывшего СССР сталкиваются с культурно-специфичными ограничениями в осознании и проявлении своей пострепродуктивной сексуальности.

Методология и данные

Данное исследование опирается на три подвыборки, каждая из которых включает 15 интервью с женщинами 51+, проживающими в Финляндии, России и Израиле. Рекрутирование женщин, имеющих опыт поиска партнеров на дейтинговых платформах, происходило по личным страницам, через объявления и группы в социальных сетях; в поиске нам помогали также психологи и блогеры, позиционирующие себя как эксперты в области сексуальности. Большинство женщин имеют высшее образование, были замужем и развелись; их взрослые дети проживают отдельно. В настоящее время их семейный и партнерский статус варьируется: некоторые не имеют партнера, некоторые имеют более чем одного партнера; несколько женщин снова состоят в браке; многие имеют постоянные отношения без эмоциональной вовлеченности. Все участницы пережили (или переживают) менопаузу и имеют опыт поиска партнеров на дейтинговых сайтах.

Данные в Израиле и Финляндии были собраны первыми двумя авторами (Л. Шпаковской и А. Темкиной), данные в России — вторым автором (А. Темкиной) и исследователями-ассистентами. Интервью проводились онлайн или офлайн, продолжались от часа до полутора. Перед проведением интервью мы объясняли цели исследования; во время интервью мы просили рассказать истории обращения к дейтинговым приложениям, истории об отношениях и сексе, а также задавали вопросы о влиянии возраста и менопаузы на сексуальность, о том, что менялось в сексуальной жизни. Каждый раз мы получали устное информированное согласие.

Мы использовали нарративный анализ [Lieblich et al., 1998] для интерпретации контекстуально-специфичной сексуальной субъектности. Нарративы женщин, особенно мигранток, содержат богатые описания субъектности, в которых проявляются политико-исторические и пространственно-временные контексты [Sahar, Lavie-Ajayi, 2018].

Анализ данных осуществлялся следующим образом. Сначала для каждого интервью составлялась карточка истории сексуальной жизни и обращения к дейтинговым приложениям; эти истории обсуждались всеми авторами совместно. Затем для целей данной статьи были выбраны три истории, которые содержали наиболее насыщенные нарративы о телесных трансформациях, влияющих на сексуальное желание. Эти истории рассказываются как истории прогресса, когда в ходе жизненного пути сексуальная жизнь улучшается (*"Improves with age"* [Vares et al., 2007]), обретаются новый опыт и новые смыслы. Мы отобрали истории с максимально возможной возрастной вариативностью в рамках наших вводных данных: самой старшей участнице, Тане,

61 год (ее опыт сексуальности после менопаузы достаточно продолжителен); самой младшей, Веронике, 51 год (она переживает менопаузу в настоящее время и находится в процессе телесной трансформации, исследуя новые режимы телесности и сексуальности). Элементы нарратива прогресса в разной степени присутствуют в большинстве собранных историй. Однако истории в целом не когерентны: в них можно обнаружить и нарративы снижения либидо, разочарования, сложности поиска партнера и сознательного отказа от сексуальной жизни.

После отбора случаев мы выявили общие и культурно-специфичные категории, через которые женщины описывают трансформативные моменты своих жизненных историй. Затем был проведен углубленный анализ каждого из выбранных интервью и идентифицированы основные трансформативные моменты сексуальной субъектности.

На проведение данного исследования было получено разрешение этического комитета Санкт-Петербургской социологической ассоциации (20.04.2022). Поскольку сексуальность — сензитивный предмет исследования, мы обращали особое внимание на добровольность, конфиденциальность и анонимность. Вся чувствительная информация была обезличена при транскрибировании, участницам присвоены псевдонимы.

Результаты: становление сексуального субъекта через трансформативные моменты

В этом разделе мы анализируем три нарратива, последовательно описывая истории Тани, Валерии и Вероники. Мы идентифицируем основные трансформативные моменты сексуальной субъектности, переживаемые телесно.

Таня, Россия:* *раскрепощение сексуального желания

Таня, 61 год, имеет высшее образование, окончила аспирантуру, работает репетитором, проживает в России. Она разведена, у нее есть взрослые дети. Таня полагает, что у нее всегда было сильное сексуальное желание, но оно не реализовывалось и стигматизировалось. Благодаря дейтинговым сайтам после развода у нее стали появляться партнеры; в настоящее время она встречается с двумя партнерами, оба значительно моложе ее. Развод и дейтинговые сайты создали для нее возможности выразить свое желание и изменили ее сексуальную жизнь.

Первый сексуальный контакт у Тани был в подростковом возрасте: она описывает его как насильственный опыт, после чего она долгое время считала себя «недостойной» отношений и брака. Когда она вышла замуж, то обнаружила чрезмерную ревнивость мужа; она развелась с ним после того, как он потребовал прекратить любое общение с другими мужчинами. У нее было сильное сексуальное желание, однако муж осуждал это. Таня воспринимала его оценку как оскорбление: *«У него прям такая коннотация шла, он говорит:*

ты ж... ты ж просто как проститутка, настолько это [тебе] нравится... Она считала свою сексуальность «бременем», что ввергало ее в зависимость от партнера, кроме того, она постоянно боялась забеременеть. Таня описывает менопаузу как «облегчение», поскольку ее сексуальное желание уменьшилось, предоставив ей большую свободу выбора и меньшую зависимость.

Обращение к дейтинговым сайтам после развода, полученный опыт и приобретенные навыки улучшили ее сексуальную жизнь: *«Я скажу, что все мои последние партнеры — они благодаря вот этим сервисам. Я... довольна сейчас своей личной жизнью гораздо больше, чем тогда, когда этих сервисов не было <...> Появляются скиллы, я знаю, что мне нужно».*

На момент интервью Таня четко формулирует свои потребности: она не хочет находиться в эмоционально вовлеченных отношениях, предпочитает секс с мужчинами, которые моложе ее. Мужчины старшего возраста (советского поколения) для нее не привлекательны, поскольку, по ее мнению, они демонстрируют «потребительское отношение, неумеренные претензии». Как и в некоторых других интервью, в ее рассказе возникают референтные фигуры селебрити, отношения которых, по мнению респонденток, легитимируют значительную разницу в возрасте. Таня считает, что такие браки в «патриархальном обществе выправляют ситуацию», и, кроме того, больше подходят женщинам с сильным желанием, поскольку «у мужчин сексуальность падает с годами».

Семь лет назад Таня познакомилась с Сергеем и влюбилась в него, хотя изначально не хотела вовлекаться в эмоционально насыщенные отношения. Через три года Сергей неожиданно исчез. Спустя некоторое время она познакомилась на сайте с Владимиром, с которым поддерживает отношения в настоящее время. Незадолго до интервью ее снова находит Сергей, и она переосмысливает свое желание и изменяющееся тело.

В тот момент, когда появляется Сергей, Таня считает, что находится в спокойных и надежных отношениях, без сильного проявления эмоций. Влечение к Сергею создает у нее новое ощущение себя и своего тела. Описывая свой сексуальный опыт, Таня говорит, что в отношениях с Владимиром она ощущает возрастные телесные изменения после менопаузы, в частности сухость влагалища, и считает эти явления своей «возрастной проблемой»: *«Я это все относилa за счет своего возраста. Да, сухость влагалища — это все мои проблемы. То есть у меня раньше ее никогда не было. И, ну, понятно, климакс».*

Когда Таня решает встретиться с Сергеем, она испытывает сомнения и неуверенность в своем сексуальном желании: *«Для меня это было так, что я с некоторой нерешительностью ехала. А какая я буду? А вообще, смогу ли я возбуждаться?»* Однако она обнаруживает в себе сильное желание и понимает, что менопауза его не ослабила. Такой трансформативный момент открывает для нее новые возможности, и менопауза перестает предопределять снижение желания. Таня рассказывает:

«Когда он мне написал первый раз, еще летом, я чувствую — я теку. Вся мокрая. Просто у меня что-то происходит, как будто мне, там, 17 лет. <...> Как будто не было никакой менопаузы. <...> Я не ожидала,

что это будет так офигенно, так феерично, что это будет так шикарно. И вот после этой ночи я поняла [про эффекты менопаузы], что вообще дело не во мне ни разу. И я ему после этого так благодарна. <...> Как он прикасается, как он обнимает. Это было так страстно. Это было такое сильнейшее желание. <...> Я прям как в молодости. У меня ощущение, что я могу нон-стопом».

В отношении своего тела Таня испытывает двойственность. Восхищение Владимира повышает ее самооценку, влияет на ее представление о себе:

«Его восхищение колоссально мне, конечно, поднимает самооценку, прямо из него тепло идет, я прямо чувствую: ах, какая я! Ах, какая я! Ах! Какая я и то, я и это... и, в общем, какая я вообще, с ума сойти, такую не найти. Ну он это часто сам говорит».

Однако собираясь встретиться с Сергеем, она смотрит на себя в зеркало, видит морщины и, как она говорит, приходит «в ужас от того, как она выглядит». Тем не менее она быстро отказывается от идеи улучшить свою внешность, поскольку для нее это не так значимо и, как выясняется позднее, незначимо и для Сергея.

Таня говорит о том, что хорошо понимает свои сексуальные потребности, считает, что умеет управлять своим сексуальным телом, достигать гармонии с партнером и получать удовольствие. Управление телом существенно изменилось в ходе «сексуального научения»: «в плане скиллов, опыта, вот просто в плане владения этой сексуальностью».

Таня переосмысливает свою субъектность как агентную, желание — как то, что она умеет и хочет выражать. Однако она понимает, что при этом находится в необычной и стигматизирующей ситуации:

«...Я сижу и думаю: а вот пойді кому Расскажи, что это говорит женщина, которой 60 лет. <...> У дамочки крыша поехала, она че-то себе там напридумывала, кому нужны такие бабушки. И я сама всегда думала, что... никому».

Для Тани становится важным, что она может проявлять свое сексуальное желание, которое всегда было сильным, но ранее его проявление подавлялось. Трансформативные моменты позволяют ей переосмыслить как возможность проявлять свою сексуальность и желания, так и непредзаданность снижения желания после менопаузы.

Валерия, Израиль:

осознание своей сексуальной привлекательности

Валерия, 54 года, эмигрировала в Израиль и проживает там 22 года. Имеет профессиональное образование, работает в индустрии красоты. Валерия разведена, дети живут отдельно; на момент интервью у нее есть постоянные

отношения без эмоциональной вовлеченности. Развод, миграция, а также обращение к дейтинговым сайтам создали для нее возможности исследования новых сценариев своей сексуальности. Валерия описывает сексуальную жизнь как накопление опыта и рост уверенности в себе.

В молодости у Валерии сформировалось негативное отношение к своей внешности, телу и сексуальной привлекательности. Родные поддерживали ее представление о себе как о внешне непривлекательной: *«Постоянно шел разговор: кто меня замуж возьмет? Кому я нужна? Никому не нужна. Потом пошли разговоры: вообще пусть бы она хотя бы родила».*

В браке она не получала эмоционального удовлетворения, хотя сексуальные отношения в целом были хорошими. Она рассказывает о себе как об уязвимой и неуверенной: *«У меня до него не было никого — ни мужчин, ни... Я там где-то че-то как-то стеснялась, боялась. Я продолжала считать себя страшной уродиной и быть ему страшно благодарной за то, что вообще он меня взял».*

После миграции и развода Валерия начинает исследовать свою сексуальность. У нее возникают отношения с израильтянином, и она обнаруживает, что может быть сексуально привлекательной. Валерия открывает новые практики удовольствия; чувствует себя более свободной, развивает позитивное отношение к своему телу. *«Когда я приехала в Израиль, вдруг я поняла, что на меня обращают внимание»*, — замечает она.

Во время интервью Валерия описывает себя как полностью интегрированную в израильское общество: она свободно говорит на иврите, финансово самостоятельна благодаря своему бизнесу. Она воспринимает сексуальную культуру израильского общества как гедонистическую и ориентированную на удовольствие женщин:

«В Израиле все могут, все хотят [секса] и все могут... Мне нравилось то, что... не было каких-то ограничений, не было каких-то условностей, да. То есть свободно, я наконец могу вести себя свободно».

Существенные изменения в сексуальной биографии произошли у нее в возрасте около 50 лет. По словам Валерии, менопауза на ее сексуальность существенно не повлияла. После завершения продолжительных отношений она зарегистрировалась в дейтинговом приложении и обнаружила возможность выбирать партнеров. Она поняла, что может получать удовольствие вне вовлеченных отношений, и это стало важным трансформативным моментом ее сексуальной субъектности:

«У меня очень [много] времени... [ушло], чтобы перестроить голову на то, что бывает секс без отношений. <...> И что вы думаете? У меня сейчас есть секс без отношений».

Валерия подробно описывает, что означает для нее «хороший секс», с акцентом на телесный эротизм, в котором происходит переопределение ее

самой как субъекта. Она использует формулировку «хотят быть с тобой» (как с субъектом), а не «хотят иметь тебя» (как объект):

*«Для меня хороший секс — он... должен быть чувственным. Я очень люблю мужские руки, взгляд... В хорошем сексе [взгляд] такой — он должен быть, когда тебя не „хотят иметь“, я не знаю, как это объяснить, а... Когда хотят **быть с тобой**, а не хотят **иметь** тебя».*

Одновременно Валерия развивает свое телесное знание через объективацию и ощущение привлекательности. Ее субъектность, порождающая желание, — это игра между позицией субъекта и объекта, между тем, чтобы быть желающей и желаемой. Восхищение ее внешностью и телом, которое проявляют мужчины, повышает ее уверенность в себе и усиливает ее желание:

«Они об этом просто говорят. Говорят: послушай, ты такая красивая, ты так выглядишь, у тебя такая кожа. Они хотят со мной встречаться еще и еще, и... мне хочется встречаться, да».

История Валерии может быть прочитана как история серии трансформативных моментов, влияющих на сексуальную субъектность через изменение восприятия себя и своей сексуальной привлекательности, через игру субъектной и объектной позиций и понимание своего желания и потребностей. Развод, миграция и новый сексуальный опыт создали для Валерии новые возможности и изменили сценарий её поведения. Трансформативные моменты не всегда и не последовательно вели к лучшему пониманию себя и своего желания. Валерия рассказала, что полностью потеряла либидо из-за болезни, и оно восстановилось только через несколько лет. Тем не менее, она резюмирует: «Если бы мне в 30 сказали, что сексуальная жизнь в мои 54 года будет ярче, интереснее и разнообразнее, чем она была в 30, я бы сказала: не может быть» (усмехается).

Вероника, Финляндия:

трансформация телесности и исследование сексуальности

Вероника, 51 год, эмигрировала в Финляндию как репатриантка около десяти лет назад. В России она получила среднее профессиональное образование. После эмиграции прошла интеграционные курсы, получила профессию в сфере обслуживания и начала работать по специальности. Вероника была замужем и затем развелась. В Финляндии у нее был опыт нескольких отношений с мужчинами, с которыми она знакомилась через дейтинговые приложения. На момент интервью у нее нет партнера; она говорит о том, что временно прекратила знакомства из-за отсутствия настроения, но надеется возобновить поиск в будущем.

История Вероники — это рассказ о телесной трансформации и обретении новой субъектности. Она переживает менопаузу и находится в процессе освоения новых режимов телесности и сексуальности. Менопауза не вызывает

у нее беспокойства; скорее, она озабочена возрастными изменениями тела. В ее нарративе, как и в историях многих других русскоязычных респонденток в Финляндии, содержится не так много рассказов о сексуальных практиках и желании. Вероника ищет партнера для того, чтобы наладить с ним постоянные стабильные отношения.

В интервью она описывает свой опыт прежде всего через изменения тела, которые она ощущает в связи с возрастом. Развод и миграция, как и во многих других историях, выступают отправными точками трансформации. Вероника переехала в Финляндию в возрасте 42 лет с намерением «*доживать свою жизнь*», однако происходящие с ней события привели к тому, что она обрела «*новую жизнь*» и новую субъектность:

«Я приехала с внутренним возрастом 65 лет. <...> В России я была бы как пенсионер, я доживала свою жизнь, а тут у меня вторая жизнь, новая жизнь. Мне, я думаю, повезло».

Вероника почти ничего не говорит о своей жизни в России и об интимных отношениях с мужем, с которым она прожила 26 лет. Фокус ее нарратива — «*новая жизнь*» в Финляндии. Она переживает разрыв с прошлым и постепенно обретает свою субъектность сексуально привлекательной женщины. Основной точкой изменений становится телесная трансформация. После переезда Вероника обнаруживает, что ее возраст *валиден* для сексуальных отношений: она обращает внимание на то, что публичные пространства инклюзивны для людей ее возраста, а гендерная культура менее эйджистская. Она начинает вести здоровый образ жизни, много гуляет, следит за питанием. По ее словам, она похудела на 30 кг, покрасила волосы и модно подстриглась. Вероника сделала несколько привлекательных фотографий, которые разместила в дейтинговом приложении. Она встречалась с несколькими партнерами, но считает этот опыт не слишком удачным с точки зрения личных качеств партнеров, отношений с ними и качества секса. Тем не менее, она оценивает свой опыт как новый и вдохновляющий и надеется в будущем найти партнера, удовлетворяющего ее потребностям.

Контекстом, в котором происходит трансформация телесности и представлений о сексуальности, по ее словам, становится обретение финансовой и бытовой автономии. Находясь в браке, Вероника постоянно ощущала зависимость от своего мужа — как в финансовом плане, так и с точки зрения организации быта. Однако в Финляндии она получает доход, который позволяет ей жить независимо. Она учится распределять свои траты в соответствии с доходом, оплачивает счета, самостоятельно организует быт. Для Вероники автономия становится новым опытом, позволяющим ей ощутить свою субъектность сначала в повседневной жизни, а затем и в интимно-сексуальной сфере.

Тестируя возможности своего тела, Вероника продолжает сомневаться в своей привлекательности; она говорит и о чувстве неуверенности в отношениях. Вероника предпочитает мужчин своего возраста, поскольку с ними она чувствует себя увереннее. У нее был опыт взаимодействия с более молодым

партнером, но с ним она испытывала сомнения в собственной привлекательности, особенно когда разница в возрасте была артикулирована:

«Он молодой парень был, и у него такое проскальзывало: „Мне нравятся женщины постарше“. А зачем ты мне про это говоришь, что я тебя старше? У меня немножко самооценка такая себе, я очень быстро в себе сомневаюсь, я стесняюсь. Кому-то это нравится, а я — нет, я плохо себя чувствую. А вот когда ровесник со мной, я это приветствую».

На момент интервью Вероника продолжает сомневаться в привлекательности своего тела; она говорит о том, что не испытывает сильного сексуального желания, связывая это в первую очередь с возрастными ограничениями. Она полагает, что может преодолеть эти сомнения благодаря уверенности в своем партнере, его поддержке и любви; при восхищении со стороны партнера ее самооценка улучшается, как и в двух предыдущих случаях:

«У меня самооценка такая, что я очень в себе сомневаюсь — что я недостаточно стройная, недостаточно молодая, недостаточно красивая, и я себя чувствую плохо. С последним парнем, который финский, было хорошо. Вот я у него была самая лучшая, самая красавица»;

«<...> В моем возрасте секс и всякие хлопоты, связанные с подготовкой к сексу, это уже по очень большой любви. Если этой любви нет, то уже и секса не надо».

Вместе с тем Вероника считает, что в настоящее время она гораздо лучше понимает свои собственные эмоциональные и сексуальные потребности, имеет возможность выбирать партнеров, прекращать отношения с теми, кто не соответствует ее требованиям. Таким образом, постепенное накопление опыта, обретение автономии, изучение своих потребностей и тестирование режимов сексуального взаимодействия становятся серией событий, которые способствуют трансформации ее сексуальности — процессу, в котором она сейчас находится.

Дискуссия и заключение

В данном исследовании мы ставили задачу показать, как переживаются и описываются трансформативные моменты сексуальной субъектности женщинами старшего возраста, как через телесно-эротические практики женщины начинают ощущать себя как сексуальные субъекты, выражающие желание и переживающие опыт удовольствия. Нам было важно продемонстрировать, как структурные изменения в ходе жизненного пути воплощаются в изменения телесные. Такие переходы не происходят автоматически, но переживаются в конкретных контекстах.

Результаты исследования говорят о том, что сексуальная субъектность женщин старшего возраста изменяется под влиянием структурных поворотных пунктов биографии, таких как развод, миграция, менопауза, трансформация сексуальной культуры. Изменение сексуальных норм особенно отчетливо осознается в случаях миграции, однако оно происходит и в России. Другой важный переход — это менопауза, которая также воспринимается как влияющая на тело и сексуальность.

В то время как исследования сексуальности в старшем возрасте в основном фокусируются на отношениях, интимности и привязанности [Gore-Gorszewska, 2023; Fileborn et al., 2015b], мы показываем, как может развиваться и проявляться телесное сексуальное желание. Опыт женщин вариативен: возрастные изменения и менопауза переживаются по-разному, в том числе через накопление навыков и понимание себя и своего тела. Сексуальность старшего возраста становится аффирмативной, согласно определению Сандберг [Sandberg, 2013]. Стареющее тело — это не данность, а исполнение, или перформативное действие, которое можно осуществлять по-разному, например, переосмысливая роль менопаузы в контексте сексуального желания в пострепродуктивном периоде. Разумеется, такое исполнение ограничено культурой и стереотипными представлениями.

Представленная сексуальная субъектность имеет эмансипационный характер, поскольку перестраиваются рамки конвенционального жизненного пути и изменяются значения, приписываемые стадии старшего возраста. Границы возрастных стадий становятся размытыми, формируются новые сценарии, которые, как показывают нарративы, можно обнаруживать, осваивать и телесно воплощать.

Наши информантки выходят за пределы нормативных представлений о гендерных ролях, соответствующих их возрасту и стадии жизни: они рассказывают о немоногамных отношениях, отношениях без эмоциональной вовлеченности, сильном желании, улучшении отношения к себе и своему телу. При этом сохраняется неопределенность в понимании уместности подобных проявлений сексуальности («У дамочки крыша поехала», — говорит Таня о том, как ее могут воспринимать окружающие).

Мы выделили трансформативные моменты, переживаемые телесно и изменяющие сексуальную субъектность. Таня рассказывает о том, что всегда испытывала сильное сексуальное желание, которое не реализовывалось из-за предшествующего опыта насилия, негативной реакции мужа на ее потребности и стигматизации. Развод, новый опыт и обращение к дейтинговым сайтам расширяют ее возможности. Таня воспринимает российскую сексуальную культуру как амбивалентную: она считает, что ее практики стигматизированы, однако изменениям способствуют публично репрезентируемые примеры селебрити. Таня учится управлять своим сексуальным телом, она отдает предпочтение более молодым партнерам и переосмысляет свое изменившееся тело как «удобное» ей самой и вызывающее восхищение у ее партнеров. Менопауза отчасти ослабляет ее желание, и она испытывает облегчение от этого; она ощущает и физиологические неудобства, интерпретируя их как свою личную

проблему вследствие менопаузы. Однако эти неудобства исчезают при сильном желании и ярком эротическом переживании. Такой трансформативный момент позволяет Тане отделить свое желание от постменопаузы и расширить возможности сексуального самовыражения.

Сексуальное желание Валерии и его осознание изменились после развода, миграции, накопления опыта и обращения к дейтинговым сайтам. Она воспринимает сексуальную культуру в Израиле как гедонистическую, и это открывает ей новые возможности. У Валерии формируется уверенность в себе, чему способствует позитивная оценка ее сексуальной привлекательности окружающими. Она осваивает сложную игру между позицией субъекта и объекта, и в конечном счете отдает предпочтение невовлеченным отношениям с более молодыми партнерами. На примере истории Валерии мы показали те трансформативные моменты субъектности, которые помогают ей осознать себя как уверенную и привлекательную женщину. Это позволяет ей переосмыслить переживаемый возраст как создающий преимущества для реализации желания.

У Вероники после развода, миграции и обращения к дейтинговым сайтам существенно изменились тело и его восприятие. Она описывает сексуальную культуру в Финляндии как открытую для ее возраста, и это также создает новые возможности для исследования собственной сексуальности и связанных с ней изменений. Вероника изучает возможности своего тела, ищет партнера, встречается с разными мужчинами. В процессе переживания менопаузы и изменения культурного контекста (как двух значимых переходов в ее жизни) она осуществляет своего рода тестирование изменяющегося тела и сексуальности. Вероника не чувствует себя достаточно уверенно при заметной разнице в возрасте с партнером и ищет возможности выразить свою заново осознанную привлекательность.

Телесно воплощенная сексуальная субъектность женщин старшего возраста изменяется в процессе трансформативных моментов, таких как осознание своей привлекательности, раскрепощение сексуального желания, изменение тела и его восприятия. Женщины реализуют эмансипационный проект старения, расширяя границы конвенциональных стадий жизненного пути и разрывая связь между менопаузой и спадом желания. Данная фаза жизненного цикла переопределяется в новых категориях: сексуальность и ее спад перестают быть предзаданными. В старшем возрасте создаются новые сценарии сексуальности. Старение, таким образом, воспринимается не как данность, а как исполнение — аффирмативное переживание опыта, исследование, обнаружение и телесное воплощение новых возможностей.

Ограничения

Результаты исследования основаны на специально отобранных нами случаях позитивного опыта изменения сексуальности в старшем возрасте, поэтому сложно судить, насколько они репрезентируют опыт всей рассматриваемой возрастной когорты.

Мы также не изучаем специфику национально-культурных контекстов и роль миграции подробно — это задача отдельного исследования. Здесь мы сосредоточились не на различиях, а на сходствах в биографиях женщин, родившихся в советской сексуальной культуре и переживших культурные и телесные трансформации.

В выбранных рассказах менопауза была представлена как имеющая небольшое значение для возрастных изменений сексуальности. Однако мы собирали и такие истории, в которых женщины рассказывали о снижении своего желания после менопаузы или о невозможности его выразить в старшем возрасте. Эти процессы также требуют дальнейшего исследования.

Мы не рассматривали здесь особенности и ограничения обращения к дейтинговым платформам, они являлись лишь критерием отбора случаев, в которых женщины пострепродуктивного возраста проявляют активность в поиске партнеров.

Литература / References

Зеликова Ю. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 16. № 1. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140> EDN: YVBCQR

Zelikova Yu. (2019) The Construction of Aging in Contemporary Russia: Sex and Intimacy in the Late Life Period. *Zhurnal issledovaniy sotcialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 1. P. 125–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>

Рогозин Д. Что делать со стареющим телом? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2. С. 133–164. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5> EDN: XZOGGD

Rogozin D. (2018) What Do We Have to Do with an Ageing Body? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21. No. 2. P. 133–164. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5>

Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУСПб, 2008. EDN: UPCCCT

Temkina A. (2008) *Seksualnaya zhizn zhenshchiny: mezhd podchineniem i svobodoy* [Sexual Life of a Woman: Between Submission and Freedom]. SPb.: EUSPb. (In Russ.)

Attala L., Steel L. (2019) Introduction. In: *Body Matters: Exploring the Materiality of the Human Body*. Cardiff: University of Wales Press. P. 1–18.

Bergström M. (2022) *The New Laws of Love. Online Dating and the Privatization of Intimacy*. Cambridge: Polity Press.

Blus-Kadosh I., Rogel A., Blatt R., Hartal G. (2023) Progress and Challenges of the LGBT+ Community in Israel. In: *The Palgrave International Handbook of Israel*. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 1–16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-2717-0_101-1

Bryant J., Schofield T. (2007) Feminine Sexual Subjectivities: Bodies, Agency and Life History. *Sexualities*. Vol. 10. No. 3. P. 321–340. DOI: <https://doi.org/10.1177/1363460707078321>

Cvajner M. (2019) *Soviet Signoras: Personal and Collective Transformations in Eastern European Migration*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226662428.001.0001>

Cvajner M., Sciortino G. (2021) Uncanny Babushka: Migration, Aging and the Search for a New Sexual Self. *Sexualities*. Vol. 27. No. 5–6. P. 1130–1145. DOI: <https://doi.org/10.1177/1363460720982926>

Diatlova A. (2016) Constructing the Nation through Managing Sex: Discourses on Nationhood and Commercial Sex in Finland. *Sociologia*. Vol. 53. No. 2. P. 156–169.

Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. In: *Handbook of the Life Course*. New York: Kluwer Academic/Plenum. P. 3–19. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1

Hägglund A. E., Rotkirch A. (2021) “Family Situation Across the Life-Course”. In: K. Komp-Leukunen (ed.) *Life Histories in Finland: First Results from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe. Wave 7*. Helsinki: Västtöliitto. P. 63–76.

Fileborn B., Thorpe R., Hawkes G., Minichiello V., Pitts M., Dune T. (2015a) Sex, Desire and Pleasure: Considering the Experiences of Older Australian Women. *Sexual and Relationship Therapy*. Vol. 30. No. 1. P. 117–130. DOI: <https://doi.org/10.1080/14681994.2014.936722>

Fileborn B., Thorpe R., Hawkes G., Minichiello V., Pitts M. (2015b) Sex and the (Older) Single Girl: Experiences of Sex and Dating in Later Life. *Journal of Aging Studies*. No. 33. P. 67–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2015.02.002>

Gewinner I. (2020) Gender Norms, Sexuality and Post-Socialist Identity: Does Migration Matter? *Sexuality and Culture*. Vol. 24. P. 465–484. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12119-019-09698-0>

Gewirtz-Meydan A., Opuda E., Ayalon L. (2023) Sex and Love among Older Adults in the Digital World: A Scoping Review. *The Gerontologist*. Vol. 63. No. 2. P. 218–230. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnac093>

Gill R., Scharff C. (2013) *New Femininities: Postfeminism, Neoliberalism and Subjectivity*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Gore-Gorszewska G. (2023) “Why Would I Want Sex Now?” A Qualitative Study on Older Women’s Narratives on Sexual Inactivity as a Deliberate Choice. *Ageing & Society*. No. 43. P. 2347–2371. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X21001690>

Gore-Gorszewska G., Ševčíková A. (2022) Trajectories of Intimacy in Later Life: A Qualitative Study of Czech and Polish Narratives. *Culture, Health & Sexuality*. Vol. 25. No. 10. P. 1324–1339. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691058.2022.2155708>

Jackson S., Scott S. (2001) Putting the Body’s Feet on the Ground: Towards a Sociological Reconceptualization of Gendered and Sexual Embodiment. In: K. Backett-Milburn, L. McKie (eds.) *Constructing Gendered Bodies*. London: Palgrave Macmillan. P. 9–24.

Katz S., Marshall B. (2003) New Sex for Old: Lifestyle, Consumerism and the Ethics of Aging Well. *Journal of Aging Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 3–16. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(02\)00086-5](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(02)00086-5)

Kaplan D. (2016) Sexual Liberation and the Creative Class in Israel. In: N. L. Fischer, S. Seidman, C. Meeks (eds.) *Introducing the New Sexuality Studies*. London: Routledge. P. 357–363. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203829837>

Keskinen S. (2018) The “Crisis” of White Hegemony? Neonationalist Femininities and Anti-Racist Feminism. *Women’s Studies International Forum*. No. 68. P. 157–163. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2017.11.001>

Krivosos D., Diatlova A. (2020) What to Wear for Whiteness? ‘Whore’ Stigma and the East/West Politics of Race, Sexuality and Gender. *Intersections: East European Journal of Society and Politics*. Vol. 6. No. 3. P. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v6i3.660>

Laumann E. O., Paik A., Glasser D. B., Kang J.-H., Wang T., Levinson B., Moreira E. D. Jr., Nicolosi A., Gingell C. (2006) A Cross-National Study of Subjective Sexual Well-Being Among Older Women and Men: Findings from the Global Study of Sexual Attitudes and Behaviors. *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 35. No. 2. P. 84–93. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10508-005-9005-3>

Lieblich A., Tuval-Mashiach R., Zilber T. (1998) The Narrative of Our Own Research. In: A. Lieblich, R. Tuval-Mashiach, T. Zilber (eds.) *Narrative Research*. Thousand Oaks: Sage. P. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412985253>

- Mähönen T.A., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. (2015) Boundaries of National Belonging in Ingrian Finnish Return Migration: A Multi-level Perspective. *Nordic Journal of Migration Research*. Vol. 5. No. 3. P. 126–134. DOI: <https://doi.org/10.1515/njmr-2015-0018>
- Parker R. (2009) Sexuality, Culture and Society: Shifting Paradigms in Sexuality Research. *Culture, Health & Sexuality*. Vol. 11. No. 3. P. 251–266. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691050701606941>
- Rotkirch A. (2000) *The Man Question. Love and Lives in Late 20th Century Russia*. Helsinki: University of Helsinki, Department of Social Policy.
- Sahar E., Lavie-Ajayi M. (2018) Using Narratives to Understand the Adaptation Process of an Ethnic Migrant Group from a Resilience Perspective — a Case Study of Cochin Jews in Israel. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 19. No. 1. P. 75–90. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12134-017-0529-x>
- Sandberg L. (2013) Affirmative Old Age — The Ageing Body and Feminist Theories on Difference. *International Journal of Ageing and Later Life*. Vol. 8. No. 1. P. 11–40. DOI: <https://doi.org/10.3384/ijal.1652-8670.12197>
- Schalet A. (2010) Sexual Subjectivity Revisited: The Significance of Relationships in Dutch and American Girls' Experiences of Sexuality. *Gender & Society*. Vol. 24. No. 3. P. 304–329. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243210368400>
- Shadrina A. (2022) Enacting the Babushka: Older Russian Women "Doing" Age, Gender and Class by Accepting the Role of a Stoic Carer. *Ageing & Society*. Vol. 44. No. 2. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X2200037X>
- Shevchenko Y., Lachover E. (2023) "Successful" Identity Transformation: The Representation of Israeli Post-Soviet Immigrant Women in La'isha. *Feminist Media Studies*. Vol. 23. No. 4. P. 1769–1785. DOI: <https://doi.org/10.1080/14680777.2021.1996420>
- Syme M.L., Cohn T.J., Stoffregen S., Kaempfe H., Schippers D. (2019) "At My Age...": Defining Sexual Wellness in Mid- and Later Life. *Journal of Sex Research*. Vol. 56. No. 7. P. 832–842. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224499.2018.1456510>
- Temkina A., Shpakovskaya L., Lavie-Ajayi M., Rotkirch A. (2024) Changes in Ageing Women's Sexual Subjectivity as Seen from a Life Course Perspective: Security, Caring, and Desire. *Culture, Health & Sexuality*. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691058.2024.2382879>
- Temkina A., Zdravomyslova E. (2015) The Sexual Scripts and Identity of Middle-Class Russian Women. *Sexuality & Culture*. Vol. 19. P. 297–320. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12119-015-9272-7>
- Tiaynen T. (2013) *Babushka in Flux. Grandmothers and Family-making between Russian Karelia and Finland*. Tampere: University of Tampere.
- Tolman D.L. (2012) Female Adolescents, Sexual Empowerment and Desire: A Missing Discourse of Gender Inequity. *Sex Roles*. Vol. 66. No. 11–12. P. 746–757. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-012-0122-x>
- Towler L.B., Graham C.A., Bishop F.L., Hinchliff S. (2021) Older Adults' Embodied Experiences of Aging and Their Perceptions of Societal Stigmas Toward Sexuality in Later Life. *Social Science & Medicine*. Vol. 287. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114355>
- Towler L.B., Graham C.A., Bishop F.L., Hinchliff S. (2023) Sex and Relationships in Later Life: Older Adults' Experiences and Perceptions of Sexual Changes. *Journal of Sex Research*. Vol. 60. No. 9. P. 1318–1331. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224499.2022.2093322>
- Vares T., Potts A., Gavey N., Grace V.M. (2007) Reconceptualizing Cultural Narratives of Mature Women's Sexuality in the Viagra Era. *Journal of Aging Studies*. No. 21. P. 153–164. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2006.08.002>
- Wu S., Trottier D. (2022) Dating Apps: A Literature Review. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 46. No. 2. P. 91–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/23808985.2022.2069046>

Сведения об авторах:

Шпаковская Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия. **E-mail:** slarisalarisa@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 483603; **ORCID ID:** 0000-0002-4206-4702; **ResearcherID:** D-3403-2016.

Темкина Анна Андриановна — PhD, ассоциированный профессор, Университет Бен-Гуриона, Беэр-Шева, Израиль. **E-mail:** atemkina@gmail.com. **ORCID ID:** 0000-0001-7988-8310.

Роткирх Анна — PhD, профессор, директор по исследованиям, Институт народонаселения, Хельсинки, Финляндия. **E-mail:** anna.rotkirch@vaestoliitto.fi. **ORCID ID:** 0000-0002-9429-1499.

Лави-Аджай Майя — PhD, исследователь, Департамент общественного здоровья, Университет Бен-Гуриона, Беэр-Шева, Израиль. **E-mail:** laviema@bgu.ac.il. **ORCID ID:** 0000-0002-1746-4464.

Статья поступила в редакцию: 06.10.2024

Принята к публикации: 05.02.2025

BAK: 5.4.4

.....

“Sexual Life in My 54 Years Has Become Brighter, More Interesting and More Diverse”: Transformative Moments of Subjectivity in the Life Course

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.1

Larisa L. Shpakovskaya University of Helsinki, Helsinki, Finland
E-mail: slarisalarisa@gmail.com

Anna A. Temkina Ben-Gurion University of the Negev, Beersheba, Israel
E-mail: atemkina@gmail.com

Anna Rotkirch Population Research Institute Väestöliitto, Helsinki, Finland
E-mail: anna.rotkirch@vaestoliitto.fi

Maya Lavie-Ajayi Ben-Gurion University of the Negev, Beersheba, Israel
E-mail: laviema@bgu.ac.il

This article explores the transformative moments of sexual subjectivity among post-reproductive women who use dating platforms to seek partners. It focuses on how pivotal life events influence the evolution of sexual subjectivity, expressions of desire, and experiences of pleasure. Transformative moments are understood as embodied events that significantly alter one's sexual life. Sexual subjectivity is defined as the narrative construction of oneself as a sexual subject — through the meanings assigned to sex and sexuality, as well as through thoughts, feelings, and self-narratives. The empirical basis of the study comprises 45 interviews with Russian-speaking

women aged 51 and older, residing in Finland, Israel, and Russia. All participants were born in the 1960s in the USSR and belong to a generation whose sexual culture has undergone significant changes both in Russia and in the countries to which they migrated. Three selected cases allow for an in-depth analysis of transformative moments in diverse sociocultural and sexual contexts.

The study identifies three affirmative models of sexual subjectivity: the emancipation of sexual desire, the recognition of one's sexual attractiveness, and the reconfiguration of embodiment and exploration of sexuality. The analysis focuses on changes in sexual life, representations of the (sexual) body, and the events that triggered transformations in sexual subjectivity — such as divorce, migration, menopause, shifts in sexual culture, and personal experiences. Findings indicate that women's experiences are diverse: age-related changes and menopause are interpreted not only as losses but also as sources of renewed embodied experiences, mediated through accumulated skills, self-knowledge, and bodily awareness. Sexuality in later life emerges as affirmative, and embodiment may be interpreted in a positive and empowering way.

Keywords: sexual subjectivity; older age women; transformative moments; life-course

Authors Bio:

Larisa L. Shpakovskaya — Candidate of Sociology, Researcher, University of Helsinki, Helsinki, Finland. **E-mail:** slarisalarisa@gmail.com. **RSCI Author ID:** 483603; **ORCID ID:** 0000-0002-4206-4702; **ResearcherID:** D-3403-2016.

Anna A. Temkina — PhD, Associate Professor, Ben-Gurion University of the Negev, Beersheba, Israel. **E-mail:** atemkina@gmail.com. **ORCID ID:** 0000-0001-7988-8310.

Anna Rotkirch — PhD, Professor, Research Director, Population Research Institute Väestöliitto, Helsinki, Finland. **E-mail:** anna.rotkirch@vaestoliitto.fi. **ORCID ID:** 0000-0002-9429-1499.

Maya Lavie-Ajayi — PhD, Researcher, Department of Public Health, Ben-Gurion University of the Negev, Beersheba, Israel. **E-mail:** laviema@bgu.ac.il. **ORCID ID:** 0000-0002-1746-4464.

Received: 06.10.2024

Accepted: 05.02.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.3
EDN: EFRTKW

Self-Respect in the Life Course Narratives of the Soviet Silent Generation: An Analytical Scheme

Ссылка для цитирования:

Bogdanova E. A. Self-Respect in the Life Course Narratives of the Soviet Silent Generation: An Analytical Scheme // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 57–70. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.3> EDN: EFRTKW

For citation:

Bogdanova E. A. (2025) Self-Respect in the Life Course Narratives of the Soviet Silent Generation: An Analytical Scheme. *Interaction. Interview. Interpretation*. Interaction. Interview. Interpretation. Vol. 17. No. 2. P. 57–70. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.3>

Bogdanova Elena

Independent researcher,
Helsinki, Finland

E-mail: bogdanova.nova@gmail.com

This article examines how self-respect is constructed in biographical narratives of elderly individuals in post-Soviet Russia, specifically among the Soviet silent generation. Employing a constructivist life course perspective, the study emphasizes interpretative practices, minimizing reliance on external institutional or structural frameworks. Through thematic analysis of biographical interviews, research uncovers the dynamic interplay between evaluations of self-respect and the justificatory arguments articulated by informants. The article proposes an analytical scheme for examining self-respect. It demonstrates its applicability to life course narratives within the socio-cultural context of the late-Soviet and post-Soviet eras and beyond. It highlights the enduring influence of Soviet-era values and the complex ways individuals construct self-respect through narrative practices.

Keywords: self-respect; analytical scheme; life course approach; Soviet silent generation

This article investigates how self-respect can be examined using a constructionist approach from the life course perspective, specifically by employing the concept of the life course as an interpretative practice [Holstein, Gubrium, 2007]. This approach, rooted in constitutive constructionism, engages with Michel Foucault's discursive traditions [1975, 1979] while foregrounding the agency of individuals in meaning-making. Individuals are shaped by societal discourses, contexts, and life circumstances, yet they actively navigate and operationalize this knowledge in diverse ways. Holstein and Gubrium define interpretative practice as the constellation of procedures, conditions, and resources through which reality is apprehended, understood, and conveyed in everyday life [Gubrium, Holstein, 2000; Holstein, Gubrium, 2000, 2003, 2005]. This article proposes an analytical scheme and demonstrates how it can be applied to the analysis of self-respect in the biographical narratives of elderly individuals who spent most of their lives in the Soviet contexts. The article primarily contributes to methodological discussions on life course analysis of qualitative data in cases where the researcher deliberately avoids comparing the results to external structural and institutional conditions.

This article is based on the analysis the subject of respect, collected as part of the research project "Respect of Older People in Contemporary Russian Society," conducted in Saint Petersburg between 2020 and 2023. Twenty in-depth biographical interviews with elderly individuals were conducted. In order to explore how informants constructed self-respect in their life narratives and what arguments they employed to explain and sustain it, an analytical scheme was developed and applied.

Methods and Data

The empirical data underpinning this article were originally gathered for a research project exploring how elderly individuals in a major Russian city perceive respect and whether they feel duly respected in their daily lives. A biographical interview guide was developed for the leitmotif of respect and disrespect across different life stages. Naturally, this leitmotif emphasized narratives concerning key life events, major accomplishments, and outcomes valued by the informants.

This study is based on 20 biographical interviews with individuals aged from 75 to 95 residing in Saint Petersburg. The sampling included 13 women and 7 men. Only one man and one woman in the group did not have higher education. Eight of the informants described themselves as career-oriented during their younger years, with their biographies characterized by strong professional identities and aspirations for advancement. One male informant's biography included experiences of oppression, forced relocation, and the stripping of rights. Two women spent most of their lives managing households. At the time of the interview, none of the participants were employed. The overall sampling can be characterized as highly educated and relatively well-off individuals who lived most of their adult lives in the Soviet context. Born between 1928 and 1948 — a period marked by significant historical challenges — they had access to education, professional advancement, family life, childrearing, and travel opportunities.

All participants provided informed consent in writing for the recording of interviews and for the use of their data for research purposes. In two cases, where written consent could not be provided due to difficulties with handwriting, the purpose of the interview and intended use of the information were read aloud and recorded, with verbal consent documented accordingly.

In several cases, discussions about the interview process itself evolved into extended conversations. Additionally, informal dialogue often continued after the official interview had ended and the recorder was turned off. Many participants expressed themselves more freely in these moments, voicing critical reflections on societal (dis)respect or personal life evaluations. These post-interview conversations were recorded from memory in a field diary but were not included in the formal data analysis. Nonetheless, potential limitations due to conversational openness and taboo topics were considered in interpreting the data for which consent had been explicitly obtained.

After the initial interviews, it became evident that the concept of respect was frequently reinterpreted by informants and required more detailed operationalization and contextualization within Russian society. The category of 'respect' remained in the interview guide, and informants were explicitly invited to define what it meant to them. However, in response to questions about respect, participants often redirected the conversation toward concepts like 'good' or 'bad' relationships, friends and enemies, or envious individuals. These shifts revealed a rich diversity of meanings associated with respect and made for an important analytical focus.

Although an interview guide was used, all discussions related to self-respect emerged spontaneously. In responding to questions, informants independently formulated their own interpretations and assessments of their life events. Within the interview context, it was up to the informants to choose which arguments to present and which evaluations to give further explanation. Holstein and Gubrium characterize such interpretative activity as biographical work — a metaphor that underscores how representations of the life course are purposefully assembled and sustained through meaning-making processes [Holstein, Gubrium, 2007: 345].

The interview data were analyzed manually. The first stage involved thematic coding [Flick, 2018], identifying interview segments in which informants reflected on self-respect or, more broadly, evaluated different aspects of their life histories. These practices of self-evaluation were analyzed in parallel with direct references to self-respect, as they are regarded in the literature as mutually reinforcing and conceptually interrelated.

The second stage of analysis involved data condensation [Brinkmann, Kvale, 2018], revealing that reflections on self-respect were frequently accompanied by additional justifications for specific biographical events, facts, or decisions. This observation led to the development of the analytical scheme that serves as the foundation of this article. In the third stage, the mechanisms by which self-respect was constructed and maintained were examined through the lens of this analytical scheme. The research process unfolded over nearly three years due to pandemic-related restrictions and the sociopolitical turbulence of 2022, allowing for a more reflective and in-depth analytical approach.

Theoretical foundations of the study of self-respect

Since the aim of this article is primarily methodological — to introduce an analytical scheme suitable for examining self-respect in biographical narratives, the theoretical discussion focuses on the underlying mechanisms of comparison and subjective self-evaluation.

Proponents of the pragmatic approach, including Wendy Bottero [Bottero, 2020], Michèle Lamont [Lamont, 2017], Scott Harris [Harris, 2006], Axel Honneth [Honneth, 1995, 2003], and Andrew Sayer [Sayer, 2005], emphasize that subjective experiences of inequality are rooted in individuals' evaluations of self-respect within the framework of social relationships. Bottero [Bottero, 2020] argues that by examining practical activities and social ties, we can better understand the mechanisms by which inequality is produced and sustained. Analyzing how social practices are collectively maintained provides insight into the reproduction of power dynamics and inequalities.

This approach does not discount the roles of power, social structure, coercion, or symbolic legitimation in shaping practices. Instead, it offers an alternative lens for understanding how these forces are mediated in everyday life. Social life is negotiated and collectively managed, with people adapting to and simultaneously reshaping social contexts. As Barnes [Barnes, 2001] notes, individuals reproduce shared practices by drawing upon them as resources. Heritage adds that ordinary descriptions are not merely reflections of social situations, but also practical interventions into them. According to Bottero [Bottero, 2020], it is through people's accounts and descriptions that their own and others' actions become intelligible and coordinated in practice. Human actions are undertaken with the expectation that they will be understood, responded to, and morally evaluated by others. Narratives produced in different social contexts are thus inherently oriented toward the social world.

The subjective experience of inequality emerges through the everyday navigation of situational and practical challenges within one's immediate environment. These experiences arise in interactions with close acquaintances, family members, and neighbors. It is precisely within these direct social encounters that individuals are prompted to continuously reflect on their position in relation to others, to assess their own resources, opportunities, and constraints, and to engage in the construction of shared social understandings [Bottero, 2020].

Beverley Skeggs highlights that shifting focus from economic inequality to disparities in dignity and recognition amplifies the affective dimension of social experience [Skeggs, 2002]. Every interpersonal encounter involves emotional responses, such as disgust, fear, kindness, or pride, that profoundly shape individual subjectivities. These affects influence people's sense of self-worth, their social mobility, and their ability to occupy particular social spaces.

Axel Honneth similarly posits that self-respect and dignity arise through intersubjective recognition, when individuals receive acknowledgment from others whom they also recognize [Honneth, 1995]. Class-related emotions like

envy, shame, and pride are also intersubjective. Andrew Sayer [Sayer, 2005] argues that these emotions are not merely reactive, but normative: they reflect broader moral values that can form the basis for critique. The moral dimension of these judgments concerning how people ought to treat and be treated by others is central to both subjective and objective well-being.

Within the framework of the life course approach, the manifestation of self-respect in biographical narratives can be interpreted in multiple ways. This article proposes that the construction of self-respect should be viewed as a form of biographical work undertaken by the informant. Such work is inherently fluid and context-sensitive, particularly as individuals age and seek to construct meaningful life trajectories [Laceulle, Baars, 2014: 34]. This narrative labor is reflexively shaped by situational, institutional, cultural, and historical environments, emphasizing that individuals are never the sole authors of their life stories [Foucault, 1975, 1979; Vinitzky-Seroussi, 1998]. Cultural templates for what a life should look like act as powerful, and often unforeseen, influences.

The ability to identify both evaluations of self-respect and the rationales behind them in biographical narratives aligns with the interpretive framework within constructivist life course research. Narratives serve not just as repositories of experience, but also as expressions of normative and intersubjective values. This enables researchers to prioritize the informants' lived and felt experiences over externally imposed structures.

Examining self-respect within its sociocultural context offers valuable insights into generational identity and experience. By analyzing self-evaluations and their underlying justifications, researchers can uncover common discourses, norms, and social structures recognized as legitimate by a given generation. Rather than referring to abstract schemas, roles, institutions, or life transitions are seen as embedded in lived experiences, relationships, emotions, and personal encounters with inequality. The analytical scheme of self-respect enables exploration not only of the normative influences but also of individuals' relationships with them, illuminating their fluidity and contestation.

Linking self-respect evaluations to their underlying justifications also sheds light on the temporal dimensions of life narratives. The timing and sequencing of significant events, as well as the retrospective emphasis placed on them, help trace which intersubjective frameworks matter most to informants. These temporal structures reveal how subjective meanings evolve and how generational discourse shapes and supports self-understanding.

Thematic structure of self-respect within the space of biographical narrative

Given that the data analysis was organized around the themes of self-esteem and self-respect, thematic coding was conducted at the initial stage. Following this, the identified segments were condensed, based on the most frequently recurring topics. This process resulted in the development of the thematic structure

of the interviews. The following section outlines the biographical episodes and life events, in which evaluations of self-respect are most often articulated.

1. A social circle for assessing self-respect

The narratives often begin with reflections on one's origins and the immediate social environment that informants use to position themselves and validate their self-respect. For individuals born in the 1930s and 1940s, references to class background, such as peasant lineage or family associations with kulaks or the nobility, are frequent. Informants mention family assets or ancestry, sometimes recounting stories to emphasize respectability:

"My mother was from a peasant family, but her grandfather was an autodidact who became a teacher. He taught himself and became a teacher. They had a plaque on their house that said: 'A respected member of the village lives here, a teacher'" (Valentina Olegovna, 80, f., engineer).

Beyond parents and grandparents, the social network invoked in self-respect narratives includes extended relatives (aunts, uncles, siblings), immediate family (spouses, children, grandchildren), coworkers, superiors, friends, neighbors, and occasionally abstract categories such as 'people' or state authorities. The biographical landscape in which individuals engage in the work of self-respect is mapped through these social ties. The core of this mapping is the close social circle —relatives, friends, colleagues, and neighbors — which forms the main context for self-positioning.

2. Life's achievements and failures: family, money, and career

Another major thematic domain where self-respect is expressed is in reflections on one's achievements and failures. Given the advanced age of the informants, many speak of their lives in terms of outcomes. A happy family is often emphasized as one of the most important accomplishments, whether through warm marital relationships, successful lives of their children, or the achievements of grand- and great-grandchildren:

"I pray to God very much, you know, that we have four grandchildren. [She lists her grandchildren: her son has two children, and her other son has two children.] My granddaughter Lyudochka studies ballet, she goes to school, and they live outside Pavlovsk. Her parents work here, they used to live here, go to school here, then to her work, they drive her to school. She comes to Grandma's for lunch. After lunch, they pick her up after work or a little earlier and take her to Pushkin. She studies ballet at the Imperial Ballet School. We already have two great-granddaughters" (Zhanna Viktorovna, 78, f., a procurer).

In addition to family, professional achievements feature prominently in narratives of success. Informants define professional success broadly, ranging

from good relationships with colleagues to public recognition and awards. Some explicitly connect their professional success to family legacies:

"My grandfather was awarded a silver badge for good work on the 200th anniversary of Tsarskoye Selo. And, by the way, I'll brag: on the 300th anniversary, I was also awarded a badge... [chuckles] ...but, of course, a different metal. Just an ordinary one, that's what they make medals from. They didn't make silver badges or gold ones. But, nevertheless, it was 'For Meritorious Service.' They presented it ceremoniously, and everyone even smiled. It was particularly interesting to receive this badge because my grandfather had received his for the 200th anniversary, and I received mine for the 300th." (Kapitolina Petrovna, 94, f., a schoolteacher).

Material wealth is rarely mentioned as a life achievement. Soviet constraints on personal enrichment made such outcomes less feasible or desirable. Instead, material values are frequently contrasted with the richness of an 'interesting life', one filled with meaningful work, intellectual engagement, and travel:

"And I really enjoyed my work. Why? ...because the pictures and topics are constantly changing, and since it's all related to science, you could say it's on the cutting edge. We constantly uncovered new topics. And so... I think my life went very well" (Irina Ivanovna, 76, f, an editing director).

Taken together, these reflections reveal the centrality of family as both an outcome and a reference point for measuring other achievements. The prioritization of non-material over material values also mirrors dominant Soviet discourses, especially in later periods. Such values continue to shape how members of this generation understand and articulate their self-respect.

3. Interpersonal relationships and self-respect

"Good relationships" are frequently cited in narratives about personal achievements. Informants reflect on the quality of their ties within family, work, and social circles, highlighting them as essential for a comfortable life in multigenerational households and professional environments. These relationships are not taken for granted; they are described as requiring continuous effort to cultivate and maintain.

However, many accounts also include stories of strained or painful relationships, which form a distinct and significant thematic field. The difficulties typically unfold in familiar social contexts — within families, among colleagues, neighbors, or friends. When discussing the causes of such tensions, respondents often grapple with questions of self-respect, offering evaluations of both their own actions and those of others:

"A: ... I note this in my life, that I'm a good man, that I wasn't swept away by that ideology. I showed resilience. Well, resilience was really necessary. And even

though they invited me into the party, they actively campaigned for me to join twice. I knew what kind of organization it was, and I knew it was a bread ticket and went hand-in-hand with material well-being— I stood my ground. But even though I'm not very rich now, I can still get by on my pension.

Q: Was there, or is there, someone in your life who would have appreciated your resilience?

A: There was. He died last year. He lived a similar life to mine..." (Viktor Viktorovich, 82, m, a worker).

Reflections on difficult relationships often invoke the theme of envy, which plays a pivotal role in how informants understand and negotiate their sense of self-worth. Envy, like self-respect, is rooted in comparison. As Aaron Ben-Zeev argues, "People compare themselves with others to reduce uncertainty about themselves and maintain or enhance self-esteem" [Ben-Zeev, 1992: 554]. Envy usually emerges within one's immediate social circle and is shaped by moral considerations: "Envy is often based on personal, nonmoral norms of desert" [ibid.: 562].

The authors of "Soviet Ordinary Man" emphasize envy's role in the Soviet egalitarian worldview, where perceived personal inadequacies could feel existentially incompatible with the ideological promise of equality [Soviet Ordinary Man, 1993]. The interviews support this framework, illustrating how envy structures the respondent's perception of their social environment and their own standing within it.

Envy is typically directed toward colleagues, neighbors, or friends and is often triggered by life domains where self-respect is also negotiated — successful marriages, careers, or access to rare opportunities such as foreign travel:

"I have one friend who, it turns out, has been envious of me, of my marriage all her life. In such a strange way, you know, I never even expected it. The head of the department called me in, at the 'Mechnikov' [unofficial name of a university] where I used to work. He called me in and said, 'Raisa Nikolaevna, don't tell everything, where did you go with Artur, where did you...?' I said, 'What's the matter? What's going on?' — 'Well, Maria Mikhailovna, well, she has this attitude, disrespectful, and very envious of you.' I was amazed, I thought, 'What's so special about that?'" (Raisa Nikolaevna, 90, f., a philologist).

Thus, the biographical work of the informants includes efforts to affirm both self-esteem and self-respect within a dual framework. The first is temporal or generational, involving comparisons across generations of parents, children, and grandchildren. The second is social, unfolding within one's immediate environment of friends, coworkers, and neighbors. These comparisons are intersubjective and grounded in the normative, structural, and value foundations of Soviet society: family ethics, professional merit, the egalitarian ideal, and class stratifications within socialism.

A scheme for the analysis of self-respect

As a result of empirical research, I have gathered a set of extensive biographical narratives in which the theme of respect serves as a leitmotif. In keeping with the interpretive approach, I have deliberately refrained from imposing standard external frameworks for structuring life stories. Instead, I focused on how informants themselves constructed meaning through biographical narration. Their 'biographical work' involves both recounting life events and articulating the normative grounds endowing these events with social and cultural significance.

At its most basic level, the analytical scheme can be presented as follows:

"A segment of biographical experience involving an evaluation of self-respect" + "The justification for that evaluation."

This justification, or argumentation, usually takes the form of a comparison between a specific life event and a more general or normative frame of reference. Following Rosenberg's comparative principles, it is crucial to attend to how people assess themselves about others: whether as superior or inferior, morally better or worse, or as conforming to or deviating from the prevailing norms. Such comparisons often invoke widely accepted social practices, moral expectations, or forms of common knowledge specific to the cultural and historical contexts.

The argumentation surrounding biographical experience, as articulated by the informant, constitutes what they perceive as the 'normative' or 'objective' foundation of that experience. Quotation marks are used deliberately, as these foundations are not inherently normative or objective. Rather, they attain such status through the informant's cultural and social positioning and can be analytically elevated to that level by the researcher.

Importantly, the structure of the informant's argumentation may diverge significantly from formal, institutional, or externally imposed frameworks. It may appear normative, moral, or even juridical in tone, drawing on a range of sources, from dominant societal models of justice and equality to deeply personal beliefs, aphorisms, or the influential perspectives of significant others.

Understanding these arguments is crucial for grasping the coherence of biographical narratives, their integration into generational memory, and the scaffolding upon which self-respect is constructed.

Simple examples illustrating how this analytic scheme functions include statements such as:

"I got married late, at twenty-five" (Daria Leonidovna, 75, f, library manager).

This utterance presents a biographical fact — marrying at the age of 25 — paired with an implicit normative judgment that this was 'late.' From the interview, we know that the informant has two children and several grandchildren, indicating that the notion of lateness is not linked to reproductive concerns. Rather, her assessment draws on prevailing social norms about the appropriate age to get married during the Soviet period. It also reflects a subjective understanding of her

own adulthood and maturity by that age, which shaped her resistance to her husband's influence:

"I told him right away that it was a pointless endeavor. I'll bend, I'll twist, I'll adapt however you want, but what I have, well, that's who I am." (Daria Leonidovna, 75, f., library manager).

The act of creating a family is typically seen as normative. Conversely, the absence of family is often treated as a biographical deviation that requires an explanation or justification:

"[About his friends] They've done better, they have a family. And me, you see, I'm alone." (Nikolai Vasilevich, 88, m., military builder).

Such absences may be glossed over with phrases like 'It didn't work out' or may elicit more developed narratives of personal choice and trade-offs:

"I even had a fiancé. He waited for several years. He was a good guy. There were other proposals. But you know, I wanted to study chemistry. And since I had to earn a living, or get married and no longer earn anything, I decided it was better this way. I don't regret that it turned out this way, not at all." (Olga Konstantinovna, 90, f., chemist).

Another example of argumentation involves intergenerational comparison as a basis for self-respect:

"Can you imagine, my granddaughter speaks four languages professionally. I'm amazed, I'm amazed. I only knew German well." (Elena Igorevna, 91, f., librarian).

Here, the informant compares her own linguistic ability to that of her granddaughter, a trained philologist. Although the granddaughter clearly 'wins' in this comparison, her success becomes a source of pride and the foundation of the informant's own self-respect, now oriented towards the well-being and accomplishments of her family.

As a more nuanced example, consider a statement from an 88-year-old man — a military builder who used to hold managerial roles. The recollection dates to the late 1970s and early 1980s:

"I ended up in Magadan at the time. I really liked it there. I lived there for ten years. They paid a 10% salary bonus for every ten years. That came out to two salaries. I didn't feel like coming back here. I was making more than the director of the Kirov plant... [chuckles]" (Nikolai Vasilevich, 88, m, military builder).

Within the framework of self-respect, this biographical episode can be understood as an expression of professional achievement and personal fulfillment through work.

In addition to describing his labor experience, the informant offers a specific formula for calculating his salary and contextualizing his income by comparing it to that of a highly prestigious figure — the director of the Kirov Plant, one of the most important Soviet industrial enterprises during its peak in the 1970s and 1980s.

Notably, the 'director of the Kirov plant' functions here less as a real person than as a symbol of elite status within the Soviet professional hierarchy. The informant thus positions himself as not only a competent worker but also as someone who successfully capitalized on his labor value within a socialist wage system. He underscores a contrast in responsibility levels between the head of a major plant and the manager of a regional construction site, thereby suggesting that the difference in compensation is minimal or even reversed.

In this way, the informant relies on shared knowledge about professional stratification and wage norms in the Soviet Union. He expects these references to be self-evident — requiring no clarification — and by doing so, reinforces the temporal and cultural embeddedness of his argument. His justification is grounded in his lived historical experience.

Another common rhetorical device involves self-assessment of physical traits, abilities, or talents, typically framed through familial comparison. Such examples are particularly prevalent in women's interviews, where parents or grandparents often serve as points of reference:

"... she [referring to her mother] had many husbands, she swapped them a lot... She was a very beautiful woman, loved to sing and dance. I didn't inherit that from her." (Elena Igorevna, 91, f, librarian);

"My father has a sense of direction, he navigates perfectly. He couldn't understand how someone could get lost in the woods. I didn't inherit that. I'm a real mess, I can say that. My parents had talents, and I got the short end of the stick, all the talents skipped me. [laughs] But the only thing I inherited is my cheerfulness." (Valentina Olegovna, 80, f, engineer).

This form of modest self-positioning is characteristic of the generation under study. It reflects a cultural orientation shaped by Soviet socialization, which discouraged egocentrism and self-promotion. The comparisons, often humorous or self-deprecating, rely on genetic metaphors to explain one's traits while simultaneously affirming the value of one's parents. Such narratives reinforce a moral continuity and the idea of a strong, dignified family, contributing positively to the speaker's sense of self-respect.

Conclusion

The analytical scheme proposed in this article is rooted in the interpretive tradition and a constructivist life course perspective. It allows us to identify how individuals evaluate their self-respect and how they position themselves socially

through narrative. By avoiding rigid comparisons with external normative structures, this approach brings attention to the subjective arguments that informants construct as part of their biographical work. These arguments often touch upon fundamental themes such as justice, dignity, inequality, and the meaningfulness of life.

In the life stories of older adults, justifications of past choices and outcomes play a central role. These justifications are embedded in evaluations of self-respect and are often supported by references to shared moral norms, intergenerational comparisons, and reflections on lived experiences. The biographical dimensions that serve as a foundation for self-respect in this generation include strong family ties, professional achievements, intellectual engagement, meaningful relationships, and a sense of fairness.

These evaluations unfold within two main contexts. First, the context of everyday social life — interactions with family members, friends, neighbors, and colleagues, where individuals continuously assess themselves about others. Second, an intergenerational context, where comparisons with parents, children, and grandchildren help articulate one's moral position and legacy. The meanings associated with self-respect in these narratives are shaped by Soviet cultural frameworks, particularly ideas of egalitarianism, modesty, and personal responsibility. Different dimensions of self-respect make the analytical scheme applicable to generational studies, revealing generational differences and specificities, as well as intergenerational breaks and conflicts.

Thus, self-respect emerges not only as a personal feeling but also as a culturally and historically embedded phenomenon tied to the moment of the event and correlated with the normativity of the period in which those events occurred. For the silent generation, this is Soviet normativity, Soviet common sense, and Soviet agreements of justice and inequality. These foundations are very stable and personally significant. Despite the gap of more than thirty years since the collapse of the Soviet system, their value remains relevant. Soviet discourses, norms, and values continue to play a defining role in the self-respect evaluations of the Soviet silent generation.

References

- Barnes B. (2001) Practice as Collective Action. In: *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London: Routledge. P. 17–29.
- Ben-Ze'ev A. (1992) Envy and Inequality. *The Journal of Philosophy*. Vol. 89. No. 11. P. 551–581. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2941056>
- Bottero W. (2020) *Sense of Inequality*. London; New York: Rowman and Littlefield.
- Brinkmann S., Kvale S. (2018) Analyzing Interviews. In: *Doing Interviews*. New York: Sage. P. 115–138. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781529716665.n9>
- Flick U. (2018) *An Introduction to Qualitative Research*. London: Sage.
- Foucault M. (1975) *The Birth of the Clinic*. New York: Random House.
- Foucault M. (1979) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage.
- Gubrium J.F., Holstein J.A. (2000) Analyzing Interpretive Practice. In: *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: Sage. P. 487–508.
- Harris S. (2006) Social Constructionism and Social Inequality. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. No. 3. P. 223–235. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241606286816>

- Honneth A. (1995) *The Struggle for Recognition*. Cambridge: Polity Press.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (2007) Constructionist Perspectives on the Life Course. *Sociology Compass*. Vol. 1. No. 1. P. 335–352. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00004.x>
- Holstein J.A. and Gubrium J.F. (2000) *The Self We Live By: Narrative Identity in a Postmodern World*. New York: Oxford University Press.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (2003) The Life Course. In: *Handbook of Symbolic Interactionism*. Walnut Creek: AltaMira. P. 835–855.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (2005) Interpretive Practice and Social Action. In: *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: Sage. P. 483–506.
- Honneth A. (2003). Redistribution as Recognition: A Response to Nancy Fraser. In: *Redistribution or Recognition? A Political-Philosophical Exchange*. New York: Verso. P. 110–198.
- Laceulle H., Baars J. (2014) Self-Realization and Cultural Narratives about Later Life. *Journal of Aging Studies*. No. 31. P. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2014.08.005>
- Lamont M. (2017) *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion and Academic Evaluation*. Amsterdam: Praemium Erasmianum Essay.
- Sayer A. (2005) Class, Moral Worth and Recognition. *Sociology*. Vol. 39. No. 5. P. 947–963. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038505058376>
- Skeggs B. (2002) *Formations of Class and Gender. Becoming Respectable*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE.
- Sovetskii prostoi chelovek* [Soviet Ordinary Man] (1993). Moscow: Mirovoi Okean. (In Rus.)
- Vinitzky-Seroussi V. (1998) *After Pomp and Circumstance: High School as an Autobiographical Occasion*. Chicago: University of Chicago Press.

Cited Interviews:

Zhanna Viktorovna, 78, f., a procurer
Valentina Olegovna, 80, f., an engineer
Alexei Zakharovich, 83, m., an engineer
Daria Leonidovna, 75, f., a library manager
Elena Igorevna, 91, f., a librarian
Nikolai Vasilevich, 88, a military builder
Kapitolina Petrovna, 94, f., a schoolteacher
Irina Ivanovna, 76, f., a director on editing
Raisa Nikolaevna, 90, f., a philologist
Viktor Viktorovich 82. m., a worker
Olga Konstantinovna, 90., f, a chemist

Author Bio:

Elena A. Bogdanova — PhD, Independent Researcher, Helsinki, Finland.
E-mail: bogdanova.nova@gmail.com. **RSCI Author ID:** 808983; **ORCID ID:** 0000-0001-5640-1231; **ResearcherID:** G-7189-2018.

Received: 30.09.2024

Accepted: 17.02.2025

BAK: 5.4.4

Самоуважение в нарративах жизненного пути представителей советского молчаливого поколения: аналитическая схема

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.3

Богданова Елена Александровна

Независимый исследователь,
Хельсинки, Финляндия
E-mail: bogdanova.nova@gmail.com

В данной статье исследуется как конструируется самоуважение в биографических нарративах советских бэби-бумеров — ныне пожилых людей — в постсоветской России. В исследовании используется конструктивистский подход к анализу жизненного пути в интерпретативной перспективе, который сводит к минимуму зависимость понимания жизненного пути от внешних структурных и институциональных рамок. С помощью интерпретативного тематического анализа биографических интервью исследование раскрывает сложную взаимосвязь между оценками самоуважения и аргументами, которые информанты используют для их обоснования. В исследовании сформулирована аналитическая схема для изучения самоуважения и показано, как она может быть применена для анализа нарративов жизненного пути в контексте позднесоветского и постсоветского общества и не только. В статье подчеркивается устойчивое влияние ценностей советской эпохи на оценки самоуважения представителей советского «молчаливого поколения», и выявляются нюансы того, как индивиды конструируют самоуважение через нарративы.

Ключевые слова: самоуважение; аналитическая схема; подход жизненного пути; советское «молчаливое поколение»

Сведения об авторе:

Богданова Елена Александровна — PhD, независимый исследователь, Хельсинки, Финляндия. E-mail: bogdanova.nova@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 808983; **ORCID ID:** 0000-0001-5640-1231; **ResearcherID:** G-7189-2018.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2024

Принята к публикации: 17.02.2025

БАК: 5.4.4

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.4

EDN: IASCBД

«Трудный возраст»: как женщины среднего класса (пере)определяют культурные нормы зрелости

Ссылка для цитирования:

Чернова Ж. В., Литвинова А. И. «Трудный возраст»: как женщины среднего класса (пере)определяют культурные нормы зрелости // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 71–91. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.4> EDN: IASCBД

For citation:

Chernova Z. V., Litvinova A. I. (2025) The Difficult Age: Exploring Media Representations of Women's Midlife Experiences. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 71–91. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.4>

Чернова Жанна Владимировна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chernova30@mail.ru

Литвинова Александра Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.litvinova@spbu.ru

В статье анализируются медиарепрезентации среднего возраста у женщин на основе тематического анализа подкаста «45+: Легенды и мифы среднего возраста». Авторы фокусируются на опыте городских образованных женщин среднего класса, рассматривая, как они переосмысляют этот жизненный этап в условиях дестандартизации жизненных сценариев и противоречивых культурных ожиданий. В подкасте средний возраст предстает как период пересмотра приоритетов, адаптации к возрастным изменениям и создания новых жизненных проектов благодаря пластичности и агентности. Особое внимание уделяется телесности и медиализации как инструментам самоидентификации

и управления возрастом, а также роли накопленных ресурсов в формировании позитивных сценариев переживания среднего возраста. Исследование демонстрирует, как женщины среднего класса, выступая социальными инноваторами, формируют новые культурные нормы восприятия среднего возраста и бросают вызов двойному стандарту старения. Поднимается вопрос о необходимости дальнейших исследований для понимания разнообразия опыта переживания среднего возраста женщинами разных социальных групп.

Ключевые слова: жизненный путь; средний возраст; женщины; медиа; средний класс

Введение

В названии статьи мы использовали определение И.С. Кона, который обозначил возрастной интервал 40–50 лет как «трудный возраст». По его мнению, это особый этап жизненного пути (lifecourse), связанный не столько с изменениями физического и психологического самочувствия индивида, сколько с прохождением пика профессиональной карьеры, рутинизацией трудовых навыков и семейных отношений, сужением временной перспективы, сопровождающейся апатией и депрессией [Кон, 1984]. Эта формулировка служит отправной точкой для изучения того, как меняются представления о среднем возрасте и как эти трансформации репрезентированы в современных медиа. Остается ли этот этап жизни по-прежнему проблематизированным — как в академическом, так и в массовом дискурсе? Эти вопросы сформировали фокус нашего исследовательского внимания и задали два направления анализа: во-первых, как средний возраст интерпретируется в современном академическом дискурсе; во-вторых, какие способы его восприятия и проживания представлены в медиарепрезентациях.

Мы обращаемся к анализу культурных нарративов, представленных в СМИ, поскольку они играют ключевую роль в формировании, укреплении и изменении социальных норм, являясь значимым инструментом распространения конвенциональных представлений о том, что считается в обществе приемлемым, желательным или отклоняющимся. Также мы фокусируемся на изучении женского опыта восприятия и переживания среднего возраста, соглашаясь с С. Сонтаг в том, что «двойной стандарт старения особенно жесток» [Сонтаг, 2024: 28] именно к женщинам: в силу гендерной специфики культурных репрезентаций они сталкиваются с давлением противоречивых медийных образов, таких как вечная молодость, физическая привлекательность и стереотипный образ старости как немощи, потери красоты и упадка. При этом возраст мужчин чаще интерпретируется как источник статуса и привлекательности, поскольку их социальная ценность не связана напрямую с параметрами молодости и внешней красоты.

Несмотря на то что середина жизни представляет собой критически важный период, он по-прежнему недостаточно изучен в социальных исследованиях

[Dolberg, Ayalon, 2018; Demey et al., 2013; Infurna et al., 2020]. На фоне значительного роста интереса к изучению возраста как социального конструкта и к возрастным аспектам социальных неравенств средний возраст остается в «слепой зоне» академического интереса и медиадискурса, где внимание либо сосредоточено на детстве, молодости и старости, либо сводится к стереотипным представлениям о среднем возрасте как периоде кризиса [Lachman, 2015]. Недостаточное внимание к этому возрастному этапу в академическом и публичном дискурсе способствует воспроизводству стереотипов, укоренившихся в массовой культуре 1960–1970-х годов [Lachman et al., 2015; Schmidt, 2020]. Эти стереотипы по-прежнему влияют на субъективное восприятие возраста, особенно в отношении женщин и их опыта проживания среднего и старшего возраста [Baruch, Brooks-Cunn, 1984; Gullette, 1997; Калхун, 2023]. Медиа и особенно визуальные репрезентации акцентируют внимание на таких аспектах женского тела, как набор веса и старение, приводящих к потере физической привлекательности [Jermyn, 2016; Tiidenberg, 2017], что возводит культурные барьеры для позитивного восприятия этого этапа жизни, в том числе самими женщинами.

Настоящая статья направлена на восполнение исследовательского пробела, связанного с анализом того, как в медиапространстве репрезентируется опыт переживания женщинами среднего возраста — прежде всего через артикуляцию их жизненных стратегий, возрастной рефлексии и практик поддержания благополучия. Мы стремимся не только выявить медиарепрезентации и устойчивые культурные сценарии, связанные с женским проживанием зрелости, но и критически пересмотреть способы их интерпретации и воспроизводства. В центре нашего внимания — медианарративы, через которые артикулируется женский опыт: какие темы и образы становятся ключевыми, как они организованы и интерпретируются. Мы рассматриваем этот опыт как одновременно биографический и культурный, поэтому анализируем его как место, где формируются социальные нормы — как на уровне индивидуальных стратегий, так и на уровне коллективных представлений. Такой подход позволяет проследить, как женщины осмысляют, адаптируют и трансформируют эти ожидания в рамках своего повседневного опыта.

Для анализа этих нарративов мы обращаемся к подкасту «45+: Легенды и мифы среднего возраста». Этот медиапродукт позволяет реконструировать коллективную артикуляцию представлений, нормативов и стратегий, связанных с проживанием женщинами среднего возраста. Нас интересует, какие темы и сюжетные линии актуализируются в подкасте, как в них отражаются или переосмысливаются культурные представления о возрасте, и каким образом этот контент формирует новый тип возрастной нормативности для женщин среднего класса.

Мы рассматриваем средний возраст как амбивалентную фазу жизненного пути, когда биографические траектории и социальные ожидания пересекаются с традиционными представлениями о женственности, зрелости и продуктивности, которые оказываются несовместимыми в рамках публичного и частного дискурсов. Особый интерес для нас представляет женский опыт. В силу

гендерной специфики культурных репрезентаций женщины сталкиваются с двойным стандартом старения: с одной стороны, ожидается сохранение молодости и привлекательности, с другой — невидимость и утрата социальной ценности после определенного возраста [Сонтаг, 2024].

Таким образом, цель статьи — проанализировать, каким образом в медиарепрезентациях артикулируется опыт проживания среднего возраста у женщин и как этот нарратив соотносится с социологическими концептами жизненного пути, а также с аналитической диадой агентности и пластичности, позволяющей раскрыть не только адаптивные, но и трансформирующие стратегии женщин среднего возраста.

Социология среднего возраста: обзор подходов

Современная социология трактует жизненный путь как сложный феномен, формируемый пересечением институциональных, культурных и исторических факторов. Важную роль в этом процессе играют образовательные системы, структура семейных отношений и нормы трудовой занятости [Shanahan, 2000; Buchmann, Kriesi, 2011; Mayer, 2004; Moen, 2016]. Исследования жизненного пути сосредотачиваются на трех аналитических уровнях: индивидуальных биографических траекториях, когортных паттернах развития и институциональных структурах, регулирующих нормативные рамки. Такой подход позволяет не только выявить социальные механизмы воспроизводства неравенства, но и исследовать динамику изменений социальных норм.

Средний возраст для социальных исследователей определяется не столько биологическими изменениями, сколько влиянием социально-экономических и культурных факторов, которые формируют опыт его проживания и восприятия в обществе [Lachman, 2015]. Концепция жизненного пути позволяет рассматривать средний возраст как динамический процесс, включающий взаимодействие индивидуальных биографий и макроуровневых социокультурных контекстов [Elder, 2003]. Однако средний возраст часто остается в «слепой зоне» научных исследований, уступая внимание детству, юности и старости [Infurna, Gerstorf, Lachman, 2020]. В исследованиях этих возрастных категорий средний возраст фигурирует не как самостоятельный объект, а как рубеж — завершение одних биографических процессов и начало других (взросление и старение).

Чаще всего средний возраст мыслится как переходный период между молодостью и старостью, что обусловлено более сильной институционализацией и стандартизацией этих возрастных периодов посредством социальных институтов и социальной политики государства, четко регламентирующей время получения общего и профессионального образования, а также выхода на пенсию. Средний возраст лишен таких четких маркеров, сигнализирующих о специфических потребностях данной возрастной категории, что усиливает его восприятие как «размытого» периода жизни [Dannefer, 2003; Macmillan, 2005].

Жизненный путь как подход подчеркивает значимость влияния предшествующего опыта на формирование переживания среднего возраста.

Концепция кумулятивного (не)преимущества (concept of cumulative (dis) advantage) объясняет, как неравенство, формирующееся в течение жизни, становится особенно заметным в среднем возрасте [Dannefer, 2003]. Например, ключевую роль в том, как индивид воспринимает этот период, играют социально-экономическое положение, состояние здоровья, образование и семейные роли. Люди из менее обеспеченных социальных слоев обычно начинают воспринимать себя как «взрослых среднего возраста» раньше, чем представители более обеспеченных и образованных групп, что связано с ранним началом профессиональной деятельности и семейной жизни первых по сравнению со вторыми [Toothman, Barrett, 2011].

Концепция кумулятивных (не)преимуществ помогает понять, почему одни люди переживают средний возраст как кризис, а другие — как период наибольшего расцвета. Накопленные в течение жизни ресурсы объясняют, почему представители среднего класса в среднем возрасте воспринимают себя более успешными и удовлетворенными. В то же время более низкое социально-экономическое положение становится фактором, усугубляющим неравенство, которое со временем усиливается и приводит к ухудшению здоровья, ограничению карьерных возможностей и снижению качества жизни индивида. В результате люди, сталкивающиеся с различными формами социального исключения и неравенства, склонны воспринимать этот этап жизни как начало упадка и завершения своей продуктивности. Тогда как те, кто обладает накопленными преимуществами (в первую очередь символическими и социальными ресурсами), чаще рассматривают средний возраст как время новых возможностей для профессиональной и личной самореализации.

Средний возраст отличается высокой степенью биографической вариативности: одинаковый хронологический возраст может включать существенно разные жизненные обстоятельства — от рождения ребенка до появления внуков, от карьерного роста до подготовки к выходу на пенсию, от новых браков до заботы о пожилых родителях. Эти различия формируют неконсистентные статусные наборы и требуют от индивида постоянной адаптации, перераспределения приоритетов, пересмотра целей и способов (вос)производства идентичности. В результате средний возраст становится фазой активного (пере)конструирования идентичности на фоне множественных и подчас противоречивых социальных ожиданий.

Биографическая неоднородность усиливается неравномерным доступом к ресурсам — материальным, физическим, временным и символическим. Кто-то в этом возрасте располагает стабильностью и временем «для себя», другие сталкиваются с финансовыми и семейными обязательствами. Одни сохраняют высокий уровень активности и здоровья, другие ограничены хроническими заболеваниями. Все это создает мозаичный ландшафт жизненных траекторий, затрудняющий стандартизацию опыта среднего возраста и подталкивающий к развитию индивидуализированных стратегий.

Согласно обновленной классификации Всемирной организации здравоохранения, к среднему возрасту относятся люди в возрасте от 45 до 59 лет. Восприятие границ среднего возраста формируется на пересечении культурных

представлений, нормативно-правового дискурса и медиарепрезентаций [Lachman, 2015; Mehta et al., 2020]. Это делает средний возраст амбивалентным периодом жизни, который одновременно воспринимается как время расцвета и как начало кризиса. Такое двойственное восприятие связано, с одной стороны, с ожиданиями достижения карьерных и личных целей, экономического благополучия. С другой — с первыми признаками старения, такими как ухудшение здоровья и снижение активности.

Связь между культурными представлениями и медиарепрезентациями особенно важна в контексте формирования социальных и культурных конвенций о среднем возрасте. Значительную роль в закреплении негативных стереотипов играют медиа, представляя этот период как кризисный. Например, исследования [Tiidenberg, 2017] показывают, что визуальные образы часто фокусируются на физических изменениях, таких как старение кожи и потеря привлекательности, особенно у женщин. Это усиливает давление на женщин, заставляя их соответствовать идеализированным стандартам красоты, подчиняясь нормам, которые с возрастом все труднее поддерживать.

Гендерный аспект восприятия среднего возраста имеет принципиальное значение. Мужчины и женщины сталкиваются с различным отношением к своему возрасту. Для мужчин старение нередко ассоциируется с приобретением статуса, влияния и мудрости, тогда как для женщин это чаще воспринимается как потеря физической привлекательности и снижение социальной значимости. Кроме того, женщины чаще сталкиваются с дополнительной нагрузкой, связанной с осуществлением родственной заботы, что добавляет стресс и усиливает кризисное восприятие среднего возраста. Концепция «сэндвич-поколения» подчеркивает этот аспект, акцентируя внимание на множественной нагрузке, которую испытывают представители среднего поколения, заботясь одновременно о детях и пожилых родителях.

Важно подчеркнуть, что институциональная неопределенность (в данном контексте — отсутствие устойчивых политик, норм и программ, признающих специфику среднего возраста как самостоятельной стадии жизненного курса) задает специфику изучения этого периода жизни. В то время как молодость и старость четко регулируются социальными институтами, средний возраст остается менее определенным. Это находит отражение в том, что социальная политика и программы поддержки часто сосредоточены на потребностях молодежи или пенсионеров, игнорируя уникальные вызовы, с которыми сталкиваются представители среднего возраста [Macmillan, 2005]. Например, отсутствие программ переподготовки ограничивает возможности профессиональной мобильности и адаптации. Средний возраст также редко становится приоритетом государственной политики в области здоровья — несмотря на рост хронических заболеваний, профилактические меры слабо охватывают эту возрастную группу [Lachman, 2015; Infurna, Gerstorf, Lachman, 2020]. Поддержка родственной заботы минимальна: уход за пожилыми родителями или детьми чаще ложится на женщин, не сопровождаясь гибкими условиями труда или социальной компенсацией [Daly, 2020; Pavolini, Van Lancker, 2018]. В культурной политике и медиа люди среднего возраста также редко

представлены как самостоятельная категория с правом на публичную артикуляцию [Woodward, 1999; Gullette, 2004; Twigg, 2004; Calasanti, 2007].

Эти примеры указывают на то, что существующие инициативы поддержки остаются точечными и фрагментарными. Несмотря на наличие отдельных программ, они не устраняют ни нормативную неопределенность, ни структурную уязвимость, с которыми сталкиваются представители этой возрастной группы. В контексте современных демографических, социальных и культурных изменений это требует пересмотра традиционных подходов к изучению среднего возраста, что откроет возможности для разработки более адресной институциональной поддержки, способной учитывать специфику этого этапа жизненного пути.

Таким образом, несмотря на имеющиеся исследования, средний возраст остается слабо институционализированным, гендерно асимметричным и культурно амбивалентным периодом жизненного курса. Это касается не только отсутствия структурной поддержки, но и символического измерения: в публичном пространстве средний возраст лишен возрастного суверенитета — права быть представленным как самостоятельный и ценностно насыщенный период жизни. Вместо этого он либо маскируется под «вторую молодость», либо редуцируется до подготовительной стадии к старению. Формулы вроде «50 — это новые 30» или «в 40 лет жизнь только начинается» подтверждают, что признание среднего возраста возможно только через риторику продления молодости, а не через утверждение его собственных норм и смыслов. Такая символическая неопределенность усиливает как невидимость, так и структурную уязвимость рассматриваемой возрастной группы. Это требует аналитических инструментов, способных уловить не только структурные ограничения, но и индивидуальные способы действия и системы интерпретаций. Опираясь на представленные теоретические и эмпирические работы, мы предлагаем анализировать средний возраст через призму механизмов, позволяющих представительницам городского образованного среднего класса адаптироваться к неопределенности и формировать собственные стратегии переосмысления возрастных норм. Для этого мы обращаемся к понятийной связке агентности и пластичности (*plasticity*), позволяющей учитывать как внешние структурные условия, так и субъективные способы осмысления и проживания среднего возраста [Staudinger, 2020].

Аналитическая рамка и эмпирический материал исследования

Одним из ключевых понятий, связанных с изучением среднего возраста, является субъективный возраст — разница между хронологическим возрастом и тем, как человек воспринимает себя. Это восприятие влияет на то, какие цели он ставит и какие стратегии выбирает для проживания конкретного периода жизни. Исследования показывают, что люди, ведущие активный образ жизни, сохраняющие социальные связи и имеющие доступ к ресурсам, как правило, воспринимают себя моложе своего биологического возраста. Однако

стереотипы и социальные ожидания — особенно в отношении женщин — продолжают оказывать давление на субъективное восприятие, ограничивая возможности позитивного проживания этого этапа.

В этом контексте мы предлагаем рассматривать агентность в аналитической связке с понятием пластичности [Staudinger, 2020]. Агентность отражает способность человека самостоятельно формировать свою жизненную траекторию, ставить цели, управлять ресурсами и принимать решения. Однако она предполагает действие в относительно стабильных и предсказуемых условиях. В ситуации резких изменений жизненных обстоятельств (например, утраты работы, ухудшения здоровья или роста семейных обязанностей) объяснительный потенциал агентности как аналитической категории оказывается ограниченным. Она предполагает наличие устойчивых условий для планирования и реализации стратегий, тогда как средний возраст часто сопряжен с неопределенностью и структурными сдвигами. В этих ситуациях на первый план выходит пластичность — не просто как адаптация (реактивная подстройка к обстоятельствам), а как способность индивида переосмысливать свои цели, роли и ценности в ответ на изменения, которые им не контролируются и не выбираются напрямую [Staudinger, 2020].

Использование этой понятийной диады позволяет выявить не только механизмы адаптации, но и более глубокие способы переосмысления целей и норм, раскрыть, как индивиды выстраивают баланс между внешними ожиданиями и внутренними целями. Это особенно важно при изучении среднего возраста — жизненного этапа, характеризующегося высокой вариативностью биографических сценариев, отсутствием четкой институционализации и слабой стандартизацией, а также амбивалентными нормами и культурными представлениями, сочетающими образы расцвета и кризиса.

Социально-экономическое положение женщин также оказывает влияние на их восприятие и переживание среднего возраста. Женщины среднего класса, обладая накопленными ресурсами — экономическими, образовательными, символическими, — имеют возможность инициировать новые биографические проекты, формируя собственные сценарии взросления в условиях высокой вариативности ролей и ожиданий. В то время как женщины из рабочего класса чаще сталкиваются с ограничениями, связанными с дефицитом доступа к образовательным, профессиональным и медицинским возможностям.

Концепция кумулятивного (не)преимущества позволяет понять, как неравенство, формирующееся на протяжении жизни, влияет на способность индивидов проявлять агентность и реализовывать пластичность в условиях возрастающей неопределенности. Представительницы городского образованного среднего класса, обладающие значительными социальными и культурными ресурсами, не только адаптируются к изменениям, но и переопределяют возрастные нормы, формируя альтернативные сценарии переживания среднего возраста. Их способность к стратегическому действию проявляется как в гибкости повседневных практик (пластичность), так и в активном участии в культурной рефлексии и нормообразовании (агентность). Эти женщины становятся инициаторами

пересмотра возрастных сценариев, выстраивая модели поведения, основанные на пересечении личного опыта и доступных ресурсов.

В качестве эмпирического материала для анализа мы использовали нарративы, представленные в подкасте, где женщины обсуждают опыт проживания среднего возраста, его вызовы и ресурсы. Мы обратились к этому медиапроекту, поскольку он создан самими представительницами городского образованного среднего класса и ориентирован на аудиторию, заинтересованную в обсуждении возрастных изменений, ценностей и стратегий проживания зрелости. Подкаст «45+: Легенды и мифы среднего возраста» предназначен для современных женщин среднего возраста, стремящихся к активной и полноценной жизни. Автор и ведущая Юлия Зинкевич приглашает экспертов из разных сфер и просто интересных собеседниц для обсуждения тем, связанных с личностным развитием, здоровьем, культурой и искусством. Подкаст описывается как «подкаст для современных женщин, которые собираются жить лет 100 и сейчас находятся в середине пути. Юлия Зинкевич и ее гости говорят о вызовах, с которыми сталкиваются женщины „среднего возраста“, сообща ищут точки опоры в различных, иногда фрустрирующих ситуациях, делятся лайфхаками и находят много плюсов в путешествии от 45 к 59. В конце каждого выпуска — 3 практических совета, которые вам точно пригодятся»¹. Таким образом, подкаст становится источником материалов для социологического анализа того, как женщины осмысляют и артикулируют опыт среднего возраста в публичном пространстве.

С момента выхода первого эпизода подкаста в апреле 2023 года до начала исследования (июль 2024 года) было выпущено 34 выпуска. Продолжительность одного эпизода — в среднем 40–45 минут. Основные темы охватывают личностное развитие (книги, психологические практики, техники самопомощи), здоровье и благополучие (физическое и ментальное здоровье, спорт, здоровый образ жизни), культуру и искусство (обзоры книг, фильмов, театральных постановок и выставок), а также социальные и гендерные вопросы (гендерное равенство, роль женщины в обществе, семейные отношения). Проект представлен на ведущих платформах для подкастов, а также в YouTube и Telegram.

Материалы выпусков подкаста использовались как вторичные данные для социологического анализа [Asier, Luis Miguel, 2022; Kulkov et al., 2024]. Каждый выпуск подкаста рассматривался нами как квазиинтервью, состоящее из связанных общей тематикой нарративов ведущей выпуска (интервьюера) и гости (информантки). Из 34 выпусков нами были отобраны 28. Из общего списка были исключены эпизоды, не относящиеся к заявленной теме медиапроекта — обсуждению опыта переживания среднего возраста, например, связанные с рекомендациями Юлии Зинкевич по созданию и продвижению подкастов. Аудиозаписи каждого из 28 выпусков были транскрибированы и использовались в качестве текстовых материалов для последующего анализа тех смыслов и значений, которые приписываются участницами подкаста

¹ Подкаст «45+: Легенды и мифы среднего возраста» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital> (дата обращения: 02.09.2024).

среднему возрасту, а также репрезентаций жизненных сценариев и специфических практик, свойственных этому периоду жизни.

Следуя логике тематического анализа, мы выделяли категории, а затем объединяли их в подтемы и темы, которые выступили основой для содержательной части исследования. Мы опирались на рефлексивный подход к тематическому анализу, позволяющий сосредоточиться не только на повторяющихся темах, но и на смыслах, через которые участницы структурируют опыт переживания среднего возраста, используя доступный им культурный язык [Braun, Clarke, 2021]. Были выделены следующие три темы, вокруг которых были организованы нарративные обсуждения в выпусках подкаста: нормализация возрастных изменений; влияние медиализации и телесности; социальные ожидания, связанные с соответствием стандартам успешности, активной жизненной позиции и способности сохранять физическое и социальное благополучие.

Эти три темы можно аналитически соотнести с ключевыми понятиями исследовательской рамки. Нормализация возрастных изменений демонстрирует работу пластичности, когда женщины переосмысливают собственные роли и цели в ответ на возрастные изменения. Темы телесности и медиализации показывают, как через агентные практики ухода и самонаблюдения женщины не только рассматривают свое физическое состояние как важный фактор благополучия, но и управляют телом как ресурсом. При этом медиализирующий дискурс, традиционно критикуемый за дисциплинарный потенциал, в данном случае выступает как инструмент расширения субъектности: женщины присваивают язык медицины для нормализации возрастных изменений, интерпретации собственного состояния и формирования проактивных стратегий действия. Обсуждение стандартов успешности отражает напряжение между внешними нормативными ожиданиями и внутренними стратегиями самореализации, позволяя проследить, как пластичность и агентность пересекаются в повседневных практиках.

При этом в ходе анализа мы учитываем принадлежность ведущей и гостей подкаста к городскому образованному среднему классу, что определяет их позицию в социальном пространстве, специфику транслируемых ценностей и языка для обсуждения поднимаемых вопросов. В этом отношении вопрос, насколько представленные в проекте представления и опыт проживания среднего возраста характерны как для медиадискурса, так и для обыденного сознания в целом, остается открытым и требует отдельного изучения.

Нормализация возрастных изменений: как ведущие и гости подкаста переосмысливают средний возраст

Одной из ключевых тем анализа является телесность как инструмент самоидентификации и адаптации женщин к новому возрастному периоду. В подкасте телесность предстает не только как индивидуальный опыт, но и как пространство культурного нормотворчества, через которое женщины

и адаптируются, и переопределяют возрастные нормы. Почти во всех материалах подкаста тело рассматривается как центральный элемент, через который женщины осмысливают многочисленные изменения в различных сферах жизни, происходящие с ними в среднем возрасте. Эти нарративы показывают, что тело перестает рассматриваться как исключительно биологическая категория, становясь социальной и культурной точкой опоры. Тело выступает как проводник в социальный и внутренний мир женщин. Через него реализуются разнообразные практики, позволяющие поддерживать себя в хорошей эмоциональной и психологической форме, а также взаимодействовать с реальностью в разных ролях — от профессиональной до бытовой. Участницы подкаста рассказывают, что активно используют самые разные стратегии ухода за собой, включая регулярные медицинские обследования, занятия фитнесом и косметологические процедуры. Эти практики способствуют формированию позитивного восприятия возраста как времени активной самореализации. Здесь проявляется связка пластичности и агентности. Пластичность выражается в способности женщин по-новому осмысливать телесные изменения; агентность — в активном управлении своим телом и внешним видом, несмотря на культурные стереотипы старения.

В подкасте обсуждается, как осознанный уход за телом позволяет женщинам разрушать стереотипы старения и усиливать чувство уверенности. Например, одна из героинь делится, что физическая активность имеет значение в контексте свободы, а не внешнего вида — чем лучше она себя чувствует физически, тем проще ей решать другие задачи. Эта позиция подчеркивает, что женщины среднего класса воспринимают тело как средство самовыражения и взаимодействия с окружающим миром. Через осознанный уход за собой и физическую активность они создают нарративы, которые бросают вызов двойному стандарту старения, согласно которому мужчины с возрастом приобретают статус и привлекательность, а женщины сталкиваются с требованиями сохранять молодость и красоту. Тем самым телесность становится языком сопротивления культурным ожиданиям, формируя альтернативные образы возраста, в которых зрелость ассоциируется не с потерями, а с ресурсами. Такие нарративы подчеркивают телесность как основу уверенности, активности и способности управлять своим жизненным проектом, несмотря на культурные ожидания, которые акцентируют возрастные изменения как исключительно негативные:

«Я скорее через тело могу обрести возможность что-то проговорить, и для меня так намного эффективнее. Или там, например, вытанцовать эмоции, или что-то такое выхаживать там, ну, короче, через движение освободить психику. Это все все равно про контакт, понимаешь, когда ты целостный, потому что почувствовать, в каком направлении двигаться, найти какое-то решение, найти какое-то гармоничное состояние. Это тоже вот какой-то путь, поиск, маршрут и так далее» (Витальные и фертильные. Про тело, как точку опоры)².

² «Витальные и фертильные. Про тело, как точку опоры» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-6> (дата обращения 15.09.2024).

Медикализация среднего возраста, обсуждаемая в подкасте, раскрывает новые возможности для адаптации женщин к возрастным изменениям, становясь инструментом, через который женщины среднего класса переосмысливают свои роли и укрепляют уверенность в своих возможностях. Также в этом коллективном нарративе подчеркивается значимость здоровья как элемента уверенности в собственных силах, способности активно участвовать в социальной жизни и стабильности социально-экономического статуса, что в итоге способствует успешному старению. Забота о своем здоровье для женщин среднего класса — это способ не только поддержать физическую активность, но и укрепить свои социальные позиции, формируя позитивные образы среднего возраста и создавая новые культурные нормы переживания взрослости.

Если тело рассматривается как пространство взаимодействия между личными целями и социальными ожиданиями, то медикализация и контроль за здоровьем становятся неотъемлемой частью этого процесса, предоставляя женщинам инструменты для адаптации к возрастным изменениям. Забота о здоровье для женщин среднего класса становится способом управления возрастной уязвимостью и укрепления позиции в системе нормативных ожиданий. Этот подход логически продолжает обсуждение телесности, подчеркивая, что внимание к здоровью оказывается важным инструментом для управления социальными и профессиональными ролями, а также укрепления уверенности в себе. Участницы подкаста подчеркивают значимость регулярных медицинских обследований и профилактики здоровья:

«Я уже фокусируюсь на здоровье. У меня в голове все время это крутится, что можно есть, что нельзя есть. Больше двигаюсь и, думаю, надо продолжать. Мне нравится результат, я прям чувствовала энергию уже прибывающую. Я всем гостям заказала подарки исключительно про здоровье. Сертификаты в спортивные магазины, бутылочки, какие-то тренажеры. И получила все это в подарок» («Год здоровья»)³.

Тем самым здоровье становится важным условием для (вос)производства успеха в жизни (профессиональной, личной), которого смогли добиться героини подкаста до перехода в средний возраст. Регулярные практики заботы о здоровье поддерживают ощущение контроля и включают женщин в процессы переосмысления допустимых возрастных сценариев. В подкасте женщины объясняют свой опыт регулярного прохождения чекапов и занятий фитнесом не только необходимостью поддержания физической формы, но и укреплением социальной уверенности:

«Вот, хорошо я выгляжу сегодня, на свой взгляд. Я более уверена в себе, мне больше дается, у меня больше ресурсов. Я выгляжу, на свой взгляд, ужасно? Все, меня нет» («От самоабьюза к возрождению»)⁴.

³ «Год здоровья» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-24> (дата обращения 15.09.2024).

⁴ «От самоабьюза к возрождению» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-17> (дата обращения 15.09.2024).

В этом смысле нарративы о необходимости и пользе регулярных медицинских обследований и занятий спортом — не только о сохранении физической активности, сколько о поддержании социальной успешности, уверенности в завтрашнем дне (в перспективе старения и перехода к другому этапу жизненного пути), а также удержании своих социальных позиций.

Так, пластичность проявляется в способности женщин переосмысливать возрастные изменения — не как знак утраты, а как условие адаптации к новой фазе жизни. В нарративах подкаста это выражается в принятии перемен (*«Мне кажется, что сейчас вообще линейка стандартов расширена. Очень широкая. Выбираем. Да-да, можно быть кем угодно. Главное — оставаться собой»*⁵), смещении приоритетов и готовности выстраивать новые режимы повседневности. Агентность, в свою очередь, артикулируется через регулярные практики управления телом и здоровьем: чекапы, фитнес, планирование диеты и отдыха, все это рассматривается как сознательные инвестиции в устойчивость и социальную пригодность. Женщины подчеркивают, что эти практики — не про страх, а про возможность:

«Мы с подругой бегаем, она утром, я вечером, и отправляем друг другу подтверждение того, что мы вышли на тропу. Да, это отлично. И вот она делает это с утра, но я с утра только устаю от бега, а вечером это вот просто идеальный способ вынуть вообще все рабочие вопросы из головы, обнуиться. Это классно» («Витальные и фертильные. Про тело, как точку опоры»)⁶.

Таким образом, здоровье и телесность становятся пространством, в котором женщины одновременно приспосабливаются к изменениям и целенаправленно выстраивают стратегию управления возрастом как социальным ресурсом. Пластичность позволяет женщинам переосмыслить ограничения, связанные с их фактическим возрастом, например в отношении здоровья и изменения физических или когнитивных возможностей, в то время как агентность выражается в активных практиках ухода за собой, включая регулярные медицинские обследования и занятия спортом. Согласно принципам кумулятивного преимущества, доступ женщин среднего класса к медицинским, образовательным и социальным ресурсам позволяет им минимизировать негативные последствия возрастных изменений и формировать положительные сценарии проживания середины жизни и старения. Эта концепция позволяет объяснить, почему представители определенных групп, имеющие доступ к большему количеству ресурсов, способны лучше адаптироваться к возрастным изменениям, в то время как те, кто таких ресурсов лишен, сталкиваются с накоплением трудностей и ограничений.

⁵ «Витальные и фертильные. Про тело, как точку опоры» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-6> (дата обращения 17.09.2024).

⁶ «Витальные и фертильные. Про тело, как точку опоры» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-6> (дата обращения 15.09.2024).

Индивидуализация жизненных траекторий: класс и поколение

Материалы подкаста демонстрируют широкий спектр жизненных сценариев женщин среднего класса, что подчеркивает их способность адаптироваться к разнообразным условиям и, как следствие, нормализовать субъективное восприятие и опыт переживания среднего возраста. Гормональные изменения, сопровождающие менопаузу, представляются как культурный маркер, вокруг которого артикулируются разнообразные сценарии переживания среднего возраста. Это общий опыт, который объединяет женщин с разными биографиями и создает пространство для коллективной рефлексии и интерпретации индивидуального переживания:

«<...» Нас объединяет нечто — это то, что у нас начинают происходить гормональные изменения. Они не происходят одномоментно. <...> В 45 ни у кого не звенит никакой колокольчик и не включается зрелость. У кого-то это начинается в 45, действительно. У кого-то в 50, у кого-то в 55. А кто-то практически в 58 может не чувствовать вот этих вот границ возраста» («Вам с месячными или без?» — о переходе из молодости в зрелость)⁷.

И хотя эти изменения универсальны, они наделяются разными смыслами и, соответственно, вписываются в совершенно разные жизненные сценарии:

«<...> Мы приходим в одну и ту же временную отметку с разным багажом. У кого-то еще бодрые родители и маленькие дети, у кого-то дети выросли и разлетелись, а родителей нет в живых. Кто-то увлечен любимым делом и только нуждается в большем запасе времени, чтобы воплотить многочисленные идеи, а кому-то повседневная рутина приелась и хочется новых занятий» («Вам с месячными или без?» — о переходе из молодости в зрелость)⁸.

Эта цитата демонстрирует, как женщины артикулируют различие траекторий, приходя к одному биологическому рубежу (возрастная отметка 45+) с разным жизненным багажом. Здесь проявляется ключевой механизм дестандартизации жизненного курса. Первые две пары сравнений («бодрые родители и маленькие дети» / «родителей нет в живых, и дети разлетелись»; «увлечена делом» / «хочется чего-то нового») указывают на переменные биографические условия, которые задают разные регистры смысла одного и того же возрастного перехода. Пластичность проявляется в том, что телесные изменения (например, наступление менопаузы) интерпретируются не как

⁷ «Вам с месячными или без?» — о переходе из молодости в зрелость // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-1> (дата обращения 15.09.2024).

⁸ «Вам с месячными или без?» — о переходе из молодости в зрелость // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-1> (дата обращения 15.09.2024).

фиксированный дефицит, а как ситуативно обусловленный опыт, вплетенный в контекст семейных, профессиональных и аффективных связей. Женщина, «нуждающаяся в запасе времени», наделяет зрелость потенциалом реализации, а не утраты. Напротив, для другой зрелость становится поводом для рефлексии и поиска новых форм активности.

Агентность видна в акценте на собственное позиционирование в отношении происходящего. Речь не о пассивном следовании возрасту, а о попытке переопределить жизненный опыт через нарратив, то есть встроить его в осмысленную биографическую линию, будь то продолжение деятельности или ее кардинальная трансформация. Таким образом, универсальные изменения превращаются в отдельные траектории действия, различающиеся не по возрасту как таковому, а по модусам проживания и интерпретации.

Эти примеры служат хорошей иллюстрацией дестандартизации жизненных сценариев, подчеркивая важность учитывать контекст индивидуальной биографии при анализе поколенческого опыта прохождения этого этапа жизни. Они также показывают, как универсальные биологические изменения могут становиться фокусом коллективного нарратива, в котором через пластичность женщины перерабатывают биографические различия, а через агентность наделяют телесные изменения позитивным смыслом и формируют новые образы возраста.

Изучаемый подкаст не только адресован женщинам среднего возраста, но и был задуман и создается с участием женщин, которые представляют как городской образованный средний класс, так и определенное поколение. В современной России именно женщины городского образованного среднего класса играют роль социальных инноваторов, запускающих цепочки производства новых поведенческих моделей и практик. Их переход к взрослой жизни сопровождался кардинальными социально-экономическими и культурными изменениями, в том числе в сфере семьи и родительства. Идеология ответственного родительства и практики включенного материнства разрабатывались и осваивались ими. По своему предыдущему опыту они знают, что материнство — это проект, который необходимо планировать, менеджировать, а также вкладывать в него ресурсы. Они знают, что знания и навыки делают их компетентными родителями, потребителями и гражданками [Чернова, Шпаковская, 2021], позволяют им стать соэкспертами для осознанного выбора оптимального с их точки зрения режима заботы о ребенке. Именно поэтому, достигнув среднего возраста, они сейчас активно участвуют в переосмыслении этого этапа жизненного пути. Для многих из них актуальным становится проект среднего возраста как залог успешного старения. Он предполагает рефлексивную работу по конструированию социальных и индивидуальных представлений о возрасте, которые отличны от опыта женщин предыдущих поколений, выросших в условиях другой социальной и гендерной политики. Однако в отличие от ответственного родительства этот проект пока находится на начальном этапе разработки.

Индивидуализация и плюрализация жизненных траекторий, характерная для этого условного поколения X, проявляется в вариативности ролей

и стратегий их реализации. Благодаря накопленным ресурсам (образование, здоровье и социальные связи) представительницы именно этой социально-демографической группы обладают в том числе дискурсивными возможностями по созданию нового культурного прочтения среднего возраста в качестве социальной нормы.

Истории участниц подкаста демонстрируют широкий диапазон способов проживания этого периода жизни. Одни концентрируются на профессиональной самореализации, тогда как другие посвящают себя семье и воспитанию детей, отдают себя и все свое время любимому хобби:

«Вот я когда-то свое хобби сделала работой и наслаждаюсь, и прусь вообще с каждым днем вообще со страшной самобытной силой» («Самооценка VS Любовь к себе. Как перестать сравнивать себя с «другой девочкой» и оказаться в центре собственного мира?»)⁹.

Такие изменения биографической траектории становятся возможными не за счет появления новых возможностей как таковых, а через переработку имеющегося опыта и трансформацию привычных ролей. Пластичность здесь — это способность сместить фокус с заданных социальных ожиданий (например, стабильной карьеры или семейной заботы) к новым формам самореализации. Агентность — в том, чтобы произвести эту сборку на основе переработки предыдущего опыта, доступных профессиональных навыков и социальных ресурсов:

«С возрастом у нас много контактов наработанных. У нас толстые записные книжки. Мы знаем разных людей. А что я умею делать? А что мне надо? А что востребовано? А кто меня поддерживает? Вот это вот, как это, нетворк, да, социальщина вся» («Самооценка VS Любовь к себе. Как перестать сравнивать себя с «другой девочкой» и оказаться в центре собственного мира?»)¹⁰.

Коллективный нарратив героинь подкаста выстроен вокруг понимания среднего возраста как времени пересмотра приоритетов. Анализ этих нарративов позволяет рассматривать средний возраст как проект, обладающий высоким эмансипационным потенциалом. Он открывает пространство для критической рефлексии и трансформации культурных представлений о возрасте, теле и женской субъектности. Такой проект дает женщинам возможность пересматривать навязанные возрастные нормы, расширять репертуар допустимых ролей и формировать собственные сценарии проживания зрелости,

⁹ «Самооценка VS Любовь к себе. Как перестать сравнивать себя с «другой девочкой» и оказаться в центре собственного мира?» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-2> (дата обращения 15.09.2024).

¹⁰ «Самооценка VS Любовь к себе. Как перестать сравнивать себя с «другой девочкой» и оказаться в центре собственного мира?» // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-2> (дата обращения 15.09.2024).

выходящие за пределы межпоколенческой преемственности и культурных ожиданий. При этом то, как он реализуется на практике, непосредственно зависит от объема доступных ресурсов, обусловленных классовой принадлежностью:

«Когда у нас есть некая n-ная сумма денег на счету или в банке, в наличности где-то под матрасом либо в виде какого-то пассивного дохода, это дает нам спокойствие и безопасность. И, наверное, для меня вот это, как для психолога, важнее темы безопасности, которая дает нам накопление. И это чувство — свобода» («Вам с месячными или без?» — о переходе из молодости в зрелость»)¹¹.

Средний возраст для женщин городского образованного среднего класса — это не просто этап в жизненном курсе, а символически нагруженный и нормативно структурированный период, в котором пересекаются личный опыт, накопленные ресурсы и социальные ожидания. Он становится временем, когда возможно формирование новых социальных норм и пересмотр привычных культурных конвенций. В этом контексте пластичность позволяет женщинам адаптироваться к изменениям, пересматривать как личные, так и общественные ожидания, а агентность — целенаправленно использовать доступные ресурсы для конструирования и реализации собственных жизненных сценариев. Таким образом, средний возраст может становиться форматом рефлексивной переработки биографической траектории — но лишь при наличии определенных структурных условий. Подобная возможность чаще возникает у женщин не только со стабильными доходами и образованием, но и встроены в профессиональные и культурные среды, где подобная переработка поддерживается и нормализуется.

Заключение

Средний возраст женщин среднего класса в современном российском обществе представляет собой сложный феномен, для понимания которого необходимо учитывать классовые и поколенческие особенности. Этот жизненный период характеризуется множеством факторов, включая культурные, социальные и экономические изменения, которые формируют уникальный опыт проживания среднего возраста. Концепции пластичности, агентности и кумулятивного (не)преимущества предоставляют аналитические инструменты для изучения того, как накопленные ресурсы, социальные ожидания не только определяют индивидуальные стратегии, но и формируют восприятие и уникальный опыт проживания представительницами городского образованного среднего класса этого возрастного периода.

¹¹ «Вам с месячными или без?» — о переходе из молодости в зрелость // UV Mave. URL: <https://45plus.mave.digital/ep-1> (дата обращения 15.09.2024).

Анализ подкаста «45+» позволяет рассматривать средний возраст как фазу биографической пластичности, в которой пересборка приоритетов и переосмысление нормативных сценариев становятся частью повседневной рефлексии. Этот этап не имеет фиксированного содержания — он формируется на фоне сдвига возрастных границ, сохранения социальной активности и символической неопределенности: что такое «средний возраст» и какие роли ассоциируются с ним. Именно эта неопределенность и вариативность позиций (от уязвимости до привилегий) создает условия, в которых актуализируются как пластичность — адаптация к нестабильным культурным ориентирам, так и агентность — способность производить различные и поддерживаемые другими жизненные сценарии. При этом разнообразие стратегий — от ухода в телесные практики до смены карьерной идентичности — неслучайно: оно коррелирует с различиями в доступе к ресурсам, признанию и темпоральной автономии. Средний возраст в этом контексте выступает не как стабильная фаза, а как формирующееся поле возможного.

Женщины городского образованного среднего класса обладают необходимыми, в том числе дискурсивными, ресурсами для формирования новых интерпретативных моделей среднего возраста. Их привилегированная позиция позволяет минимизировать негативные последствия собственных возрастных изменений и обеспечивает производство инклюзивной социальной нормы, отражающей многообразие опыта современных женщин. Средний возраст становится для них пространством реализации отложенных проектов, поиска новых профессиональных возможностей и переосмысления предписанных в соответствии с возрастом социальных ролей и ожиданий. В этом контексте опыт женщин среднего класса демонстрирует, как накопленные ресурсы и биографическая рефлексия превращаются в инструменты не только адаптации, но и расширения культурной автономии, позволяющей формировать новые представления о среднем возрасте.

Литература / References

- Кон И. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- Kon I. (1984) *V poiskah sebya. Lichnost i ee samosoznanie* [In Search of Self: Personality and Its Self-Consciousness]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Калхун А. О чем молчат женщины: как кризис среднего возраста влияет на нас и почему это лучшее время для перемен / Пер. с англ. И. Е. Кикиной. М.: Эксмо, 2023.
- Calhoun A. (2023) *O chem molchat zhenshchiny: kak krizis srednego vozrasta vliyaet na nas i pochemu eto luchshee vremya dlya peremen* [Why We Can't Sleep: Women's New Midlife Crisis]. Transl. from Eng. by I. E. Kikina. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Сонтаг С. О Женщинах. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.
- Sontag S. (2024) *O Zhenshchinah* [On Women]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1> EDN: CUNXOL

Chernova Z.V., Shpakovskaya L.L. (2021) Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 12–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

Asier L.A., Luis Miguel P.-E. (2022) Audio Storytelling in Novation in a Digital Age: The Case of Daily News Podcasts in Spain. *Information*. Vol. 13. No. 4. P. 204. DOI: <https://doi.org/10.3390/info13040204>

Baruch G., Brooks-Cunn J. (1984) *Women in Midlife*. New York: Plenum Press.

Braun V., Clarke V. (2021) *Thematic Analysis: A Practical Guide*. London: SAGE Publications.

Brooks-Gunn J., Kirsh B. (1984) Life Events and the Boundaries of Midlife for Women. In: *Women in Midlife*. Boston: Springer. P. 11–30.

Buchmann M.C., Kriesi I. (2011) Transition to Adulthood in Europe. *Annual Review of Sociology*. Vol. 37. No. 1. P. 481–503. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150212>

Calasanti T. (2007) Bodacious Berry, Potency Wood and the Aging Monster: Gender and Age Relations in Anti-Aging Ads. *Social Forces*. Vol. 86. No. 1. P. 335–355. DOI: <https://doi.org/10.1353/sof.2007.0091>

Daly M. (2020) *Gender Inequality and Welfare States in Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788111263>

Dannefer D. (2003) Cumulative Advantage/Disadvantage and the Life Course: Cross-Fertilizing Age and Social Science Theory. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 58. No. 6. P. 327–337. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/58.6.s327>

Demey D., Berrington A., Evandrou M., Falkingham J. (2013) Pathways into Living Alone in Midlife: Diversity and Policy Implications. *Advances in Life Course Research*. Vol. 18. No. 3. P. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2013.02.001>

Dolberg P., Ayalon L. (2018) Subjective Meanings and Identification with Middle Age. *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 87. No. 1. P. 52–76. DOI: <https://doi.org/10.1177/0091415017721932>

Elder G.H. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. In: *Handbook of the Life Course*. Boston: Springer. P. 3–19. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1

Gullette M.M. (1997) *Declining to Decline: Cultural Combat and the Politics of the Midlife*. Charlottesville: University Press of Virginia. DOI: <https://doi.org/10.5860/choice.35-1847>

Gullette M.M. (2004) *Aged by Culture*. Chicago: University of Chicago Press.

Jermyn D. (2016) Pretty Past It? Interrogating the Post-Feminist Makeover of Ageing, Style, and Fashion. *Feminist Media Studies*. Vol. 16. No. 4. P. 573–589. DOI: <https://doi.org/10.1080/14680777.2016.1193371>

Infurna F.J., Gerstorf D., Lachman M.E. (2020) Midlife in the 2020s: Opportunities and Challenges. *American Psychologist*. Vol. 75. No. 4. P. 470–485. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0000591>

Kulkov I., Kulkova J., Rohrbeck R., Menvielle L. (2024) Leveraging Podcasts as Academic Resources: A Seven-step Methodological Guide. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 23. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069241266197>

Mayer K.U. (2004) Whose Lives? How History, Societies, and Institutions Define and Shape Life Courses. *Research in Human Development*. Vol. 1. No. 3. P. 161–187. DOI: https://doi.org/10.1207/s15427617rhd0103_3

Mehta C.M., Arnett J.J., Palmer C.G., Nelson L.J. (2020) Established Adulthood: A New Conception of Ages 30 to 45. *American Psychologist*. Vol. 75. No. 4. P. 431–444. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0000600>

Moen P. (2016) Work Over the Gendered Life Course. *Handbook of the Life Course*. Volume 2. Cham: Springer. P. 249–275. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-20880-0_11

Lachman M. E. (2015) Mind the Gap in the Middle: A Call to Study Midlife. *Research in Human Development*. Vol. 12. No. 3–4. P. 327–334. DOI: <https://doi.org/10.1080/15427609.2015.1068048>

Lachman M. E., Teshale S., Agrigoroaei S. (2015) Midlife as a Pivotal Period in the Life Course: Balancing Growth and Decline at the Crossroads of Youth and Old Age. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 39. No. 1. P. 20–31. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025414533223>

Macmillan R. (2005) The Structure of the Life Course: Classic Issues and Current Controversies. *Advances in Life Course Research*. Vol. 9. P. 3–24. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1040-2608\(04\)09001-X](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(04)09001-X)

Pavolini E., Van Lancker W. (2018) The Matthew Effect in Childcare Use: A Matter of Policies or Preferences? *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. No. 6. P. 878–893. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401108>

Shanahan M. J. (2000) Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 667–692. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.667>

Schmidt S. (2020) *Midlife Crisis: The Feminist Origins of a Chauvinist Cliche*. Chicago: University of Chicago Press.

Staudinger U. M. (2020) The Positive Plasticity of Adult Development: Potential for the 21st Century. *American Psychologist*. Vol. 75. No. 4. 540–553. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0000612>

Tiidenberg K. (2017) Visibly Ageing Femininities: Women's Visual Discourses of Being Over-40 and Over-50 on Instagram. *Feminist Media Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 61–76. DOI: <https://doi.org/10.1080/14680777.2018.1409988>

Toothman E. L., Barrett A. E. (2011) Mapping Midlife: An Examination of Social Factors Shaping Conceptions of the Timing of Middle Age. *Advances in Life Course Research*. Vol. 16. No. 3. P. 99–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.alcr.2011.08.003>

Twigg J. (2004) The Body, Gender, and Age: Feminist Insights in Social Gerontology. *Journal of Aging Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2003.09.001>

Woodward K. (1999) *Figuring Age: Women, Bodies, Generations*. Bloomington: Indiana University Press.

Сведения об авторах:

Чернова Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** [472822](https://elibrary.ru/472822); **ORCID ID:** [0000-0003-3416-5287](https://orcid.org/0000-0003-3416-5287); **ResearcherId:** [O-1945-2013](https://www.researcherid.org/0-1945-2013).

Литвинова Александра Игоревна — старший преподаватель, кафедра цифровых медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** a.litvinova@spbu.ru. **ORCID ID:** [0000-0003-2845-9983](https://orcid.org/0000-0003-2845-9983).

Статья поступила в редакцию: 13.11.2024

Принята к публикации: 03.02.2025

БАК: 5.4.4

The Difficult Age: Exploring Media Representations of Women's Midlife Experiences

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.4

Zhanna V. Chernova Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: chernova30@mail.ru

Alexandra I. Litvinova Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: a.litvinova@spbu.ru

This article analyzes media representations of midlife in women based on a thematic analysis of the podcast “5+: Legends and Myths of Middle Age”. Focusing on the experiences of urban, educated, middle-class women, the authors examine how they renegotiate this life stage amidst the destandardization of life scripts and conflicting cultural expectations. The podcast portrays midlife as a period of reevaluating priorities, adapting to age-related changes, and creating new life projects through plasticity and agency. Particular attention is paid to embodiment and medicalization as tools for self-identification and age management, as well as the role of accumulated resources in shaping positive midlife experiences. The study demonstrates how middle-class women, acting as social innovators, are shaping new cultural norms surrounding midlife and challenging the double standard of aging. The authors highlight the need for further research to understand the diverse experiences of midlife among women from different social groups.

Keywords: lifecourse; middle age; women; media; middle class

Authors Bio:

Zhanna V. Chernova — Doctor of Sociology, Leading Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **RSCI Author ID:** [472822](#); **ORCID ID:** [0000-0003-3416-5287](#); **ResearcherID:** [O-1945-2013](#).

Alexandra I. Litvinova — Senior Lecturer, Department of Digital Media Communications, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** a.litvinova@spbu.ru. **ORCID ID:** [0000-0003-2845-9983](#).

Received: 13.11.2024

Accepted: 03.02.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.5

EDN: LSBBOL

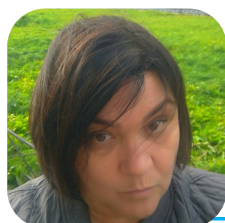
Отношение женщин среднего возраста к концепции успешного старения

Ссылка для цитирования:

Зеликова Ю. А. Отношение женщин среднего возраста к концепции успешного старения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 92–110. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.5> EDN: LSBBOL

For citation:

Zelikova Ju.A. (2025) Attitudes of Middle-Aged Women to the Concept of Successful Aging. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 92–110. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.5>

Зеликова Юлия Александровна

Северо-западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: zelikova-ya@ranepa.ru

Статья посвящена изучению процесса старения в современной России. Старение влияет на жизненные шансы пожилых людей, приводит к потере ресурсов и привилегий. Успешное старение — одно из основных понятий критической геронтологии. Эта концепция была сформулирована для противостояния нарративам о старении как о процессе упадка, снижения, дисфункции, отсутствия возможностей и желаний. Однако в какой степени следование этой концепции действительно способствует снижению страха старения и смягчает негативное отношение к пожилым людям — как со стороны общества в целом, так и со стороны тех, кто активно борется с внешними проявлениями возраста? Возможно ли сопротивление эйджизму хотя бы на теоретическом уровне? Каковы отношения между концепцией успешного старения и эйджизмом? Это основные вопросы данной статьи. Для ответа на них автор проводит глубинные интервью с женщинами среднего возраста из городского образованного класса, с достатком выше среднего, практикующими здоровый образ жизни (правильное питание, спорт и т.д.) и применяющими антивозрастные процедуры для замедления процесса старения (11 женщин в возрасте от 47 до 62 лет). Результаты исследования

показывают, что парадигма успешного старения не снижает страха перед наступлением старости и не уменьшает уровень эйджизма по отношению к пожилым людям. Продление среднего возраста — это не борьба с эйджизмом, а, скорее, капитуляция перед ним.

Ключевые слова: эйджизм; успешное старение; потребительское общество; антиэйдж; средний возраст; возрастные отношения

Введение

Процесс старения человека в современном мире происходит в контексте культуры, в которой тело становится проектом. Над телом работают, его формируют и контролируют [Calasanti, 2003]. Телесные изменения становятся фокусом внимания и самого человека, и тех, кто с ним взаимодействует. Индустрия косметологии, косметической хирургии сегодня располагает широким набором технологий, способных убрать следы старения, и использует разнообразные маркетинговые инструменты, чтобы привлекать клиентов. Противостоять влиянию этой индустрии очень сложно [Homan, Boyatzis, 2003].

В 1969 году Роберт Батлер сформулировал эйджизм как «систематическое стереотипирование и дискриминацию людей только потому, что они стары» [Butler, 1969: 243]. Он определил это явление по аналогии с расизмом и сексизмом. Автор подчеркивал, что несмотря на то, что эйджизм проявляется в стереотипах и предрассудках, он влечет за собой исключаящее поведение, потерю ресурсов и привилегий. Это происходит из-за структуры общества, а не в результате индивидуальной неудачи [Gibson, 1998]. Таким образом, эйджизм — не только предубеждение, но и ограничение жизненных шансов пожилых людей.

Современное общество конструирует старение и старость с помощью тела. Общество приравнивает старость к болезням и упадку. Старость в общественном сознании — это время потерь, а не приобретений, упадка, а не достижений. Если тело не выглядит здоровым, значит, оно немолодое, значит, человек стар, значит, может быть социально исключен [Fagerström, Aarsten, 2013].

Могут ли активный образ жизни и использование достижений косметологии на протяжении всего жизненного пути преодолеть негативные стереотипы, связанные со старением? Возможно ли вообще сопротивление эйджизму? В статье ответы на эти вопросы рассматриваются на эмпирическом и теоретическом уровнях. Теоретически исследование опирается на концепцию успешного старения, которая была разработана как ответ эйджизму. Для оценки того, как теоретические основания концепции успешного старения соотносятся с эйджизмом, было проведено эмпирическое исследование методом глубинных интервью с 11 женщинами в возрасте от 47 до 62 лет, которые на протяжении всего жизненного пути ведут активный образ жизни, регулярно используют современные возможности косметологии и в целом

уделяют большое внимание своей внешности. Все интервью фокусировались на отношении информантов к возрастным изменениям, их восприятию старения собственного тела и особенно их представлениям о том, возможно ли в их случае избежать видимого старения, негативного отношения к себе и лишения тех привилегий, которые они имеют в настоящее время. Также в интервью был включен блок вопросов о том, как сами информантки воспринимают пожилых людей. При помощи этих вопросов предполагалось выяснить, насколько эйджизм присущ людям, которые ежедневно борются с собственным старением. Возможен ли успех в этой борьбе?

Теоретический подход. Успешное старение vs эйджизм

Подобно теориям властных отношений, которые лежат в основе других систем неравенства, обсуждение возрастных отношений также можно начать с того, какие этапы жизненного пути выделяются обществом, какие задачи человек должен решать на разных этапах, какие обязанности выполнять и какое поведение соответствует его возрасту [Quadagno, 2008]. Принадлежность к той или иной возрастной группе способно влиять на самооценку. От возраста зависит включенность в потоки распределения ресурсов и привилегий, что приводит к различиям в материальном положении и неравному доступу к власти. Возрастные отношения — это отношения привилегий и угнетения. Это означает, что одни возрастные группы — те, кто «не стар», — выигрывают за счет других, которых называют «старыми». Те, кому выгодна эта система, рассматривают свою позицию как естественную и несомненную. Напротив, люди, которых считают старыми, теряют власть, даже если они находятся в выигрыше с точки зрения положения в других иерархиях [Ferraro, Schafer, 2008].

Пожилые люди теряют авторитет и автономию потому, что они выглядят недостаточно хорошо, недостаточно молодо и здорово. Например, врачи обращаются с пожилыми пациентами иначе, чем с более молодыми, часто объясняя все проблемы старостью. Пожилые люди испытывают дискриминацию на рынке труда, теряя должности и доходы, потому что работодатели руководствуются видимыми признаками старения, оценивая способности пожилых людей усваивать новые знания, овладевать новыми навыками, выполнять работу. Этот механизм очень похож на расовую дискриминацию: вы видите человека с определенным цветом кожи и делаете вывод, способен ли он к работе, на которую претендует, или нет, достоин он ее или нет [Giles, Reid, 2005].

Невозможность зарабатывать деньги означает, что пожилые люди должны полагаться либо на членов семьи, либо на государство. Экономическая зависимость пожилых людей еще более отчетливо проявляет дискриминационный характер возрастных отношений. Тот, кто воспринимается как старый, подвергается маргинализации и утрачивает власть только потому, что он так

воспринимается. Возрастное неравенство считается естественным, потому что люди усваивают такое отношение к пожилым людям с детства, в процессе социализации. Поэтому люди боятся стареть и переживают свой опыт проживания старшего возраста в условиях глубокого культурного молчания.

Успешное старение — одно из важнейших понятий критической геронтологии [Gilleard, 2013], имеющее широкий спектр применения. Успешное старение существует как теоретическая парадигма, на базе которой разработан разнообразный инструментарий для прикладных измерений состояния здоровья, образа жизни, идеальных моделей борьбы со старением. Эта концепция породила дискурс родственных терминов, таких как продуктивное старение, позитивное старение, оптимальное старение, эффективное старение, независимое старение и здоровое старение [Calasanti, 2015].

Роберт Хавигхерст (1961) дал раннюю формулировку успешного старения. Он оптимистично описал эту концепцию с точки зрения удовлетворенности жизнью [Havighurst, 1961]. Хавигхерст и его сторонники считали, что успешное старение — это и адаптируемая теория, и проверяемый опыт. Более того, эту концепцию можно было применять и к теориям эмансипации, и к теориям активности, которые в то время были конкурирующими моделями осмысления пожилого возраста, возраста выхода на пенсию.

Джон Роуи и Рубен Кан [Rowe, Kahn, 1987; Rowe, Kahn, 1997; Rowe, Kahn, 1998; Rowe, 1997] представили схему, в большей степени ориентированную на состояние здоровья. Согласно этой схеме, успешное старение — понятие, применимое к людям со сниженными рисками хронических заболеваний, сохраняющим функциональность в старшем возрасте. Успешному противопоставляется обычное старение — понятие, применимое не к индивидам с патологиями, но с более высокими рисками хронических заболеваний. Ранняя работа Роуи и Кана приравнивала успешное старение к отсутствию или предотвращению болезней, однако позже они расширили понятие, включив в него когнитивные факторы и факторы образа жизни.

Фактически Роуи и Кан утверждали, что соответствующий образ жизни может привести к успешному старению. Они определили этот образ жизни как предупреждение болезней и инвалидности, поддержание физического и умственного состояния и социальной активности [Rowe, Kahn, 1998]. По словам Роуи, новая геронтология признала, что успешное старение кроме поддержания здоровья требует активного участия в жизни, включая межличностные отношения [Rowe, 1997].

Парадигма успешного старения вызвала критику за то, что основная мера ответственности за состояние здоровья была возложена на индивида, принимающего решения и выбирающего тот или иной образ жизни в процессе жизненного пути [Katz, 2013]. В своей книге “Successful Aging” Роуи и Кан писали, что пожилые люди могут существенно влиять на собственное старение [Rowe, Kahn, 1998]. Успешное старение зависит от индивидуальных выборов и поведения человека на определенном этапе жизненного пути. Человек должен планировать свою старость заранее, работать над тем, чтобы эта старость была успешной, здоровой, социально активной.

Работа Роуи и Кана была направлена на борьбу с мифами о старении, особенно с теми, которые прямо ассоциируют старение с упадком сил, возможностей и способностей. Однако гипотеза о том, что успешное старение — это минимизация ухудшения физического и когнитивного здоровья, а также сохранение социальных связей, нивелирует влияние социальных факторов на успех старения. Эта гипотеза не позволяет определить старость как особый этап жизненного пути, который отличается от среднего возраста. На данном этапе у людей другой доступ к средствам достижения успеха (как бы этот успех ни был определен). При этом само определение успеха — это вопрос социального неравенства [Calasanti, 2003].

В парадигме успешного старения властные отношения, лежащие в основе эйджизма, не подвергаются сомнению [Fagerström, Aarsten, 2013]. Отчасти эти властные отношения происходят из культуры, в которой эйджизм настолько укоренился, что его не всегда можно увидеть. Средний возраст стал стандартом старения, а его сохранение — критерием успеха. Проблема приобретает дополнительное значение в свете акцента на индивидуальном выборе образа жизни в парадигме успешного старения. Подразумевается, что если человек несет ответственность за свой успех, то старость, которая случается с тем, кто не достигнет успеха, т.е. не сможет сохранить здоровье, красоту и связанное с этим отношение, является оправданной и заслуженной.

В исследовании анализируется, насколько практики продления среднего возраста, практики сохранения здоровья и внешнего вида могут создавать позитивный дискурс вокруг старения, противостоять представлению о старости как периоде упадка и болезней, а также снижать страх старения. Данные исследования позволили также рассмотреть теоретический вопрос о том, в каких отношениях оказывается концепция успешного старения с эйджизмом.

Методология исследования

Эмпирическая часть данного исследования фокусировалась на группе людей среднего возраста. Этот выбор был сделан по нескольким причинам. Во-первых, средний возраст часто рассматривается как период относительно привилегированного статуса. Конечно, это зависит от многих пересекающихся статусов (образования, места проживания, здоровья и т.д.), но в целом средний возраст — это привилегия. В этот период жизни люди имеют лучший заработок по сравнению с тем, что было в более молодом возрасте и будет в более пожилом. К данному периоду жизни решены многие материальные проблемы (выплачена ипотека, оплачено обучение детей и т.д.). У людей среднего возраста достаточно авторитета, опыта и социальных связей для решения самых разнообразных жизненных вопросов. При этом люди среднего возраста еще не испытывают последствий возрастной дискриминации.

Однако — и это вторая причина для фокуса на среднем возрасте — телесные изменения, связанные со старением, уже становятся видимыми [Laz, 2003]. Люди среднего возраста отмечают эти изменения и идентифицируют

их как старение. Старость начинает актуализироваться, осмысляться и приобретает особое значение. Начинается поиск средств, которые помогут сохранить здоровье, внешность, скрыть возраст, отодвинуть старость. Понятие успешного старения становится особенно актуальным.

В исследовании принимали участие 11 женщин среднего возраста с высшим образованием, с доходом выше среднего, проживающие в Санкт-Петербурге. Выбор в пользу женщин был сделан потому, что мужчины и женщины по-разному стареют и переживают последствия старения. Женщины в пожилом возрасте испытывают особое давление из-за двойных стандартов в отношении стареющих мужчин и женщин [Sontag, 1972]. Возраст уничтожает традиционный источник женской власти и силы, тогда как мужчины имеют возможность компенсировать изменения, связанные с возрастом, увеличением социального и материального статуса. Это не значит, что эйджизм не имеет негативного влияния на мужчин, но женщины в процессе старения испытывают двойное негативное давление. Пожилые женщины становятся социально невидимы [Tomczyk, Klimczuk, 2019]. На них не обращают внимания мужчины, они не находят отражения своей жизни в рекламных образах или в СМИ, они лишены власти и авторитета.

В отличие от мужчин, женщины всех возрастов исторически определяются через культурную призму, которая представляет собой довольно узкий диапазон приемлемых образов. В результате женщины больше, чем мужчины, озабочены своей внешностью. Это не значит, что внешность не имеет значения для мужчин, но она не так важна, как для женщин. Мужчины социализированы так, чтобы воспринимать свое тело с точки зрения функциональности, а женщины — с точки зрения эстетики [Hess, Hinson, Statham, 2004]. Соответственно, мужчины и женщины по-разному используют свою внешность для повышения самооценности. Женщины всех возрастов не только больше, чем мужчины, озабочены внешним видом, но и чаще недовольны образом своего тела, особенно весом и фигурой. Именно поэтому в данном исследовании фокус был сделан на женщинах.

Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью. В качестве информанток отбирались женщины, которые ведут здоровый образ жизни, регулярно занимаются спортом, пользуются антивозрастными услугами косметологов (применяют инъекционные технологии, используют аппаратную косметологию, массаж, лазерную шлифовку и т.д.). Эти практики, как правило, применяются для сохранения здоровья, улучшения внешнего вида и предотвращения последствий старения. Они подразумевают внимательное отношение к здоровью и внешности, что предусмотрено концепцией успешного старения. Таким образом, фокусирование на женщинах, которые используют anti-age практики, позволит проверить предположение, что успешное старение способно уменьшить давление эйджизма. В условиях эйджизма дискриминация происходит по принципу: если человек выглядит старым, значит он — старый, и он может быть дискриминирован. Но что происходит, если женщина среднего возраста не выглядит старой? Спасает ли забота о своей внешности от проявлений эйджизма со стороны общества?

Снижает ли успех в сохранении здоровья и красоты эйджистские установки самих информанток?

Во время рекрутинга информантки подтверждали, что их основной целью использования практик ЗОЖ и антивозрастных процедур является желание приостановить процессы старения. В ходе интервью обсуждались темы эффективности этих практик, осведомленности о возможностях антивозрастной индустрии, возрастные изменения, мысли информанток о старении и эйджизме и их предположение, смогут ли они избежать эйджизма.

Выборка была направленной (интервьюировались только женщины, практикующие ЗОЖ и антивозрастные процедуры) и относительно привилегированной. Все информанты имеют высшее образование, хороший доход, являются профессионалами с успешной карьерой. Все оценивают свое здоровье как хорошее (иногда отличное) или без серьезных нарушений. Акцент на привилегированной группе женщин среднего возраста был сделан для того, чтобы исключить негативные воздействия старения, связанные с отсутствием материальных средств, слабой осведомленностью о возможностях anti-age медицины и косметологии или плохим здоровьем.

Для анализа интервью использовалась методика интерактивного кодирования, описанная в книге "Qualitative data analysis: An expanded sourcebook" [Miles, Huberman, 1994]. Она предполагает открытое кодирование, которое разработано по аналогии с методом обоснованной теории (grounded theory) [Strauss, 1987]. В отдельный список вносятся коды первого уровня, которые представляют собой ответы информанта на вопрос интервьюера. Например, какие слова и образы используются при ответе на вопрос об оценке своего физического состояния, о том, что информант делает для сохранения внешнего вида, как оценивает свои достижения в этом вопросе.

После завершения первого этапа с помощью интерактивного кодирования конструировались коды более высокого уровня. Эти коды описывали связь между кодами первого уровня и темами, возникшими в ходе ответа информанта на вопросы интервью. Например, в ответах на вопрос о физическом состоянии возникла тема самооценки, т.е. обсуждение того, что дает информантке основание считать, что она выглядит достаточно молодо, что она в хорошей физической форме. Или в процессе обсуждения вопроса об отношении к пожилым людям возникла тема вины и ответственности пожилого человека, а также неуверенности в собственных результатах в борьбе со старением.

Темы, возникшие в ходе интервью, стали единицами анализа. Сначала формулировались вопросы, на которые важно было получить ответы (эти вопросы не задавались в ходе интервью). Далее на основе всего сказанного реконструировались ответы на возникшие вопросы. Так, например, в теме о самооценке возникли вопросы о том, кто является референтом молодости (человеком, который подтверждает успехи в сохранении молодости), чьими глазами информантки смотрят на себя в зеркало. На эти вопросы нет прямых ответов в интервью. Но их можно реконструировать из разных ответов,

которые прозвучали в ответах на другие вопросы. В этом и состоит техника интерактивного кодирования.

Анализ выявленных тем, формулирование вопросов и реконструирование ответов помогли увидеть связь между отдельными темами, позволили систематизировать данные и увидеть влияние жизненного пути на то, как женщина стареет, как она воспринимает старение и как видит собственную старость.

Индивидуальная ответственность за собственное старение

Все участницы исследования отмечали важность поддержания здорового и активного образа жизни в процессе старения. Все говорили о необходимости физических нагрузок и проявляли компетентность в вопросах питания и в том, как оно должно меняться с увеличением возраста. Однако в процессе обсуждения достижений рано или поздно появлялась мысль, что не все находится под нашим контролем. В рассуждениях возникали темы генетики, условий, в которых человек вырос, материальных возможностей и того, как человек жил в детстве и в молодости. Таким образом, может быть, до конца не осознавая этого, информантки говорили о том, что успешное старение — это некая привилегия. Оно не всем доступно. Но тем не менее собственные усилия, приложенные для сохранения физической формы, информантки всегда подчеркивали:

«Мое худощавое сложение всегда давало мне преимущество. Сейчас эти преимущества особенно очевидны, и я чувствую зависть... [к себе] Мне говорят, что ты же никогда не была толстой, тебе никогда не надо было худеть. Но я всю жизнь следила за тем, что я ем» (61 год).

«Косметолог, к которому я хожу уже лет 30, недавно мне сказала, что я просто богом поцелована: очень хорошая генетика. А мои заслуги? То, что я бегаю каждое утро с 20 лет, — это что, не считается?» (57 лет).

Приведенные примеры показывают, что меры anti-age, предпринимаемые информантками, социально направлены. Женщины хотят видеть от окружающих признание собственных усилий. Они ждут комплементов. Для них ценно восхищение не просто их внешностью, но и их силой воли, целеустремленностью, организованностью и терпением. Хорошо выглядеть — это не просто генетика, это работа. И она должна быть оценена. Слово «работа» встречается в самих интервью, например, когда разговор заходит о правильном питании («думать об этом, готовить здоровую пищу заранее — это работа»):

«Люди с детства курят и пьют, а потом говорят, что они плохо выглядят, потому что у них такая генетика. Генетику можно корректировать. Надо просто взять себя в руки, работать... Организм восстанавливается, генетика улучшается» (47 лет).

В интервью часто встречается тема уверенности в могуществе современных методов омоложения и некоторого презрения к тем, кто не использует эти возможности. Видна логическая связь: ты плохо выглядишь, значит, ты ленишься или ты некомпетентен. Все это выглядит как подсознательное оправдание эйджизма, т.е. «сами виноваты»:

«Сейчас все можно сделать. Я смотрю на некоторых известных людей и думаю: ну почему ты выглядишь как говно? С твоими-то деньгами» (54 года).

Для людей в привилегированном положении внешность — это не вопрос генетики, это вопрос желания или нежелания заниматься собой, тратить на себя деньги и время. Люди, не следящие за своей внешностью, по мнению информанток, достойны осуждения.

Забота о своей внешности в современном обществе стала моральным императивом. Молодое подтянутое тело, отсутствие морщин и седины символизируют самоконтроль и силу воли, а избыточный вес говорит о лени и отсутствии контроля. Все чаще с увеличением возраста людям навязывается обязанность дисциплинировать тело с помощью диеты и физических упражнений. В рамках этой идеологии старение рассматривается как болезнь, которую можно устранить, если человек стремится «правильно стареть». Таким образом, информанты демонстрировали приверженность идеям концепции успешного старения. До интервью они не слышали этого словосочетания, но понятия активного старения и здорового старения им были знакомы.

Значимые другие для женщин среднего возраста

Несмотря на то, что все информантки производили впечатление очень уверенных в себе женщин, в их нарративах постоянно появлялась тема необходимости подтверждения того, что у них все хорошо, что они прекрасно выглядят, что старость еще далеко. И эти подтверждения должны быть внешними (сами себя убедить в этом они не могли) и исходить от «значимых других». Анализ интервью позволил реконструировать, кто в данном вопросе является значимым другим для привилегированных женщин среднего возраста, что позволяет им повысить свою самооценку, как происходит процесс противопоставления себя тем, кто менее успешен.

Наиболее важными другими являются люди, которые моложе, причем значительно. Конечно, лучше, если это будут молодые мужчины, но мнение молодых женщин тоже очень важно. Следует отметить, что в интервью не было вопроса на эту тему. Но, рассказывая про себя, женщины часто упоминали ситуации, когда их возраст определяли на 10–20 лет меньше, чем на самом деле. Причем исходило это от людей существенно младше их. То, как люди более старшего возраста оценивали возраст информанток, было для них гораздо менее значимым.

Важным нарративом в теме признания успеха в том, том, как они выглядят, был разговор о сексуальном внимании со стороны мужчин. Но не любых, а мужчин либо статусных, либо намного моложе. И, конечно, очень важно, чтобы молодой мужчина не мог определить их возраст:

«Мужчины-ровесники меня раздражают, я не могу с ними, не знакомлюсь. В барах я обычно с подружками, они меня на 10–12 лет моложе, как правило. И если с нами знакомятся мужчины, они меня не выделяют, они думают, что я такая же по возрасту. И это мужчины лет на 10 моложе сами. И тут главное в разговоре — не называть никаких цифр, дат, особенно возраст детей. Меня подруга неожиданно спросила, и я сказала машинально, что Ване 25 лет скоро. У мужика просто глаза на лоб полезли. До этого я говорила ему, что мне 43 года, и он поверил» (53 года).

Одно интервью содержит рассказ об удачном знакомстве (это знакомство закончилось браком) с русским мужчиной, живущим в Германии. Во время общения мужчина никогда не спрашивал про возраст женщины и вообще ничего не говорил на эту тему, пока ему не понадобился ее паспорт, чтобы купить билет в Германию. Речь уже шла о свадьбе:

«...я послала ему копию паспорта, и он пишет: „Мы что, ровесники? Я думал, ты младше“. У меня просто сердце остановилось... Потом пропал на несколько дней, я думала, что все... Очень испугалась...» (48 лет).

Эта история показывает, что, во-первых, для следящей за своей внешностью женщины само собой разумеется, что она выглядит намного младше, и именно поэтому и даже только поэтому она привлекательна для мужчины. А во-вторых, она уверена, что ее возраст для мужчины настолько важен, что он готов отказаться от желания жениться на ней только потому, что ей столько же лет, сколько и ему. То есть вопрос внешности для женщин, которые много в нее инвестируют, настолько важен, что оценивается в первую очередь, отодвигая другие вопросы взаимоотношений на второй план.

Наша визуально-ориентированная культура изобилует «наркоманами внешнего вида», а социальный капитал, приписываемый опыту и зрелости, снижается. Слово «старый» ассоциируется со всем тем, что общество не ценит, — медлительностью, тусклостью, непривлекательностью, бездеятельностью, а не с мудростью, жизненным опытом, навыками коммуникации, пониманием и принятием. Поэтому стратегией женщин среднего возраста является использование своего привилегированного положения для сохранения молодой внешности, которая сама по себе является дополнительной привилегией.

Как показывают интервью, очень существенно повышают самооценку (и одновременно вызывают страх) встречи с одноклассниками или однокурсниками

спустя много лет после последней встречи. С одной стороны, информанты говорили о том, что имели возможность убедиться, что они хорошо выглядят, намного моложе большинства. А с другой — встреча с ровесниками напоминает о собственном возрасте:

«Все такие старые, никого не узнать. Невозможно поверить, что эти деды, что им столько же лет, как мне... Сразу подумала, что я тоже такая на самом деле, просто я сама себя не воспринимаю» (60 лет).

Удивительно, что достижения в спорте и физических упражнениях не обсуждались информантами как подтверждение собственной молодости. Даже опыт участия в марафонах (а среди информантов были и такие) не рефлексировался как доказательство того, что они еще молоды. Более того, в одном интервью, рассказывая про встречу с однокурсниками, информантка упомянула свою бывшую подругу:

«Она бежит даже марафоны, но выглядит... Даже не знаю, как сказать. Ну, старая баба, одним словом» (58 лет).

Неуверенность и напряженность в нарративах о возможности контролировать свою внешность в будущем

Разговор с информантками о практиках здорового образа жизни и антивозрастных процедурах сопровождался оптимизмом и верой в контроль над собственной внешностью. Общий тон интервью начинал меняться, когда формулировался вопрос о том, замечают ли информантки изменения в своем теле и в своей внешности. Как правило, женщины старались уйти от ответа, ссылаясь на то, что не способны сами оценить эти изменения, приводили оценки других. Кроме того, в нарративах через прямые оценки или косвенные комментарии высказывались сомнения в том, что они всегда смогут контролировать свое физическое состояние. Это был разговор не о снижении возможностей или упадке сил, а о том, что привычные некогда физические нагрузки или действия, связанные с риском, давно не практиковались и вряд ли когда-нибудь будут:

«Я поднималась на Эльбрус, в Непале по горам ходили... 8 лет назад поднималась на Килиманджаро. Не знаю... Пока больше не пробовала» (53 года).

«Когда-то машины на улице останавливались. Сейчас это трудно представить...» (55 лет).

«В 45 лет я бежала марафон в Париже. Специально все спланировала. Ну, потом коронавирус, война... Не бегала больше» (51 год).

Никто прямо не говорит, что утратил способность делать то, что делал раньше. Просто не было возможности, просто так получилось, просто этого больше не надо. Речь не идет о старении. Однако неуверенность в том, что повторение возможно, звучит в каждой фразе.

Еще больше сомнений появлялось, когда информантам задавались вопросы, как они представляют себя в 75 лет: как они будут выглядеть, что будут делать, готовы ли они к этому возрасту. В ответах появлялись напряженность и даже страх, а уверенность в том, что все возможно и все зависит только от нас, существенно снижалась. Кто-то скрывал свой страх за словами, что в 75 лет уже неважно, как выглядишь: *«уже можно куда-то уехать и жить на море»*. Кто-то ссыался на опыт своих родителей и говорил, что *«моей маме 75 лет, и все удивляются...»*. Однако общим для информанток является представление о том, что к 75 годам скорее всего их жизнь изменится принципиально. Никто из них не смог предложить привлекательный для себя образ старости. Даже в ответ на вопрос об эффективности современной косметологии и ее постоянном развитии информантка отметила:

«Моя косметолог новая — у нее ни одной морщинки, ни одной брыльки... Но на нее смотришь и понимаешь, что ей много лет, не знаю сколько даже, но много» (61 год).

Только одна информантка грустно сказала:

«Иногда я думаю, что надо перестать думать об этом. Просто жить спокойно — и все. Хватит хлестать дохлую лошадь. Надо перестать делать вид, что старости нет» (60 лет).

Женщины среднего возраста лучше, чем молодые женщины, понимают ограниченность своего ресурса и последствия его утраты. Поэтому любые разговоры о старости вызывают тревогу. Старость пугает отсутствием хорошего сценария и четкого плана действий. Осознание неизбежности приводит к смирению с тем, что рано или поздно старость наступит. Возможно, это будет красивая старость, но эйджизм от этого не уменьшится.

Возрастные изменения и эйджизм

Несмотря на веру в то, что косметология и здоровый образ жизни способны творить чудеса, несмотря на индивидуальные усилия и собственные достижения в замедлении проявлений старения, информанты выражали обеспокоенность тем, что их возможности контролировать процесс старения

ограниченны. Их опасения демонстрировали страх перед старостью и эйд-жизм. Более того, информанты в возрасте 55+ говорили, что уже чувствуют, как теряют какие-то привилегии из-за возраста.

Очевидно, опасения имеют гендерный характер. Страх женщин перед старением обусловлен снижением привлекательности, особенно сексуальной, которая была источником их статуса в более молодом возрасте [Hurd, 2011]. Многие исследования показывают, что жены часто интерпретируют ослабление сексуальной активности своих мужей как свидетельство снижения их привлекательности [Lodge, Umberson, 2012]. Возможно, именно этим объясняется такая зависимость от внимания со стороны молодых мужчин, которая проявляется в интервью. Если молодой мужчина хочет познакомиться, хочет отношений, значит, он хочет секса, значит, он находит женщину сексуально привлекательной. Отсутствие мужского внимания говорит об отсутствии сексуальности, т.е. о старости. В результатах анализа интервью можно увидеть, что снижение сексуальной привлекательности — это и есть их определение старости. И это ничем не отличается от определения эйджизма, которое дал Батлер.

Кроме влияния возраста на сексуальную привлекательность, информанты говорили о том, как возраст влияет на их карьеру:

«Мне никто ничего не говорит, и ко мне все хорошо относятся, но я знаю, что никакого повышения у меня больше не будет. И это проблема возраста. Все, кто выше по должности, все младше меня» (59 лет).

В теме старения появляется нарратив невидимости. Информантки в возрасте от 47 до 62 лет говорят о том, что иногда чувствуют себя невидимыми: для мужчин, для мужей, для руководства, для коллег и даже для детей. И становится понятным, почему в интервью такое большое значение отводится тому, чтобы именно выглядеть моложе, а не иметь хорошее здоровье. Если человека можно идентифицировать как старого, то включаются механизмы эйджизма, и все достижения в борьбе с морщинами, лишним весом, все спортивные успехи обесцениваются. Потому что старый человек (с морщинами или без морщин) постоянно находится в уязвимом положении.

Опасения респондентов по поводу старения отражали типичный дискурс болезней и упадка — те самые идеи о физических и умственных потерях, которые успешное старение старается вытеснить. Дискуссия об успешном старении показала, что информанты приравнивают успешное старение к тому, чтобы как можно дольше сохранять внешность, которая позволит классифицировать их как представителей среднего возраста. Они готовы были обсуждать стратегии предотвращения старости, использования новых косметологических процедур, продуктов, упражнений. Однако каждый раз разговор упирался в то, что можно убрать лет 10, но «когда тебе 75 — это уже не имеет значения» (59 лет).

Следует отметить, что в разговорах о пожилых людях информанты сами проявляли эйджизм, отказывая пожилым в сексуальности, в желаниях, достижениях, привлекательности, способности развиваться:

«Моей маме 78 лет. Она хорошо выглядит. Но она тратит кучу денег на всякие нити и ерунду. Она опять потратила 50 тысяч... Цвет лица это улучшает... Мама, тебе 78 лет, какой цвет лица?» (55 лет).

«85 лет... Уже бы сидела себе спокойно на даче. То в бассейн ей надо, то еще куда-то... В Беларусь собралась... Деменция просто» (61 год).

Информанты боятся старения. Они еще не придумали, что будут делать, когда этот период настанет. Они говорят о том, что еще не видели никого, кто хотел бы стареть, не видели, на кого бы они хотели быть похожими в старости. Все примеры, которые их вдохновляют, это примеры людей, которые в пожилом возрасте живут так же, как они жили в среднем возрасте: продолжают работать, путешествуют, хорошо одеваются, меняют квартиры, строят дачи и т.д. Что интересно, внешность в этих примерах не актуализируется:

«У меня есть подруга, ей 70 лет. Она в 65 лет получила права и купила машину, в 67 лет продала квартиру и купила таунхаус, в 68 лет она открыла свой небольшой бизнес, продолжая работать там же, где и работала... И в 70 лет ей вдруг поперло на работе. Ей предложили должность. Раньше мечтать было нельзя» (59 лет).

Средний возраст остается ценным стандартом и статусом, стремление к успешному старению приравнивается к тому, чтобы его продлевать. Но как сохранение этого статуса связано с телесными практиками здорового образа жизни и с антивозрастными процедурами?

Анализ интервью позволяет реконструировать логику успешного старения с точки зрения привилегированной группы среднего возраста. В современном обществе старение стигматизируется. Одна из стратегий избежать стигматизации — скрывать свой возраст и выдавать себя за более молодого человека. Это специальная стратегия противостояния предрассудкам и приобретения власти и статуса. В среднем возрасте она дает дополнительные преимущества, связанные с молодой внешностью. А в пожилом возрасте — позволяет сохранить преимущества среднего возраста. Если человека не воспринимают как пожилого, не идентифицируют как пожилого, то ему позволено и вести себя как «непожилому» человеку.

Складывается парадоксальная ситуация. Старение одновременно воспринимается как то, что находится под контролем людей и вне их контроля. Все понимают, что реалии старения можно отложить, но нельзя избежать. Все понимают, что рано или поздно старение наступит. Это порождает страх,

враждебность и желание дистанцироваться. То есть успешное старение — это то, что поддерживает эйджизм, а не преодолевает его, то, что утверждает невыгодное положение пожилых людей.

Дискуссия

С одной стороны, все информанты, принимающие участие в данном исследовании, были согласны с тем, что идея успешного старения (они не знали этого термина, но хорошо понимали саму идею) дает возможность более позитивного дискурса в отношении старости. И то, что они уделяют так много внимания, сил и средств ЗОЖ и антивозрастным процедурам — это стремление к успешному старению. С другой — все их усилия в этом направлении не смогли уменьшить ни их собственного страха перед старением, так как они понимают свою неспособность контролировать старение, ни собственного эйджизма из-за нежелания признать право на старение.

Вместо того, чтобы вытеснить риторику о болезнях и упадке в пожилом возрасте из дискурса о старении, концепция успешного старения просто добавила еще один дискурс — о том, как стареть «правильно». В результате пожилые люди разделились на тех, кто стареет «успешно», и тех, кто делает это «неуспешно». Неуспешно стареющие — те, кто выглядят старыми, не вовлечены в социальную жизнь, имеют какие-то нарушения здоровья. При этом вина за неуспешность лежит на самих пожилых людях. К похожим выводам пришли в своих исследованиях другие ученые [Katz, Calasanti, 2015; Lodge, Umberson 2012].

Данное исследование также показало, что стремление контролировать и регулировать собственное старение имеет два важных последствия. Во-первых, это дополнительное бремя, с которым люди сталкиваются с возрастом. Они прилагают большие усилия, чтобы не стареть, чтобы выглядеть моложе. С возрастом это отнимает все больше времени и средств и одновременно все больше кажется бесполезным. Люди понимают, что эту войну им не выиграть. Исследование Сары Лэмб [Lamb, 2014] дало аналогичные результаты. Она анализировала богатых людей в возрасте от 62 до 100 лет. Те, кто решил, что может контролировать старение на индивидуальном уровне, воспринимали появление физического упадка как личную неудачу.

Во-вторых, концентрация на индивидуальном контроле над старением оправдывает эйджизм. Если можно избежать болезней, поддерживать физическое и умственное функционирование и оставаться социально вовлеченным, то для тех, кто этого не делает, исключение и стигматизация оправданны. И с этой точки зрения дискурс о неизбежном упадке и снижении в процессе старения выглядит более предпочтительно, чем дискурс вины за неуспешное старение. Если старение естественно, то никто не должен испытывать вину за то, что постарел. Но если старение больше не является природным процессом или результатом генетики, если полезное питание, спортивные занятия и антивозрастные услуги воспринимаются всемогущими, то старение превращается в личную неудачу.

Кроме этого, акцент на индивидуальной ответственности скрывает социальные основы как эйджизма, так и социального неравенства, которые определяют доступ к ресурсам, которые могут влиять на процесс старения. Исследование показывает, что нарратив об упадке можно пытаться опровергать, но это плохо получается. Наоборот, бремя отрицания ложится на плечи отдельных людей. Моя выборка мала и является привилегированной. Но от этого эйджизм людей, которые принимали участие в исследовании, их страх перед старением, который звучит в интервью, кажутся еще более впечатляющими.

Заключение

Результаты данного исследования основаны на небольшой выборке и не подлежат обобщению. Но оно показывает, как люди среднего возраста могут относиться к старости, находясь в относительно привилегированных условиях как в социальном плане, так и в отношении возраста. Это исследование направлено на то, чтобы показать ограничения концепции Роуи и Кана и невозможность модели успешного старения противостоять эйджизму. Кроме этого, исследование дает эмпирические подтверждения опасениям некоторых исследователей, считающих, что успешное старение укрепляет стандарт среднего возраста: чтобы не стареть, надо продлевать его как можно дольше [Dillaway, Byrnes 2009; Holstein, Minkler 2003].

Результаты данного исследования ни в коем случае не подвергают сомнению пользу здорового образа жизни. Они только показывают непреднамеренные последствия концепции успешного старения, которые заключаются в усилении эйджизма и увеличении бремени для людей в ситуации, когда они не хотят, чтобы их называли старыми. Концентрация внимания на индивидуальном образе жизни и личном выборе человека не меняет возрастные отношения. Концепт успешного старения не подвергает сомнению, что в пожилом возрасте тела слабеют, когнитивные способности снижаются, социальные контакты сокращаются. В этой парадигме не осмысливается отличие пожилого возраста от нормативных стандартов среднего возраста. Цель успешного старения состоит в том, чтобы показать, что пожилые люди (стигматизированная группа) на самом деле не сильно отличаются от более молодых групп и, следовательно, достойны такого же отношения.

Проблема, однако, в том, что пожилые люди все же отличаются от других возрастных категорий. Их тела стареют, их социальное окружение сокращается, потому что родственники и друзья умирают. Такова особенность этого этапа жизненного пути. Но это не значит, что пожилые люди в чем-то неуспешны. Концепция успешного старения Роуи и Кана неудачна, так как не рассматривает социальную природу эйджизма. На других этапах жизненного пути не возникает вопроса о том, что человек должен быть как-то дискриминирован из-за того, что с его телом происходят какие-то изменения и он теряет способность делать то, что он делал раньше. Без изменения негативных представлений о физических изменениях в пожилом возрасте ни одна идея о снижении эйджизма не будет работать.

Литература / References

- Butler R. (1969) Age-ism: Another Form of Bigotry. *The Gerontologist*. Vol. 9. No. 4. P. 243–246. DOI: https://doi.org/10.1093/geront/9.4_part_1.243
- Calasanti T. (2003) Theorizing Age Relations. In: S. Biggs, A. Lowenstein, J. Hendricks (eds.) *The Need for Theory: Critical Approaches to Social Gerontology for the 21st Century*. Amityville: Baywood. P. 199–218.
- Calasanti T. (2015) Combating Ageism: How Successful Is Successful Aging? *The Gerontologist*. Vol. 56. No. 6. P. 1093–1101. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnv076>
- Dillaway H.E., Byrnes M. (2009) Reconsidering Successful Aging: A Call for Renewed and Expanded Academic Critiques and Conceptualizations. *Journal of Applied Gerontology*. Vol. 28. No. 6. P. 702–722. DOI: <https://doi.org/10.1177/0733464809333882>
- Fagerström J., Aarsten M. (2013) Successful Ageing and Its Relationship to Contemporary Norms: A Critical Look at the Call to "Age Well". *Recherches Sociologiques et Anthropologiques*. Vol. 44. P. 51–73. DOI: <https://doi.org/10.4000/rsa.918>
- Ferraro K.F., Schafer M.H. (2008) Gerontology's Greatest Hits. *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 63. No. 1. P. 3–6. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/63.1.53>
- Gibson D. (1998) *Aged Care: Old Policies, New Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Giles H., Reid S.A. (2005) Ageism across the Lifespan: Towards a Self-categorization Model of Ageing. *Journal of Social Issues*. Vol. 61. No. 2. P. 389–404. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00412.x>
- Gilleard C. (2013) Renaissance Treatises on "Successful Aging". *Ageing & Society*. Vol. 33. No. 2. P. 189–215. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X11001127>
- Havighurst R.J. (1961) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 1. No. 1. P. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>
- Hess T.M., Hinson J.T., Statham J.A. (2004) Explicit and Implicit Stereotype Activation Effects on Memory: Do Age and Awareness Moderate the Impact of Priming? *Psychology and Aging*. Vol. 19. No. 3. P. 495–505. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0882-7974.19.3.495>
- Holstein M.B., Minkler M. (2003) Self, Society, and the "New Gerontology". *The Gerontologist*. Vol. 43. No. 6. P. 787–796. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/43.6.787>
- Homan K.J., Boyatzis C.J. (2009) Body Image in Older Adults: Links with Religion and Gender. *Journal of Adult Development*. Vol. 16. No. 4. P. 230–238. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10804-009-9069-8>
- Hurd C.L. (2011) *Facing Age: Women Growing Older in Antiaging Culture*. Lanham: Rowman & Littlefield
- Kahn R.L. (2002) Guest Editorial: On "Successful Aging and Well-Being: Self-Rated Compared with Rowe and Kahn". *The Gerontologist*. Vol. 42. No. 6. P. 725–726. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/geront/42.6.725>
- Katz S., Calasanti T. (2015) Critical Perspectives on Successful Aging: Does It "Appeal More than It Illuminates"? *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 1. P. 26–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/geront/gnu027>
- Lamb S. (2014) Permanent Personhood or Meaningful Decline? Toward a Critical Anthropology of Successful Aging. *Journal of Aging Studies*. Vol. 29. P. 41–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaging.2013.12.006>
- Laz C. (2003) Age Embodied. *Journal of Aging Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 503–519. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0890-4065\(03\)00066-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0890-4065(03)00066-5)
- Lodge A.C., Umberson D. (2012) All Shook Up: Sexuality of Mid Later Life Married Couples. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 74. No. 3. P. 428–443. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1741-3737.2012.00969.x>
- Miles M.B., Huberman M. (1994) *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook*. Thousand Oaks: Sage.

- Quadagno J. (2014) *Aging and the Life Course* (6th ed.). New York: McGraw-Hill.
- Rowe J.W. (1997) The New Gerontology. *Science*. Vol. 278. P. 367. DOI: <http://dx.doi.org/10.1126/science.278.5337.367>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1987) Human Aging: Usual and Successful. *Science*. Vol. 237. P. 143–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.1126/science.3299702>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*. Vol. 37. No. 4. P. 433–440. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/geront/37.4.433>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1998) *Successful Aging*. New York: Random House.
- Sontag S. (1972) The Double Standard of Ageing. In: V. Carver, P. Liddiard (eds.) *An Ageing Population*. Milton Keynes: Open University. P. 72–80.
- Strauss A. L. (1987) *Qualitative Analysis for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tomczyk L., Klimczuk A. (2019) *Between Successful and Unsuccessful Ageing: Selected Aspects and Contexts*. Crakow: Pedagogical University of Cracow. DOI: <http://dx.doi.org/10.24917/9788395373718>

Сведения об авторе:

Зеликова Юлия Александровна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра сравнительных политических исследований, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: zelikova-ya@ranepa.ru. PИHЦ Author ID: 326589; ORCID ID: 0000-0002-1603-6652; ResearcherID: ABA-9175-2020.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2024

Принята к публикации: 05.02.2025

BAK: 5.4.4

Attitudes of Middle-Aged Women to the Concept of Successful Aging

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.5

Julia A. Zelikova

North-West Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg, Russia
E-mail: kmakarova@eu.spb.ru

The article is devoted to the study of the aging process in Russia, which takes place in the conditions of consumer society and ageism. These conditions affect the life opportunities of the elderly, leading to the loss of resources and privileges. The article considers the possibilities of the concept of successful aging to counteract ageism and improve the quality of life of the elderly. Successful aging is one of the main concepts of critical gerontology. The concept has been formulated to counter narratives of aging as a process of decline, dysfunction, lack of opportunities and lack

of desires. However, the question arises to what extent this concept reduces the fear of aging and can counter negative attitudes towards the elderly. This is the main research question of this article. To answer it, the author conducts in-depth interviews with middle-aged informants from the urban educated class, with above-average income, practicing a healthy lifestyle (proper nutrition, sports, etc.), using anti-aging procedures to slow down the aging process (11 women aged 47 to 61). The results of the study show that the paradigm of successful aging does not reduce the fear of old age, nor does it reduce ageism toward older adults. Extending middle age is not a fight against ageism, but rather a capitulation to it.

Keywords: ageism; successful aging; consumer society; anti-age; middle age; age relations

Author Bio:

Julia A. Zelikova — Candidate of Sociology, Assistant Professor, Department of Comparative Political Studies, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** zelikova-ya@ranepa.ru. **RSCI Author ID:** 326589; **ORCID ID:** 0000-0002-1603-6652; **ResearcherID:** ABA-9175-2020.

Received: 10.12.2024

Accepted: 05.02.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.6
EDN: QJDNKU

Антивозрастная косметология в старшем возрасте и сценарии старения российских женщин в перспективе жизненного пути

Ссылка для цитирования:

Макарова К. А. Антивозрастная косметология в старшем возрасте и сценарии старения российских женщин в перспективе жизненного пути // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 111–129. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.6> EDN: QJDNKU

For citation:

Makarova K. A. (2025) Anti-age Cosmetology in Older Age and Aging Scenarios of Russian Women in the Perspective of the Life Course. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 111–129. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.6>

Макарова Карина Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kmakarova@eu.spb.ru

Статья посвящена изучению сценариев старения женщин, регулярно прибегающих к практикам применения антивозрастной косметологии, в современном российском мегаполисе. В теоретическом плане статья ориентирована на развитие сценарного подхода и исследовательского дебата о диверсификации способов проживания старшего возраста женщинами. Эмпирически — опирается на тринадцать биографических интервью, разработанных и проведенных в соответствии с подходом life course. В качестве лейтмотива определена тема ухода за внешностью на разных этапах жизненного пути. Интервью были проведены с женщинами старше 60 лет, проживающими в Санкт-Петербурге и регулярно пользующимися косметологическими процедурами anti-age. Актуальная исследовательская перспектива жизненного пути дала возможность рассмотреть истории женщин как последовательность индивидуальных выборов, определяющих жизненные сценарии. Анализ данных показал, что выбор сценариев старения связан с попытками женщин контролировать возрастные изменения внешности.

В ходе анализа были выделены три альтернативных сценария старения: женщина без возраста, активная пенсионерка и профессиональная бабушка. Выявленные сценарии аналитически описаны и сопоставлены с новым дискурсом активного долголетия и нормативным сценарием женского старения.

Ключевые слова: исследования старения; женское старение; anti-age косметологические процедуры; сценарии старения; life course; подход жизненного пути

Благодарности

Автор выражает благодарность Елене Александровне Богдановой за поддержку и помощь в работе над статьей.

Введение

Перспектива жизненного пути [Elder, 1974; Kohli, 2007] обладает значительным потенциалом для исследований старения [Szatur-Jaworska, 2020], в частности как социально и культурно детерминированного феномена [Dannefer, 2003; Foster, Walker, 2021]. В широком понимании исследования, выполненные в парадигме жизненного пути, сфокусированы на изучении биографических изменений, происходящих в условиях изменяющихся социальных структур [Mortimer, 2019]. Конструктивистское направление подхода life course предлагает максимально отказаться от внешних структур как оснований понимания и анализа жизненного пути. Упорядочение нарративов о жизни обеспечивается тем, что сознание индивидов нормативно детерминировано, и они так или иначе руководствуются принятыми в обществе биографическими ориентирами [Holstein, Gubrium, 2007].

Трансформации жизненного пути в эпоху постмодерна привели к нарастанию хронологической дестандартизации и к индивидуализации. Если более ранние формы организации общества предлагали индивидам готовые жизненные сценарии, то в современном обществе индивиды вынуждены рефлексивно создавать свои собственные биографии [Кузьминых, 2008: 37]. Российские исследователи, изучающие современные биографии, неоднократно обращали внимание на тенденции роста «неопределенности в трудовых, брачных, семейных сценариях» [Григорьева, 2018: 15] и «открытости выбора жизненного пути» [Евсеева, Ядова, Якимова, 2019: 14]. Елена Тыканова и Анисья Хохлова подчеркивают, что в фокусе актуальных исследований жизненного пути индивиды рассматриваются как агенты, «осуществляющие постоянную работу над конструированием и переконструированием своих биографий в попытках адаптироваться к давлению изменчивого социального, культурного, политического и экономического контекста» [Тыканова, Хохлова, 2016: 13].

Кроме возникающей множественности жизненных сценариев исследователи отмечают также переопределение возрастных переходов и, соответственно, размывание возрастных границ [Kohli, 2007; Pickard, 2016], отделяющих одну возрастную группу от другой по критериям ожидаемого поведения, жизненных целей и достижений. Сценарий естественного старения, сопровождаемого физиологическим снижением и упадком в старшем возрасте [Смолькин, 2007], перестает быть единственным и доминирующим. Формируется пространство для возникновения разнообразных сценариев старения, ориентированных на поддержание физической формы, сохранение активной жизненной позиции и активное включение в рынки оплачиваемого труда и потребления.

В России в последние годы создаются дополнительные условия для появления альтернативных естественному сценариев старения. Концепция активного долголетия, опираясь на принципы индивидуального и неолиберального выбора и выступая ориентиром российской социальной политики и официальной риторики в отношении индивидов старшего возраста¹, способствует продвижению здорового и образа жизни и сохранению включенности старших в жизнь общества [Низамова, 2016; Григорьева, Богданова, 2020]. Будучи российским вариантом концепции активного старения (active aging — термин Всемирной организации здравоохранения), идеология активного долголетия последовательно проникает в российское общество в качестве основы политических инициатив и общественных дискуссий в средствах массовой информации [Hořavins, 2020], легитимируя возникновение альтернативных сценариев старения. Необходимо отметить, что в категориях активного старения принято говорить о раннем пенсионном, или так называемом третьем, возрасте [Laslett, 1987], когда индивиды сохраняют свою автономность, агентность и не испытывают серьезных проблем со здоровьем. В нашем исследовании мы сосредоточились на изучении сценариев старения, конструируемых женщинами третьего возраста, которые регулярно прибегают к процедурам anti-age косметологии.

Ученые отмечают, что оценка социальной ценности женщин в любом возрасте тесно связана с их внешностью [Kukkonen, 2021]. Появление новых представлений о сохранности своего тела оказывается связано с социальной стороной жизни женщины. Лаура Кларк подчеркивает, что женщины, скорее, прибегают к практикам ухода за внешностью (beauty practices), чтобы «сохранить социальную видимость и смягчить социальные последствия старения» [Clarke, 2017: 108]. К числу таких практик относится применение anti-age косметологических процедур.

Зонтичный термин «anti-age косметология» объединяет комплекс современных косметологических методик, применяемых для устранения и профилактики таких признаков старения кожи, как сухость, морщины, опущение или провисание тканей (птоз) вследствие потери упругости и эластичности,

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 № 164-р. URL: <http://government.ru/docs/21692/> (дата обращения: 04.10.2024).

пигментация, появление выраженного сосудистого рисунка и других. Культуре потребления anti-age услуг в России посвящен ряд современных исследований. Дарья Кривонос отмечает, что самосовершенствование при помощи anti-age косметологии как проявление неолиберальной логики позволяет российским женщинам преобразовать себя в ожидании перемен, повышения жизненных шансов и улучшения социального статуса [Krivonos, 2014: 68]. Исследование Марии Давиденко также свидетельствует о том, что забота о внешности и потребление anti-age услуг расцениваются представительницами среднего класса и среднего возраста, проживающими в крупном российском мегаполисе, как способ сохранить или приобрести конкурентное преимущество, например, в трудовой сфере [Davidenko, 2019]. В этом смысле социальная активность женщин старшего возраста в сочетании со становящимися доступными трансформациями телесности может способствовать формированию альтернативных способов старения и в российском обществе. Однако, чему создается альтернатива? Исследователи сходятся в том, что культурным (нормативным) гендерно-ролевым и возрастным сценарием женского старения, принятым в российском обществе, является сценарий включенной в заботу о внуках бабушки, сопровождаемый определенным внешним образом. Соответствующие нормы и ожидания укоренены в социальных институтах и в значительной степени определяют образ жизни женщины старшего возраста, существенно ограничивая ее собственную агентность. Опираясь на выводы, к которым пришла в своем исследовании социолог Анна Шадрина, можно сказать, что часть российских женщин в старшем возрасте сознательно выбирают быть бабушками и выглядеть как бабушки [Shadrina, 2024]. Социальные убеждения в отношении женского старения, навязанные культурой, интериоризируются старшим поколением, что, в свою очередь, обуславливает устойчивость существующей возрастной нормативности и способствует ее укреплению [Зеликова, 2020]. Процесс формирования альтернативных сценариев старения женщин в таких условиях представляется длительным и сложным, не всегда встречающим поддержку со стороны общества.

В статье мы опираемся на данные исследовательского проекта², целью которого было изучить, как проживают свои старшие годы российские женщины, которым благодаря достижениям в сфере косметологии удается брать под контроль процессы телесного старения [Макарова, 2024]. Основываясь на концепции жизненного пути в ее современном прочтении и теоретических разработках сценарного подхода, мы отвечаем на вопрос, какие альтернативные сценарии старения конструируют российские женщины, регулярно использующие anti-age косметологические процедуры в старшем возрасте. Данная работа вносит вклад в развитие широкой дискуссии о социальных аспектах процесса старения и потенциале конструктивистской перспективы life course в исследованиях женского старения в России.

² Проект реализован автором статьи в рамках обучения в магистратуре (факультет социологии) Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2020–2022 годах.

Сценарный подход и нормативный сценарий старения российских женщин

В социологии сценарный подход многократно применялся учеными в области гендерных исследований, исследований сексуальности [Gagnon, Simon, 1973; Laumann et al., 1994] и реже исследований, фокусирующихся на пересечении возраста и гендера. В частности, концептуализируя мужественность с учетом трансформации сценариев западной гегемонной маскулинности в старшем возрасте, Габриэла Спектор-Мерсель призывает учитывать динамику всего жизненного пути в исследованиях старения и мужчин, и женщин [Spector-Mersel, 2006]. Ярослава Хасманова Марханкова анализировала культурные сценарии бабушек в Чехии в контексте изменений нормативных представлений о старении в связи с продвижением идеи активного старения [Hasmanová Marhánková, 2019]. Авторы приходят к выводу, что актуальные идеализированные представления об активном старении создают проблемы для выполнения роли бабушки [Hasmanová Marhánková, 2019: 1687].

Развитию сценарного подхода в России способствовала работа Анны Темкиной «Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой» [Темкина, 2008], посвященная исследованию социальной организации сексуальной жизни советских и постсоветских обществ. Теория сценариев, адаптированная в работе Анны Темкиной, во многом послужила основой концептуальной модели этого исследования. По аналогии мы выделили ряд составляющих женского сценария старения, а именно: гендерно-ролевые предписания и практики, телесную нормативность и контроль за процессом старения женщины со стороны общества и институтов. Стоит также пояснить отношения, возникающие между культурным нормативным, укорененным в общество сценарием женского старения и вновь формирующимися альтернативными его вариациями, которые конструируются на индивидуальном уровне. Культурный сценарий задает общие правила и нормы проживания этапа жизни. В то же время «культурные сценарии существуют как внешние структуры по отношению к индивидуальной биографии, они создают возможности для действия и его интерпретации» [Темкина, 2008: 31]. Опираясь на работы упомянутых исследователей, мы рассматриваем индивидуальный сценарий как структуру социальных ожиданий, адаптированных под индивидуальные потребности женщин и конкретный социальный контекст.

Исследователи соглашались с тем, что в нормативный женский сценарий старения в российском обществе по-прежнему встроен дискурс естественного старения. Доминирующий негативный (непривлекательный) образ старения продолжает поддерживаться социальными институтами [Зеликова, 2020]. Социальными маркерами старения тела выступают седина, морщины, лишний вес, дряблость и гравитационные изменения кожи, отсутствие зубов и другие. Образ бабушки предполагает утрату сексуальности [Зеликова, 2018: 137; Shadrina, 2024]. Старение тела расценивается как своего рода сигнал начала периода старения, на основании которого происходит вытеснение индивида (особенно женщины) из многих сфер социальной жизни, включая

рынки труда и потребления, сферу брачных отношений [Зеликова, 2020]. Для российских женщин сам статус бабушки связан с «дискурсом снижения и увядания», отмечает Юлия Зеликова [Зеликова, 2020: 132]. В соответствии с нормативным сценарием женщине старшего возраста предписывается участвовать в практиках заботы о внуках в рамках традиционной гендерной роли бабушки [Зеликова, 2018, 2020; Shadrina, 2024]. «Обслуживание внуков и детей считается наилучшим уделом „бабушек“», — подчеркивает Ирина Григорьева [Григорьева, 2018: 11].

Данные и методология

В качестве исследовательской стратегии и метода изучения женских сценариев старения в условиях российского мегаполиса нами выбран подход жизненного пути. Учитывая рассмотренные трансформации жизненного пути в обществе постмодерна (см. введение), мы изучили жизненные истории (биографии) женщин как последовательность индивидуальных выборов, формирующих жизненный сценарий в старшем возрасте [Макарова, 2024: 546]. Эмпирическую базу исследования составили данные тринадцати лейтмотивных биографических интервью с российскими женщинами старше 60 лет, регулярно применяющими anti-age косметологические процедуры. Метод биографического интервью в рамках подхода life course позволил отказаться от жесткой возрастной хронологии и интерпретировать значения определенных фаз жизни женщин в сопоставлении с приобретенным жизненным опытом и с учетом всех остальных фаз жизни. Сценарии старения информанток были реконструированы в результате анализа интервью, не ограниченного традиционными представлениями о возрастных границах (подробнее о выводах исследования в отношении динамического аспекта анализа биографий см. [Макарова, 2024]). Блоки вопросов, составляющие путеводитель интервью в нашем исследовании, посвящены разным фазам и сферам жизни (детству, молодости, образованию, работе, семье и другим). Лейтмотивная тема ухода за внешностью встроена в путеводитель интервью и направлена на то, чтобы понять, как оценивают собственную внешность информантки, выяснить значение внешности для разных сфер (карьеры, отношений с мужчинами, сексуальности) и этапов жизни (детства, юности, молодости, зрелости), проанализировать опыт ухода за внешностью в разные периоды жизни, опыт и результаты применения anti-age косметологических процедур, узнать, как оценивают информантки отношения общества к женскому старению и к anti-age косметологии.

В ходе исследования на основе женских нарративов было реконструировано субъективное понимание информантками возраста, старения, связанных с ним ограничений или преимуществ. При выделении сценариев старения учитывались как нарративы о взаимодействиях информанток с внешними институтами и структурами, во многом программирующими возрастные границы, так и рефлексивное восприятие себя и старшего возраста в контексте

взаимоотношений с членами семьи, друзьями. В то время как применение подхода life course должно было максимально освободить нарративы от предзаданных нормативных сценариев старения, культурный сценарий бабушки проявился в интервью как паттерн в сравнениях и противопоставлениях, с помощью которых информантки описывают проживание старшего возраста. Этот культурный сценарий остается важным образцом ролевой функции женщины старшего возраста, что сказалось на структуре выявленных альтернативных сценариев женского старения.

Следуя исследовательской этике, эмпирические материалы собраны и использованы с согласия информанток. Персональные данные, полученные в процессе планирования и проведения интервью, были анонимизированы. В итоговую выборку вошли женщины от 59,5 до 74 лет (что соответствует категории третьего возраста), регулярно использующие anti-age косметологические процедуры (не реже двух раз, или двух курсов процедур, в год) и проживающие в Санкт-Петербурге (основное место жительства). Мегаполис характеризуется также наличием развитого рынка косметологических услуг. Рекрутинг осуществлялся с использованием социальных сетей. Отбор информанток частично проходил по методу снежного кома. Между тем на этапе завершения сбора эмпирических данных возникло понимание, что итоговая выборка не является единой сетью знакомств.

Все тринадцать женщин, участвующих в исследовании, официально оформили пенсию, но восемь из них на момент проведения интервью продолжали трудовую деятельность. Одиннадцать женщин имеют как минимум одно высшее образование (в основном различные инженерные специальности), две — среднее специальное. Брачный статус участниц исследования различается. На момент проведения интервью из тринадцати женщин девять были замужем, четыре разведены. Все женщины имеют (или имели) детей. Десять женщин на момент интервью имели внуков, которые проживают отдельно (иногда в других странах).

Фокус на применении процедур anti-age косметологии дал нам возможность обратить внимание на связь участниц проекта со сферой косметологии и медицины. Мы зафиксировали наличие медицинского образования (высшего и среднего) в двух кейсах, а также дружеские отношения с косметологами или занятость в индустрии красоты (салон красоты) в ряде случаев. Это обстоятельство следует рассматривать как условия облегченного доступа к практикам anti-age косметологии и потенциально высокой осведомленности в отношении (не)эффективности и (без)опасности таких процедур.

Мы не можем точно определить социально-экономический статус информанток, но данные, полученные в интервью, свидетельствуют о том, что все они располагали дополнительными (помимо пенсии) финансовыми ресурсами на момент проведения исследования. Согласно косвенным данным о предполагаемом социально-экономическом статусе, полученная выборка в основном репрезентирует городской средний класс и частично — высокодоходный слой общества. Генерализация результатов исследования имеет ограничения. В рамках нашего анализа мы можем говорить о сценариях женского старения,

формирующихся в среде обеспеченных российских женщин третьего возраста, регулярно использующих процедуры anti-age косметологии, в контексте развитой инфраструктуры мегаполиса.

Анализ данных выполнен с использованием синтеза техник кодирования и тематического анализа [Flick, 2009]. Присвоенные коды подлежали систематизации, объединению в субкатегории и далее — в основные категории. Категории, в свою очередь, были объединены в тематические области, границы которых оказались достаточно условными и в некоторых случаях пересекались друг с другом посредством общих кодов. Однако выявленные тематические области сформировались как достаточно автономные и в дальнейшем были объединены в несколько сценариев и проанализированы. После этого путем сравнения выделенных сценариев между собой были определены три основных, охватывающих все рассмотренные случаи сценария старения российских женщин, применяющих anti-age косметологические процедуры: женщины без возраста, активной пенсионерки и профессиональной бабушки. Построение типологии основано на таких критериях, как ведущая мотивация обращения к anti-age косметологии и доминирующий вид деятельности. В то время как первый критерий позволяет отличить сценарии женщины без возраста и профессиональной бабушки от сценария активной пенсионерки, второй критерий четко определяет сценарий профессиональной бабушки.

Альтернативные сценарии женского старения

В нарративах участниц исследования прослеживается отчетливая связь между изменениями внешности и ощущением возраста [Макарова, 2024]. В динамике биографического нарратива сложно выделить единый возраст, в котором информантки начинают предпринимать меры, позволяющие контролировать старение тела. Характерной чертой всех сценариев является прочная связь внешности и активности, когда молодежавый и ухоженный внешний вид воспринимается как индикатор ответственного отношения к себе, являясь важным условием социальной включенности и позволяя продлить период активной жизни (уменьшаются стигматизация и самостигматизация, обусловленные нормативными представлениями о женском старении). В то же время в процессе осознания возраста ценность здоровья для большинства информанток выходит на первый план. Например, Галина³ подчеркивает:

«Самое главное, что если у тебя ничего не болит, и ты как бы следишь за здоровьем, что в первую очередь здоровье, а потом уже твое лицо и все остальное, твой внешний вид, — вот тогда ты как бы живешь и радуешься, и счастлив...» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

³ Все имена изменены.

Рассматривая финансовое благополучие как возможность комфортно проживать данный период жизненного пути, участницы исследования часто приводят в пример своих менее обеспеченных ровесниц, для которых, например, обращение к anti-age косметологическим процедурам в старшем возрасте может быть недоступно:

«Потому что если мы возьмем меня и женщину, которая жила с другим достатком, назовем это более корректно, так, то, естественно, мы будем отличаться друг от друга. Это было бы смешно, во-первых, очень. Поэтому на 12 тысяч или на... (сколько там прожиточный минимум пенсия?) не пойдет она делать у вас инъекции какие-то, это тоже смешно» (интервью № 11, Алла, 59,5 лет).

Таким образом, для большинства информанток важными факторами в концептуализации возраста и выстраивании сценариев старения являются состояние здоровья и материальное положение, и это подчеркивает ограничения генерализации результатов исследования.

Женщина без возраста

Сценарий женщины без возраста реализуют женщины, которым удастся (согласно их субъективному ощущению) на данном этапе жизни мыслить себя вне возрастных ограничений, не вносить существенных изменений в свой образ жизни — «отложить» старение. В большинстве случаев женщины без возраста являются успешно занятыми, фактически находясь на пенсии. Они продолжают работать или самореализуются уже вне сферы оплачиваемой занятости. Работа не рассматривается исключительно в контексте источника доходов, большую ценность для женщины имеет возможность профессиональной реализации, что позволяет ей поддерживать свой социальный статус. Уход от профессиональной деятельности символизирует выключение из активной социальной жизни, что вызывает беспокойство. Светский образ жизни женщины без возраста предполагает такие активности, как посещение разнообразных мероприятий, общение с родственниками и друзьями, путешествия и пр. Социальная жизнь, согласно сценарию, разнообразна и наполнена, а финансовое благополучие женщин и/или членов их семьи является важным условием доступа к активному социальному образу жизни.

Оценка окружающих, среди которых могут быть друзья, коллеги, представители более молодого поколения, дети или партнеры, играет важную роль для женщины без возраста. Внимание и комплименты (в отношении внешности) со стороны мужчин особо значимы и придают дополнительную уверенность в себе. Это обстоятельство указывает на то, что нарастание возраста так или иначе проблематизируется женщинами, и внешняя привлекательность нуждается в верификации.

Женщина без возраста ведет не только активный, но и здоровый образ жизни: заботится о своем теле (применяет anti-age косметологические процедуры, правильно питается, занимается спортом) и о здоровье организма

в целом. Такие женщины стремятся выглядеть красиво, молодо (моложе своих лет) или, как минимум, не меняться много лет. Одна из участниц проекта полагает, что задача оставаться красивой является частью современной культурной нормы, предъявляемой обществом достаточно ультимативно:

«Но это, конечно, еще вот эта культура. Это культура же тоже, правильно? Это не только то, что ты хочешь быть красивым, ты обязан быть красивым, что такое, из-за уважения к людям» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Физическая форма и молодой внешний вид имеют прямое отношение к конкуренции за рабочие места:

«... без этого совершенно невозможно. Ведь хочешь выглядеть моложе. И это вообще сейчас тенденция такая в наше время, то есть все хотят выглядеть моложе, где бы ты ни работал и чем бы ты не занимался. Это важно для женщины, потому что увеличился, ну, срок жизни все-таки, ну, я имею в виду, такой активной жизни. Мы, видите, и работаем еще как бы и не собираемся пока вот просто сидеть дома» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

В рамках сценария возможны различные форматы взаимоотношений с мужчинами-партнерами, но для многих участниц исследования значимой оказалась роль достойной жены. Для Марины такая роль становится доминирующей и определяет ее отношение к своей внешности. На вопрос о целях применения anti-age косметологии Марина ответила следующее:

«В первую очередь чтобы нравиться своему мужу, потому что у меня муж считает, что я должна быть звездой — худой, красивой. Он очень за этим следит» (интервью № 5, Марина, 60 лет).

Сексуальность не теряет свои смыслы для женщины без возраста и может поддерживаться комплиментами и другими знаками внимания со стороны мужчин:

«Я чувствую себя женщиной, да, если мне хочется, потому что именно это дает мне [ощущение], что я женщина. Вот если я нравлюсь, если мужчины ко мне испытывают сексуально, то да, я себе, да, да, да, для меня это важно» (интервью № 3, Наталья, 63 года).

Зачастую сексуальность ассоциируется именно с внешней привлекательностью:

«Ну, вопрос сложный, потому что я считаю, что когда говорят, сексуальна ли женщина, все-таки больше имеются в виду внешние проявления...» (интервью № 8, Ольга, 60 лет).

С одной стороны, внешность в рамках данного сценария рассматривается как потенциальный ресурс для профессиональной реализации женщины, возможность чувствовать себя сексуальной и нравиться мужчинам. С другой стороны, забота о внешности дает возможность нравиться себе, чувствовать себя увереннее и получать удовольствие наряду с другими положительными эмоциями. Таким образом, отдельного внимания в нашем анализе заслуживает категория «для себя», использующаяся информантками как объяснение мотивации заботы о своей внешности. Это очевидно имеет отношение к сохранению возможностей вести социально активную жизнь. В то же время забота о себе может свидетельствовать о трансформации субъектности женщин в старшем возрасте, когда активная забота о своем теле и ее внешний результат в некоторой степени становятся залогом личной удовлетворенности и благополучия. Забота о внуках перестает быть единственно возможной функцией женщины старшего возраста. Согласно сценарию, женщины, как правило, не участвуют в практиках повседневной заботы о своих внуках, но ценят периодическое общение с ними, реализуя ролевую модель социально активной бабушки. Появляется пространство для заботы о себе:

«Ну, Вы знаете, когда я вот как бы в форме, что называется, то мне, конечно, и жить хорошо, весело, и я себя люблю и уважаю, я люблю кругом всех, и у меня хорошее настроение» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Галина уточняет, что выглядеть как бабушка — преждевременно и неприемлемо для нее. Косметология anti-age позволяет Галине выглядеть моложе, и именно ее внешность (как достижение) отличает ее от нормативного образа бабушки:

«...что можно сделать, чтобы отодвинуть как бы вот старческий вид, такую не старость как старость, а вот именно такой старческий вид, чтобы не быть бабушкой раньше времени на вид. На вид, я имею в виду, хотя бабушка я уже давным-давно, с 42 лет» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Критерием, определяющим в нашем анализе сценарий женщины без возраста, является мотивация обращения к косметологии anti-age как к эффективному инструменту, который помогает предупреждать или нивелировать (маскировать) признаки старения тела. Субъектная забота о внешности и стремление выглядеть моложе в таком случае направлены на сохранение желаемого уровня социальной активности, а также на поддержание социального статуса. Сценарий женщины без возраста предполагает включенность в конкурентные сферы социальной жизни, трудовые и брачные отношения.

Профессиональная бабушка

С одной стороны, в сценарий профессиональной бабушки встроены культурные идеалы повседневной заботы о внуках, с другой — реализация сценария предполагает ответственное отношение к своему здоровью и заботу о теле, согласуясь с неолиберальными принципами активного старения.

Быть профессиональной бабушкой означает безвозмездно заботиться о своих внуках, находясь на пенсии, и выполнять функции не только любящей родственницы, но и профессиональной няни и педагога. В отличие от двух других типов альтернативных сценариев, повседневность профессиональной бабушки на данном этапе жизненного пути подчинена приоритету заботы о внуках. Например, Юлия в настоящее время не работает официально и посвящает большую часть своего времени заботе о семье и внуках. При этом свою повседневную деятельность Юлия описывает, используя метафору работы:

«Я сейчас работаю: первое — водителем у детей, гувернанткой, педагогом, учителем музыки, сольфеджио и все» (интервью № 7, Юлия, 65 лет).

Мы обратили внимание на неоднозначность понятия бабушки, заявившую о себе посредством общей для всех изученных сценариев категории «бабушка — это другое». Подчеркнутая двусмысленность понятия объясняется интенцией участниц проекта сепарировать гендерную роль от соответствующего нормативным представлениям о старении непривлекательного внешнего образа. Например, Галина объясняет:

«Ну, то, что я стала бабушкой, это стала бабушкой, бабушкины чувства — никуда они не делись. Даже если ты хочешь быть девочкой, девушкой на вид, молодой, все равно ты как бы бабушка, твои чувства к внукам, ты бежишь нянчиться, и все. Но выглядеть-то ты хочешь не как... не как мы привыкли, вот как наши бабушки выглядят, а выглядеть ты хочешь как... как, там, твоя дочь или невестка» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Возвращаясь к сценарию профессиональной бабушки, подчеркнем, что эта роль считается желательной и позволяет реализовать себя в полной мере. Развитие и воспитание внуков в таком случае противопоставляется рутинной заботе о них и часто требует приобретения дополнительных компетенций (например, в рисовании, музыке). С точки зрения социальной включенности и телесной нормативности сценарии женщины без возраста и профессиональной бабушки очень похожи. Профессиональные бабушки успевают заботиться о себе (anti-age косметология, спорт, поддержание здоровья) и участвовать в других видах социальной активности. При этом оценка окружающих имеет значение. Например, для Юлии очень значимы ситуации, когда ее близкие отмечают (в том числе публично), что она выглядит моложе своего возраста:

«И очень нравится, когда мои внуки говорят: „Бабушка, вот сейчас 65 плюс будут сидеть дома [ситуация пандемии]. Но тебя в жизни никогда не остановят!“ Я уже Вам рассказывала, да. Они даже не посмеют. Вот это мне тоже очень нравится, когда внуки, они всегда, прихожу за ними в школу: „А это наша бабушка, это не мама, это бабушка!“ То есть как бы там бабушки приходят, такие бабушки в платочках» (интервью № 7, Юлия, 65 лет).

Применение anti-age косметологических процедур позволяет по-новому понимать роль и телесность бабушки. Профессиональная бабушка — это женщина, которая продолжает оставаться социально активной, личностно развиваться и хорошо выглядеть, не отказываясь от функций заботы о внуках.

Активная пенсионерка

Активная пенсионерка — это сценарий, который предполагает принятие себя в новом статусе после наступления пенсионного возраста и стремление проживать этот период максимально активно. Сценарии активной пенсионерки и женщины без возраста наполнены схожими смыслами с точки зрения их рассмотрения в контексте контроля за процессом старения женщины со стороны общества и институтов и гендерно-ролевых предписаний и практик. Между тем возможность жить активно, сохраняя здоровье и автономию, является основной ценностью для активной пенсионерки:

«Ну, хочется пожить немножко, активно пожить. Но если уж умереть, то умереть быстро — вот и все (смеется)» (интервью № 4, Тамара, 60 лет).

Для активной пенсионерки важен факт социальной включенности, при этом она может продолжать работать или заниматься различными другими видами социальной деятельности. Акцентируется внимание на здоровьесберегающем поведении и, в частности, на регулярных занятиях спортом:

«Последние 10 лет я занимаюсь, ну, спортом — не спортом, ну, как бы я активно достаточно физически занимаюсь. Вот сейчас вот даже дома у меня... У меня тренер приходит» (интервью № 4, Тамара, 60 лет).

Забота о внешности встраивается в концепцию здорового образа жизни активной пенсионерки и становится привычной:

«То есть для меня это так важно, как чистить зубы, вот, уход за собой. Потому что если я даже какой-то длительный период чего-то не делаю, хотя говорят, что кожа хорошая, хорошо выгляжу, у меня внутреннее ощущение собой — неудовольствие, то есть я как чего-то недополучила» (интервью № 6, Ирина, 69 лет).

Важно подчеркнуть, что, в отличие от женщины без возраста и профессиональной бабушки, активная пенсионерка в меньшей степени мотивирована

стирать или маскировать признаки старения тела и предпочитает выглядеть ухоженной:

«Я не хочу быть молодой, но как бы ухоженной в возрасте женщиной мне хочется выглядеть, ухоженной на свой возраст» (интервью № 6, Ирина, 69 лет).

Согласно сценарию, ухоженная внешность — это результат комплексных усилий и ответственного отношения к своему телу. Категория «для себя» в контексте обращения к anti-age процедурам наиболее органично встраивается в сценарий активной пенсионерки:

«Ну, конечно, ты когда хорошо выглядишь, ты более уверенная в себе, да... Если раньше даже я считала деньги, которые я трачу, мне теперь неважно, сколько это стоит, то есть, есть такая пока возможность, мне важно, как я выгляжу даже не в том плане, насколько я моложе выгляжу. Мне хочется, чтобы была свежая кожа, чтобы я могла вот там проснуться и утром на себя посмотреть с удовольствием, да, а не такая вся, как печеное яблочко» (интервью № 6, Ирина, 69 лет).

Таким образом, внешность в сценарии активной пенсионерки — это прежде всего личный успех и достижение вследствие ответственного отношения к себе. Anti-age косметология позволяет активной пенсионерке хорошо (ухоженно) выглядеть и оставаться включенной в общество (важен результат), и одновременно является социальной практикой потребления, которая создает ощущение продуктивности и контроля над своей жизнью (важен процесс заботы о себе).

Сопоставление сценариев женского старения

Проведенный анализ позволил нам выделить и охарактеризовать три типа альтернативных сценариев старения российских женщин, регулярно применяющих anti-age косметологические процедуры: женщины без возраста, профессиональной бабушки и активной пенсионерки. Если для женщины без возраста и профессиональной бабушки косметология anti-age — это прежде всего эффективный инструмент, позволяющий выглядеть более молодо, привлекательно (не выглядеть бабушкой в смысле нормативных ожиданий) и отодвигать мысли о старости, то для активной пенсионерки — это, скорее, инструмент, позволяющий выглядеть ухоженно (на свой возраст).

Как показали результаты нашего исследования, сценарии женщины без возраста и активной пенсионерки отчасти трансформируют культурные идеалы заботы о внуках. Периодическое общение с внуками встроено в сценарии как не обязательная, но желаемая социальная практика. Существенно изменился и сам статус бабушки. Эта роль сепарирована в восприятии от непривлекательного внешнего образа и, следовательно, не вызывает беспокойства в отношении социального статуса. Сценарий профессиональной бабушки

отличается тем, что в нем идентичность бабушки, заботящейся о внуках, вновь становится ключевой для женщины. Статус бабушки в таком случае не вызывает опасений и, напротив, становится ресурсом для самореализации и предметом гордости.

Заключение

В исследовании мы отталкивались от представлений о старении как социальном конструкте, что обязывало нас учитывать нормативный контекст общества и указывало на способность субъекта агентно влиять на то, каким образом проживается тот или иной жизненный этап. Применение метода биографического интервью и концепции life course позволило нам рассмотреть, как российские женщины третьего возраста конструируют собственные сценарии старения.

Проведенный анализ интервью позволил обнаружить диверсификацию сценариев женского старения. Это подтверждает выводы, сделанные другими российскими исследователями, в частности Ириной Григорьевой, о том, что, несмотря на институциональные ограничения, в современном обществе (в том числе и в России) существует пространство «для самостоятельного выбора, возможности контролировать собственную жизнь и обновлять ее сценарии» [Григорьева 2018: 15]. Применение anti-age косметологических процедур связывается самими женщинами с возможностью сохранять социальную включенность и конкурировать за ресурсы, будь то рабочие места, внимание мужчин или участие в социально значимых мероприятиях.

Альтернативные сценарии проживания третьего возраста современными российскими женщинами возникают на стыке нового неолиберального дискурса и традиционалистских представлений о старении. Все три альтернативных сценария старения обнаруживают в той или иной мере признаки ценностей концепции активного долголетия, популяризирующей образ активного и независимого неолиберального субъекта в старшем возрасте. В то же время важные элементы нормативного сценария бабушки, сосредоточенной на заботе о внуках, обнаруживаются во всех трех сценариях. Роль бабушки модифицируется, редуцируется, соотносится с персональными планами женщины, однако забота о внуках остается важной составляющей жизни женщин третьего возраста. Модифицируется не только понимание роли бабушки, но и телесности женщины, и практик заботы, осуществляемых ею о других и о себе.

Литература / References

Григорьева И. А. Пожилые женщины. «Вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. Т. 1. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1> EDN: VZPSHZ

Grigoreva I. A. (2018) Elderly Women: Over the Hill — Age- and Gender-Wise. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. Vol. 1. P. 5–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1>

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211> EDN: WMGFWL

Grigoryeva I., Bogdanova E. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 12. No. 2. P. 187–211. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

Евсеева Я. В., Ядова М. А., Якимова Е. В. Жизненные траектории личности в XXI в.: Особенности выбора // Новые социальные практики в зеркале социологии: Сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Ядовой. М.: РАН ИНИОН. 2019. С. 12–24. DOI: <https://doi.org/10.31249/nspr/2019.00.02> EDN: VZCCYF

Evseeva Ya., Yadova M., Yakimova E. (2019) Zhiznennyye traektorii lichnosti v XXI v.: Osobennosti vybora [Life Trajectories of Personality in the 21st Century: Peculiarities of Choice]. In: M. A. Yadova (ed.) *Novye socialnye praktiki v zerkale sociologii: Sb. nauch. tr.* [New Social Practices in the Mirror of Sociology: Collection of Articles]. Moscow: RAN INION. P. 12–24 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31249/nspr/2019.00.02>

Зеликова Ю. А. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140> EDN: YVBCQR

Zelikova J. (2018) The Construction of Aging in Contemporary Russia: Sex and Intimacy in the Late Life Period. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 1. P. 125–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>

Зеликова Ю. А. «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 124–145. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145> EDN: EQUUHX

Zelikova J. (2020) "I Can Only Perceive Myself as a Babushka": Aging, Ageism, and Sexism in Contemporary Russia. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 12. No. 2. P. 124–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145>

Кузьминых В. Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. Т. 4. № 12. С. 37–41. EDN: KPSYGV

Kuzminikh V. (2008) Life Course in Social Theory Evolution's Context. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. Vol. 4. No. 12. P. 37–41. (In Russ.)

Макарова К. А. Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 4. С. 541–552. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>

Makarova K. (2024) Life Course Perspective and Aging Studies: The Theoretical Development and Ways to Work with Empirical Data. *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 22. No. 3. P. 541–552. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>

Низамова А. Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 569–582. EDN: XHFLWL

Nizamova A. (2016) Active Ageing and Outward Appearance: How Do Theoretical Conceptions Affect Self-Perception in Old Age? *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14. No. 4. P. 569–582. (In Russ.)

Смолякин А. А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2. С. 134–141. EDN: LDGYFP

Smolkin A. A. (2007) Medical Discourse in the Construction of the Old Age Image. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 10. No. 2. P. 134–141. (In Russ.)

Темкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2008. EDN: UPCCCT

Temkina A. A. (2008) *Seksualnaya zhiznzhenschiny: Mezhd podchineniem i svobodoi* [Sexual Life of a Woman: Between Submission and Freedom]. SPb.: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta. (In Russ.)

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 3. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301> EDN: YNKQJR

Tykanova E., Hohlova A. (2016) Key Concepts and Approaches in Sociological Life Course Studies. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 3. P. 4–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>

Dannefer D. (2003) Cumulative Advantage and The Life Course. *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 58. No. 6. P. 327–337. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/58.6.5327>

Davidenko M. (2019) The Ambiguities of Self-Governance: Russian Middle-Aged Middle-Class Women's Reflections on Ageing. *Ageing & Society*. Vol. 39. No. 3. P. 609–628. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X17001167>

Elder G. H. (1974) *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago.

Flick U. (2009) *An Introduction to Qualitative Research* (4th ed.). London: Sage.

Foster L., Walker A. (2021) Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention. *BioMed Research International*. Vol. 2021. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1155/2021/6650414>

Gagnon J. H., Simon W. (1973) *Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.

Holavins A. (2020) *Non-Governmental Elderly Care in Russia: Participation or Objectification?* Helsinki: University of Helsinki.

Holstein J. A., Gubrium J. F. (2007) Constructionist Perspectives on the Life Course. *Sociology Compass*. Vol. 1. No. 1. P. 335–352. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00004.x>

Clarke H. L. (2017) Women, Aging, and Beauty Culture: Navigating the Social Perils of Looking Old. *Generations*. Vol. 41 No. 4. P. 104–108.

Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead. *Research in Human Development*. Vol. 4. No. 3–4. P. 253–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/15427600701663122>

Krivosos D. (2014) *Biochemistry of Self: Gender, Emotions and Body Work in the Use of Anti-Age Cosmetic Treatments*. Helsinki: University of Helsinki.

Kukkonen I. (2021) Who Performs Appearance Work, and Who Believes Appearance Works? Gendered Appearance Beliefs and Practices in Finland. In: Sarpila O., Kukkonen I., Pajunen T., Åberg E. (eds.) *Appearance as Capital*. Leeds: Emerald Publishing Limited. P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-80043-708-120210003>

Laslett P. (1987) The Emergence of the Third Age. *Ageing and Society*. Vol. 7. No. 2. P. 133–160.

Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michael S. (1994) *The Social Organization of Sexuality: Sexual Practices in the United States*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Marhánková J. H. (2019) "I Want (to be) an Active Grandmother" Activity as a New Normative Framework of Subjective Meanings and Expectations Associated with the Grandmother Role. *Ageing & Society*. Vol. 39 No. 8. P. 1667–1690. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X18000223>.

Mortimer J. (2019) Life-Course Perspective. In: Ritzer G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Hoboken: John Wiley & Sons. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosl046.pub2>

Pickard S. (2016) *Age Studies: A Sociological Examination of How We Age and are Aged through the Life Course*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473957800>.

Shadrina A. (2024) Enacting the Babushka: Older Russian Women “Doing” Age, Gender and Class by Accepting the Role of a Stoic Carer. *Ageing and Society*. Vol. 44. No. 2. P. 457–474. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X2200037X>

Spector-Mersel G. (2006) Never-Aging Stories: Western Hegemonic Masculinity Scripts. *Journal of Gender Studies*. Vol. 15 No. 1. P. 67–82. DOI: <https://doi.org/10.1080/09589230500486934>

Szatur-Jaworska B. (2020) The Life Course Perspective in Social Gerontology. In: Łuszczynska M. (ed.) *Researching Ageing: Methodological Challenges and their Empirical Background (1st ed.)*. London: Routledge. P. 108–117. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003051169-11>

Сведения об авторе:

Макарова Карина Александровна — магистр социологии, аспирантка, школа вычислительных социальных наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** kmakarova@eu.spb.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Принята к публикации: 05.02.2025

BAK: 5.4.4

Anti-age Cosmetology in Older Age and Aging Scenarios of Russian Women in the Perspective of the Life Course

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.6

Karina A. Makarova European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
E-mail: kmakarova@eu.spb.ru

The article is devoted to studying aging scenarios for women in a modern Russian megapolis who regularly undergo anti-age cosmetology. Theoretically, the article focuses on developing a scenario approach and research debate on diversifying older women's ways of living. Empirically, the article is based on thirteen biographical leitmotif interviews that were developed and conducted within the life course approach. The theme of care for appearance at different stages of life was chosen as a leitmotif of the interviews. The interviewees were women over 60 years old, living in Saint Petersburg and regularly undergoing anti-age cosmetic procedures. The current research perspective of the life course has made it possible to consider the story of women's lives as a sequence of individual choices that determine life scenarios. Analysis of the data showed that the choice of aging scenarios is related to women's attempts to control age-related changes in their appearance. During the analysis, three alternative aging scenarios were identified:

ageless woman, active retiree, and professional granny. The identified scenarios are analytically described and compared with the new discourse of active longevity and the normative scenario of female aging.

Keywords: aging studies; female aging; anti-age cosmetic treatments; aging scenarios; life course; life path approach

Author Bio:

Karina A. Makarova — MA in Sociology, Graduate Student, School of Computational Social Sciences, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** kmakarova@eu.spb.ru.

Received: 12.11.2024

Accepted: 05.02.2025

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:
Виктория Владимировна Семенова

Редакция:
Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:
Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:
Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:
Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2025. Том 17. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2025.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com